

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ**

*Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвященной 80-летию со дня рождения
доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля
науки Республики Башкортостан, Почетного работника высшего
профессионального образования Российской Федерации
Кильдибековой Танзили Асхатовны
(г. Уфа, 26 ноября 2019 г.)*

Том I

**Уфа
РИЦ БашГУ
2019**

УДК 81'1+81'37

ББК 81+81.03

К63

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор **Р.А. Газизов** (*отв. ред.*);

д-р филол. наук, профессор **Г.Р. Абдуллина**;

д-р филол. наук, профессор **О.П. Касимова**;

канд. пед. наук, доцент **А.М. Ямалетдинова**;

канд. филол. наук, доцент **Г.В. Гафарова**;

канд. филол. наук, доцент **Р.Р. Лукманова**;

канд. филол. наук, доцент **А.О. Хужахметов**

К63 Коммуникативные единицы в свете современных научных парадигм: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан, Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Кильдибековой Танзили Асхатовны (г. Уфа, 26 ноября 2019 г.). Т. I / отв. редактор Р.А. Газизов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. – 252 с.

ISBN978-5-7477-4992-4

В сборник включены научные статьи, объединенные общей тематикой исследования коммуникативных единиц в свете современных научных парадигм. Рассматривается широкий круг актуальных проблем, отражающих различные аспекты указанной проблематики в междисциплинарной перспективе.

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 81'1+81'37

ББК 81+81.03

ISBN 978-5-7477-4992-4

© БашГУ, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наш сборник научных статей посвящается памяти доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РБ, Почетного работника высшего и профессионального образования РФ, ветерана труда Кильдибековой Танзили Асхатовны (1939-2015).

В 2019 году в нашей республике отмечаются знаменательные даты – 100-летие образования Республики Башкортостан и 110-летие создания старейшего вуза республики Башкирского государственного университета. В этом году исполнилось бы 80 лет Кильдибековой Танзиле Асхатовне, проработавшей в БашГУ с 1961 г.

Кильдибекова Танзиля Асхатовна родилась 15 марта 1939 года в городе Уфе. В 1956 году окончила с медалью уфимскую среднюю школу №35, по окончании школы поступила на филологический факультет Башкирского государственного университета. Все годы учебы она проявляла большой интерес к филологии, со второго курса начала заниматься научной работой. В 1962 – 1965 г.г. обучалась в аспирантуре и успешно защитила кандидатскую диссертацию.

В 1986 г. защитила докторскую диссертацию, которая была посвящена одной из главных проблем теории языка – взаимодействию лексики и грамматики (научный консультант – проф. Тихонов А.Н. (г. Москва)). Официальными оппонентами выступили академик Шмелев Д.Н. (Институт русского языка АН СССР), проф. Милославский И.Г. (МГУ), проф. Соколов О.М. (УДН), отметившие большую научную новизну и неординарность исследования, в котором, по мнению Милославского И.Г., «решается архисложная, можно сказать, сверхпроблема».

Круг научных интересов Кильдибековой Т.А. был широк и многообразен. Она занималась проблемами синтаксиса и морфологии, лексикологии (исторической и современной), антропонимики, сопоставительного изучения русского и башкирского языков. В последние годы жизни проводила исследования по наиболее актуальному направлению лингвистики – функционально-когнитивному описанию языка, которыми она начала заниматься в конце 80-х г.г., впоследствии создав в республике свою научную школу функционально-когнитивного сопоставительного изучения языков (русского, башкирского, английского). В рамках данного направления активно велась работа по

созданию вузовских учебников, функционально-когнитивного словаря нового типа. Под ее руководством защищено более 30 кандидатских и докторских диссертаций. В рамках новой научной парадигмы в работах Кильдибековой Т.А. и ее учеников исследованы важнейшие категории языка – темпоральность, локальность, персональность, орудийность, категории количества, признака, абстрактности и др.; описаны функционально-когнитивные сферы, лежащие в основе языковой картины мира; разработаны принципы содержательной грамматики активного типа; выполняются сопоставительные исследования.

Научная работа Кильдибековой Т.А. велась в тесном взаимодействии с представителями российских и западноевропейских лингвистических школ, в частности она активно участвовала в сотрудничестве БашГУ с Университетом им. Мартина Лютера (Германия), разрабатывая совместные научные и учебные проблемы. В 1991 г. под ее руководством была опубликована коллективная монография «Основы построения функциональной грамматики русского языка для нерусских» с участием немецких лингвистов. Она регулярно приглашалась на международные конференции и симпозиумы (Москва, Берлин, Лейпциг, Галле, Виттенберг, Баку, Ташкент, Минск и др.), где ее доклады пользовались неизменным успехом.

Результаты научных изысканий Кильдибековой Т.А. получили отражение в многочисленных трудах. Она автор более 160 научных работ, в том числе 7 монографий и более 30 словарей. Главные из них – “Структура глаголов действия” (Уфа 1983), “Глаголы действия в современном русском языке” (Саратов 1983), “Основы построения функциональной грамматики русского языка для нерусских” (Уфа 1991), “Когнитивные аспекты лексической системы языка” (Уфа 1998); “Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря” (Уфа 2003), “Функциональный аспект словообразования русского языка” (Уфа 2003); учебное пособие “Функциональное словообразование русского языка” (Уфа 1998), написанное коллективом авторов под руководством профессора Кильдибековой Т.А., было рекомендовано Министерством образования РФ в качестве учебника для филологических факультетов вузов России. Около 30 работ издано за рубежом (в Германии, Польше, Монголии, Югославии) и в центральных журналах (“Русская речь”, “Советская тюркология”).

В течение ряда лет Кильдибекова Т.А. была членом докторского Совета в Баку и кандидатского в Кемерово; принимала активное участие в работе двух советов по защите докторских и кандидатских диссертаций в БашГУ по специальностям «Литература и языки народов РФ» (председатель – проф. Зайнуллин М.В.) и «Сравнительно-историческое, сопоставительное и типологическое языкознание» (председатель – проф. Мурясов Р.З). Регулярно приглашалась в качестве официального оппонента на защиты докторских

и кандидатских диссертаций в вузы разных городов Москвы, Краснодара, Баку, Ташкента, Волгограда, Кемерово и др.; сотрудничала с Башкирской Академией наук, входила в состав секции языкознания Отделения гуманитарных наук; являлась членом терминологической комиссии при Президенте республики Башкортостан.

Как преподаватель Башкирского государственного университета читала лекционные курсы современного русского языка, исторической грамматики, старославянского языка, общего языкознания, спецкурсы по актуальным проблемам современной лингвистики; вела большую работу по обновлению лекционных курсов, учебных программ, направленную на внедрение в учебный процесс новейших достижений лингвистики, инновационных методов анализа языкового материала и создание учебников нового типа. Учебное пособие «Функциональное словообразование русского языка» (соавторы Миниярова И.М., Убийко В.И., Газизова Р.Ф.) было рекомендовано Министерством образования РФ в качестве учебника для вузов России (Уфа 1997, 1998, 2004). Позднее было опубликовано новое дополненное издание учебника (соавторы Колоколова Л.П., Миниярова И.М.) (Спб 2007). Учебник получил высокую оценку известных русистов – Тихонова А.Н. (Москва), Попова З.Д. (Воронеж), Каде Т.Х. (Краснодар), Харченко В.К. (Белгород), Аминова А.А., Байрамова Л.К. (Казань).

В 1977-78 гг. работала в Монгольском госуниверситете. В 1990-95 гг. заведовала кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания. В течение семи лет была заместителем декана филологического факультета.

По инициативе Кильдибековой Т.А. был организован научно-теоретический семинар «Теория поля в современном языкознании» для молодых ученых с приглашением ведущих ученых страны. В работе семинара в разное время приняли участие Новиков Л.А., Тихонов А.Н., Денисов П.Н., Нешименко О.П., Соколов О.П. (Москва), Алефиренко Н.Ф., Москвин В.П. (Волгоград), Каде Т.Х. (Краснодар), Мурашов Р.З., Зайнуллин М.В., Калимуллина В.М., Азнабаева Л.А., Чанышева З.З., Шафиков С.Г. (Уфа) и др. В 1991-99 г.г. было опубликовано 5 выпусков материалов семинара.

В 1991 – 1994 г.г. Кильдибекова Т.А. возглавляла творческий коллектив лингвистов языковедческих кафедр БашГУ, получивших право участвовать в исследованиях, выполняемых в рамках Российской Федеральной программы “Народы России: возрождение и развитие” по теме “Методика преподавания в условиях двуязычия”. Коллектив осуществил большую работу по теоретическому обоснованию функциональной грамматики русского языка с целью составления учебно-методического комплекса “учебник – сборник текстов и упражнений – учебный словарь” – изданная коллективная монография “Основы построения русского языка для нерусских” (Уфа 1991), выполненная при участии немецких лингвистов В.Бёка, Х.Эккерта, нашла широкий отклик

у русистов СНГ, Германии, Польши, Болгарии, Югославии, Индии, Норвегии. Далее в 1994 году тема “Методика преподавания русского языка в двуязычной аудитории” была включена в программу РФ “Университеты России”. Руководство этой темой осуществляла Кильдибекова Т.А. В 2000-2003 г.г. Президиумом РАН ей была присуждена Государственная научная стипендия.

Кильдибекова Т.А. воплощала живую связь русистики Башкирского университета с языкознанием России, что подтверждалось ее научными и личными контактами с такими учеными страны, как Тихонов А.Н., Новиков Л.А., Денисов П.Н., Милославский И.Г., Всеволодова М.В., Петрухина Е.В. (Москва), Бондарко А.В. (Санкт-Петербург), Немец Е.П., Лыков А.Г., Каде Т.Х. (Краснодар), Алефиренко Н.Ф. (Волгоград), Байрамова Л.К. (Казань) и др.

Особый интерес представляет лексикографическая работа Кильдибековой Т.А. – она возглавляла авторский коллектив, работающий над созданием учебных функционально-когнитивных словарей. Ей принадлежит идея и разработка уникального словаря, в котором описываются объемные фрагменты лексики, объединенные глобальными концептами: «жизнь человека», «движение», «труд», «речемыслительная деятельность», «зрение», «слух»; «внешность», «характер», «поведение», «чувства». Словарь создавался на базе обширной картотеки, над которой авторы работали более 25 лет. За создание проекта словаря был получен грант в Екатеринбурге. В 1997-2006 г.г. было опубликовано 10 выпусков словаря русского языка; в 2007 г. вышел в свет полный «Функционально-когнитивный идеографический словарь» в 2-х ч. общим объемом более 60 печатных листов. Авторы посвятили словарь 450-летию добровольного вхождения Башкортостана в состав Русского государства и Году русского языка в России. Параллельно велась разработка двуязычных словарей – русско-башкирских, русско-английских, русско-французских, к созданию которых привлекались докторанты, аспиранты, соискатели. На базе составленной ею обширной картотеки определены основные принципы составления многоязычного активного функционально-когнитивного словаря. Апробация этих принципов проведена на материале русского языка в серии выпусков “Функционально-когнитивного словаря русского языка”. За создание проекта словаря был получен грант в Екатеринбурге.

Последний выпуск – «Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира)» – М.: Гнозис, 2013. – 663 с.

Словарь переиздавался несколько раз в г.г. Уфе, Санкт-Петербурге, Москве; был представлен на Международном Открытом Книжном Фестивале в г. Москве и международном книжном фестивале Non-Fiction (Москва) и получил признание в ряде университетов зарубежных стран (Германия – Берлинский университет, Чехия – Карлов университет, Китай

– Пекинский институт русского языка), из которых были получены заявки также на двуязычный словарь (русско-английский).

В 1990-1995 г.г. Кильдибекова Т.А. заведовала кафедрой общего и сравнительного языкознания. С 1995 г. работала на кафедре русской филологии факультета башкирской филологии и журналистики. Специалист в области теоретического языкознания, современной и исторической лексикологии, словообразования, морфологии русского языка, лексикографии, сопоставительной и когнитивной лингвистики. В течение семи лет была заместителем декана филологического факультета. Награждена нагрудным знаком Госкомитета народного образования СССР «За отличные успехи в работе». В марте 2014 г. Информационным агентством Башинформ была опубликована статья «В поисках сокровенных тайн языка (к юбилею видного языковеда и педагога)».

Идей и научных планов у Танзили Асхатовны было много. Её жизненный путь – это неустанный труд, поиск новых знаний и постоянная готовность помочь тем, кто знал её как преподавателя, ученого, друга. Она не искала титулов и наград, её наградой были сердца и умы учеников и студентов.

Редколлегия

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ТЕКСТА
И ДИСКУРС

УДК 811.111

А.Г. Бакиев (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа)

**МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

В настоящей статье рассматриваются особенности процесса метафоризации в свете теории ментальных пространств и концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера на примере зооморфной метафоры “man is wolf”.

Ключевые слова: концептуальная метафора, синергетика, область-источник, область-цель, концептуальная интеграция, ментальные пространства, исходные пространства, бленд.

The present article dwells on the peculiarities of the metaphorization process in the light of the theory of mental spaces and conceptual blending by G. Fauconnier and M. Turner exemplified by the zoomorphic metaphor “man - wolf”.

Key words: conceptual metaphor, synergetics, source domain, target domain, conceptual integration, mental spaces, input spaces, blend.

Согласно когнитивному подходу процесс метафоризации предполагает взаимодействие двух сфер знания: *области-источника (source domain)* и *области-цели (target domain)*. Исходная *область-источник* представляет собой более конкретную область знания, как правило, знакомую собеседникам. *Область-цель* (сфера-мишени) является новой структурой знания, на которую проецируется понятие области-источника (сфера-источника). При этом, многие исследователи подчеркивают необходимость *основания* для образования метафоры – определенного *сходства* между объектами сферы-источника и сферы-мишени. Именно наличие этого основания объясняет причину, по которой понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов другой сферы [Чудинов 2003: 76].

Спустя десятилетие теория концептуальной метафоры получает особое развитие в теории *концептуальной интеграции (блендинга)*, разработанной Ж. Фоконье, М. Тернером и их последователями Т. Коулзоном, Дж. Окли и др.

В основе модели концептуальной интеграции лежит *теория ментальных пространств* Ж. Фоконье, а также *теория фреймов* М. Минского. Согласно первой теории в процессе коммуникации человек оперирует не словами, а более крупными концептуальными единицами – *ментальными пространствами*. По Ж. Фоконье, в высказывании всегда «имплицитно присутствуют огромные массивы информации», а лексические единицы выполняют лишь роль «инструкций, в соответствии с которыми осуществляется ментальное конструирование на когнитивном уровне» [Скребцова 2011: 168]. В концепции Ж. Фоконье ментальные пространства возникают в процессе как мыслительной, так и коммуникативной деятельности [Fauconnier, Turner 2002: 40].

В содержательном плане указанные пространства представляют собой модельные ситуации как *реальные*, произошедшие / происходящие в тот или иной отрезок времени, так и *гипотетические*. Так, например, в предложении “*yesterday I walked along the path*” сначала выстраивается пространство «*вчерашнего дня*», а затем моделируется ситуация «*прогуливался по тропе*» [Fauconnier, Turner 2007: 11].

Позднее Ж. Фоконье и М. Тернер формулируют основные положения теории *концептуальной интеграции (блендинга, смешения) ментальных пространств*, которая, по их мнению, объясняет процесс метафоризации. Ключевым тезисом данной теории стала идея о том, что метафоризацию следует рассматривать не как одностороннюю проекцию из сферы-источника в сферу-мишени (вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном), а как *динамичный процесс интеграции и слияния исходных ментальных пространств* (сферы-источника и сферы-мишени) и характерных для них *сценариев развития и фреймов*.

Итак, согласно теории концептуальной интеграции, метафорическая модель состоит из следующих пространств: *двух исходных* (input spaces), *родового пространства* (generic space) и *смешанного пространства / бленда* (blended space / blend). *Исходные пространства* используются для описания реальной ситуации, поэтому знакомы собеседникам. *Родовое пространство* представляет собой координирующую область, отображающую общие элементы входных пространств. В результате слияния двух исходных пространств возникает новая структура знания – *бленд* (смешанное пространство). *Бленд* (от англ. смесь, слияние) – это новый концептуальный конструкт, который, с одной стороны, сохраняет некоторые признаки исходных пространств, а с другой, не является их линейной суммой [Fauconnier, Turner 1998, 2002; Grady 1999; Coulson, Oakley 2000]. С точки зрения синергетики, бленд – *саморазвивающаяся, открытая, эмерджентная структура*, обретающая собственную идентичность и независимость от исходных пространств [Самигуллина, Бакиев 2017]. Для моделирования процесса метафоризации обратимся к

зооморфной метафоре “*man is wolf*”. Параметрами порядка исходных пространств выступают конвенциональные представления о них, чаще всего прямые значения, зафиксированные в словарях.

MAN IS WOLF (ЧЕЛОВЕК – ВОЛК)

Input Space 1 / Target Domain

Input Space 2 / Source Domain

Man

Wolf

- male adult, - human, - has consciousness, - has certain human qualities	- wild animal similar to a - large dog, - lives and hunts in groups, - fierce and cruel animal, - lives by instincts.

Рисунок 1. Область-цель *man* (человек) и область-источник *wolf* (волк)

Область-источник представлена понятием *волк* (*wolf*), которое проецируется на область-цель *человек* (*man*). С помощью данной метафоры автор «навязывает» субъективное представление и способ мышления о человеке как о волке – диком, свирепом животном, которое охотится в стаях и живет инстинктами. В зависимости от дискурсивных условий и ситуации общения актуализируются такие характеристики человека, как неосознанная жестокость, свирепость / отсутствие здравого смысла / преобладание животных инстинктов / голод / поиск жертвы / жизнь в группах-стаях / «охота» в группах-стаях и т.д.

Как отмечалось ранее, согласно теории концептуальной интеграции, механизм метафоризации не сводится к однонаправленной проекции смыслов, исходящих их области-источника в концептуальную сферу области-цели. Процесс метафоризации представляет собой образование новой концептуальной структуры – бленда, обладающей собственной идентичностью и новыми смыслами, качественно отличающимися от исходных пространств (область-цели и область-источник). В процессе их интеграции в сознании человека происходит «упорядочивание» всего представленного комплекса смыслов – параметров порядка, что выражается в объединении / фильтрации некоторых из них в конкретном дискурсе. Н.Ф. Алефиренко сравнивает данный процесс с «химической реакцией», «синергией», в результате которой получают некий конечный

продукт, амальгаму (сплав) [Алефиренко 2002, 2007; Тернер, Фоконье 1996, 1999, 2002].

Бленд “man-wolf” (человек-волк)

Понятие: man-wolf (человек-волк);

Движение / состояние: search for a victim (поиск жертвы), a hunt in packs (охота в стае);

Локализация в пространстве: adopted to live in severe cold conditions (приспособлен к жизни в суровых холодных условиях);

Участник: a lone wolf / a pack of wolves (одинокий человек-волк / стая людей-волков);

Характеристика: fierceness (свирепость), danger (опасность), преобладание животных инстинктов над человеческими качествами;

Цель: search for a victim (поиск жертвы);

Результат: gobbling of a victim (съедение жертвы);

Тезаурус: a pack of wolves (стая волков), a lone wolf (одинокий волк), to wolf down (жадно пожирать, проглатывать); hunger (голод); the big bad wolf (страшный серый волк); to throw smb. to the wolves (бросить кого-либо на растерзание волкам / поставить кого-либо под удар); howling (вой); a wolf in sheep's clothing (волк в овечьей шкуре) и т. д.

Завершающей стадией реализации метафоры является ее интерпретационно-оценочное осмысление. С позиций синергетики можно говорить о существовании целого ряда способов интерпретации одной и той же метафоры. Выбор одного из них обусловлен как понятийной системой и личным опытом конкретного реципиента, так и его принадлежностью к той или иной лингвокультуре. Из множества «конкурирующих» смыслов, исходящих из представленных областей знания, реципиент осуществляет выбор в тех или иных дискурсивных условиях. Достаточно часто данное решение не детерминировано, и любая флуктуация может стать значимой в определенных дискурсивных условиях. Этим может объясняться и тот факт, что в конкретном контексте благодаря метафоре могут быть актуализированы неконвенциональные, глубинные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры [Текст]: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 392 с.
2. Самигуллина А.С., Бакиев А.Г. Лингвосинергетическая интерпретация метафоры Т. Пратчетта (на материале произведений из цикла «Плоский мир»): монография / А.С. Самигуллина, А.Г. Бакиев. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 184 с.

3. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика [Текст]: Курс лекций / Т.Г. Скребцова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
4. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Текст]: Монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003. – 248 с.
5. Coulson, S., Oakley, T. Blending Basics [Text] / S. Coulson, T. Oakley // Cognitive Linguistics. – 2000. – Vol. 11(3/4). – P. 175-196.
6. Fauconnier, G., Turner, M. The Way we Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities [Text] / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 170 p.
7. Grady, J. Blending and Metaphor [Text] / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // Metaphor in Cognitive Linguistics / G. Steen and R. Gibbs (eds.). – Philadelphia: John Benjamins, 1999. – P. 101-124.
8. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Online] / Longman Dictionary of Contemporary English Online/ URL: <http://www.ldoceonline.com>;
9. Macmillan English Dictionary and Thesaurus [Online]: Free English Dictionary Online / MacMillan English Dictionary and Thesaurus/ URL: <http://www.macmillandictionary.com>

© Бакиев А.Г., 2019 г.

УДК 81

А.А. Бен Шушан (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа)

РЕЧЕВОЙ АКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (ПОМОЩИ) В СИТУАЦИИ ТРАУРА

В статье рассмотрен речевой акт предложения (помощи) в речевой ситуации траура. Обозначены основные характеристики высказываний соболезнования в рамках теории речевых актов. Описан их эмпатический потенциал. Представлены эксплицитные и имплицитные формы выражения предложения (помощи) во французском языке. Выявлен полиинтенциональный характер комиссивного речевого акта предложения (помощи) с включением директивного и экспрессивного иллокутивных намерений.

Ключевые слова: иллокутивный тип соболезнования, эмпатический речевой акт, предложение (помощи), экспрессивы, комиссивы, директивы, эксплицитный, имплицитный, иллокутивное намерение.

The article deals with the speech act of offering help in the speech situation of mourning. The main characteristics of condolence expressions in the framework of the theory of speech acts are indicated. Their empathic potential is described. Explicit and implicit forms of expression of the offer (help) in the

French language are presented. The polyintentional character of the comissive speech act of an offer (of help) with directive and expressive illocutionary intentions is revealed.

Key Words: *illocutionary type of condolence, empathic speech act, an offer (of help), expressive, comissive verbs, directive, explicit, implicit, illocutionary intention.*

В речевой ситуации траура выражение соболезнования представляет собой эмоциональный отклик говорящего, связанный с вербальным проявлением соучастия в связи с трагическим событием в жизни адресата. В данной статье высказывание соболезнования рассматривается в рамках теории речевой коммуникации, а также теории речевых актов, согласно которой речевой акт соболезнования представляет собой иллокутивный тип класса экспрессивов в классификации Дж. Серля [Серль 1986: 242–243] .

Иллокутивное намерение высказывания соболезнования проявляется в стремлении говорящего оказать психологическую поддержку горящему, а также разделить его горе, что позволяет отнести данный речевой акт к иллокутивным типам речевой эмпатии сферы сопереживания [Кузнецова 2010: 117-128]. Наряду с другими эмпатийными речевыми актами, иллокутивный тип соболезнования обладает рядом эмпатических характеристик, таких как эмотивность/эмоциональность, фактор искренности, эмпатическая направленность [Анищенко 2018: 8-16].

Анализируя высказывания соболезнования во французском языке, мы обратили внимание, на то, что, иногда, иллокутивный тип соболезнования сочетается с высказыванием предложения помощи.

В теории речевых актов речевое действие предложения помощи является более частным и ситуативно зависимым случаем выражения речевого акта предложения услуг [Филимонова 2011: 148]. Согласно классификации иллокутивных типов, предложенной Дж. Остином [Остин 1986: 28–30] и Дж. Серлем [Серль 1986: 170-195] предложение услуг является речевым актом класса комиссивов. Иллокутивным намерением комиссивных речевых актов является стремление говорящего связать себя обязательством совершить какое-либо действие или следовать определенной линии поведения. Предлагая помощь в речевой ситуации соболезнования и, тем самым, принимая на себя некоторое обязательство, говорящий стремится воздействовать на эмоциональное состояние адресата, демонстрируя обеспокоенность и заботу по отношению к собеседнику. Можно предположить, что речевой акт предложения (помощи) является имплицитным выражением эмпатийной речевой тактики «Я с тобой», а иллокутивное намерение данного речевого акта можно представить перформативной фразой «Я с вами в этой беде»:

– Mes condoléances. Je t’offre mon aide si tu as besoin de quoi que ce soit!
/ Мои соболезнования. Предлагаю тебе свою помощь, если тебе что-нибудь понадобится! [7]

Во французском языке предложение (помощи) может быть выражено *эксплицитно*. Как и в русском языке в качестве перформативного глагола данного иллокутивного типа во французском языке может выступать глагол «предлагать» “*offrir*”:

– Je tiens à offrir mes sincères condoléances à la famille et *offrir mon aide*
/ Я хочу выразить свои искренние соболезнования семье и *предложить* свою помощь [8].

– Mes condoléances. Accepte notre aide à surmonter cette période pénible
/ Прими мои соболезнования. Прими нашу помощь, чтобы пережить этот трудный период [9].

Языковое оформление речевого акта предложения (помощи) имеет различные способы реализации. Так, благодаря использованию модального глагола “*vouloir*” и настоящего условного наклонения *Conditionnel présent* фраза с предложением помощи приобретает вежливую форму, а само высказывание – более ритуализованный и официальный характер:

– Nous vous présentons nos sincères condoléances et beaucoup de courage en ses jours difficiles à toute la famille. *Je voudrais vous offrir mon aide* / Мы выражаем вам наши искренние соболезнования и желаем большого мужества в эти трудные дни для всей семьи. *Я хотел бы предложить вам свою помощь* [10].

Речевой акт предложения (помощи) может быть выражен *имплицитно* при помощи репрезентативного высказывания в форме условного предложения. В следующем примере, говорящий стремится продемонстрировать свое соучастливое отношение и поддержку по отношению к горюющим, при помощи речевого акта соболезнования и имплицитно выраженного речевого акта предложения (помощи) в вежливой форме:

– Ne pouvant assister aux obsèques de Laure, veuillez recevoir mes plus sincères condoléances ainsi que le témoignage de mon plus profond soutien en ces moments difficiles. *Si je peux faire quelque chose pour vous, je serai très heureux!* / Поскольку я не смогу присутствовать на похоронах Лоры, прошу принять мои самые искренние соболезнования и свидетельство моей глубокой поддержки в этот тяжелый период. *Если я могу сделать что-нибудь для вас, я буду очень счастлив!* [10]

Фразой «Счастлив, что-то сделать для вас» является репрезентативным утверждением, имплицитно выражающим предложение помочь. Кроме этого, она передает эмоциональное состояния

самого говорящего в качестве на пропозициональные знания, что свойственно экспрессивным речевым актам.

Совершая иллокутивный акт предложения (помощи), говорящий не только обязуется помочь, но и *побуждает* адресата предпринять ответное действие как реакцию на предложение говорящего.

В следующем примере говорящий побуждает адресата обратиться к говорящему за помощью:

– C'est une tragédie: nous sommes très malades à cette heure-ci. *Si nous pouvons vous aider avec quelque chose – contactez-nous immédiatement!* / Это трагедия: мы очень болеем душой за вас в этот час. Если мы можем вам чем-то помочь – немедленно свяжитесь с нами! [10]

Побудительная тональность высказывания проявляется и на лексико-грамматическом уровне, с употреблением императивного наклонения “*contactez-nous*”, а также наречия времени “*immédiatement*” с семантическим значением «требующим немедленного осуществления».

Согласно классификации Дж. Серля, речевые акты, используемые говорящим для побуждения адресата к совершению некоторого действия относятся к классу *директивов* [Серль 1986:170–195]. Таким образом, речевой акт предложения (помощи) контекстуально зависим, и может занимать промежуточное положение между классами комиссивов и директивов.

Несмотря на прямые побуждения говорящего обратиться за помощью, ответная реакция скорбящего ограничена речевым актом благодарности, поскольку воспринимается как речевой ритуал, выполняющим роль инструмента поддержания отношений.

– *Veillez accepter mes condoléances les plus sincères. S'il y a quelque chose que je peux faire pour vous aider, s'il vous plaît n'hésitez pas à appeler* / Примите мои самые искренние соболезнования. *Если есть что-то, что я могу сделать, чтобы помочь вам, пожалуйста, не стесняйтесь звонить.*

– *Un grand merci pour votre soutien et votre message si aidant* / Большое спасибо за вашу поддержку и за ваше сообщение [10].

Реализация психологической поддержки при помощи сочетаемости речевого акта соболезнования и речевого акта предложения (помощи) в ситуации траура помогает близким ушедшего из жизни пережить потерю. В следующем примере, намерением реагирующего адресата является выражение доброжелательного, дружественного отношения к горяющим в драматической жизненной ситуации. А желание и готовность оказать помощь продиктована не эгоистическими мотивами, а состраданием и эмпатическими чувствами.

– Nous avons été bouleversés d'apprendre le deuil qui vous frappe. *Si nous pouvons vous aider en quoi que ce soit, n'hésitez pas à faire appel à nous.* Plus que jamais, soyez assuré de notre sincère amitié / Мы потрясены известием о скорбном событии, которое вас постигло. *Если мы в состоянии чем-то вам помочь, не колеблясь, обратитесь к нам.* Более чем когда-либо, уверяем вас в своей симпатии и дружбе.

Как видим, в ситуации траура речевой акт *соболезнования* иногда сопровождается речевым актом *предложения (помощи)*. Особенностью данного речевого акта является то, что он контекстно зависим и сочетает в себе несколько иллокутивных намерений. Таким образом, в высказывании соболезнования комиссивный речевой акт предложения (помощи) предполагает стремление говорящего выполнить обещание помочь горящему. Директивный компонент того же речевого акта выражен намерением говорящего побудить адресата обратиться за помощью в трудной жизненной ситуации. Эмпатийной иллокутивной целью предложений (помощи) в ситуации соболезнования является стремление говорящего дать ему понять, что он не один в этой беде, и окружающие его люди готовы подставить ему плечо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко А.А. Эмоциональный и эмотивный потенциалы речевых актов сферы сорадования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2018/№2. С. 8-16.
2. Кузнецова А.А. Иллокутивные типы вербальной эмпатии: дис. ... канд. филол. наук / Кузнецова (Анищенко) А. А. – Уфа, 2010. – 211 с.
3. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Т. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. С. 28 – 30.
4. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. – М.: Прогресс, 1986. С. 170-195.
5. Филимонова Е.А. Этичные и неэтичные речевые акты класса комиссивов // Коммуникация: этико-лингвистический аспект. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 145-202.
6. Трофимова Н.А. Соболезнование: лингвистический взгляд (на материале немецкого языка) Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 2 С. 39-44.
7. <https://www.merci-facteur.com/modele-texte-condoleances.php>
8. <http://deuil.comemo.org/Lettre-condoleances-deces>
9. https://www.canva.com/fr_fr/citations/message-de-condoleances/
10. <https://des-obseques.fr/article/80-messages-de-condol%C3%A9ances/>

© Бен Шушан А.А., 2019 г.

АКТУАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Н. ГОТОРНА)

Статья посвящена проблеме актуализации метафорических конструкций в художественном тексте. Метафорические смыслы, заложенные в такие конструкции, и актуализирующиеся при помощи «претекстов» рассматриваются на примере оригиналов и переводов романов

Н. Готорна.

Ключевые слова: *метафора, претекст, метафорический смысл, художественный образ, смыслообразующие функции, Н. Готорн.*

The article is devoted to actualization of metaphorical structures in literary texts. Metaphorical meanings of such structures are analyzed on the basis of the originals and its' translations. Original texts created by N. Hawthorne are analyzed.

Key words: *metaphor, pretext, metaphorical meaning, literary image, meaning forming functions, N. Hawthorne.*

В художественном тексте язык является не только средством передачи информации и решения эстетической задачи, но и источником сведений о культуре. Многие исследователи, например, А.А. Потебня, М.Н. Кожина, В.А. Пищальникова и др., полагали, что метафоричность представляет собой важнейшую черту художественного текста и основу создания художественного пространства. Так, согласно Г.Д. Ахметовой, языковое пространство такого текста представляет собой метафорическую структуру [Ахметова 2010: 7]. Автор художественного текста прибегает к непрямым номинациям, имплицитно выражает оценки и мнения, «кодируя» посредством метафоры дополнительные скрытые смыслы.

В когнитивной лингвистике метафора получила новое определение: под ней понимается не просто перенос значения, средство создания образности текста, а «ментальная операция, участвующая в концептуализации и категоризации опыта человека и устанавливающая соотношение между языком и мыслительными процессами» [Богданова 2016:URL]. В данном русле метафора рассматривается как смысло- и текстопорождающий механизм, а также как универсальное средство познания мира. Таким образом, можно сказать, что метафора передает заложенные в нее своеобразные культурные коды.

Полагаем, что данный подход можно применить к анализу метафорических конструкций, использованных в интертекстуальных включениях в романах Н. Готорна. Тема статьи представляется актуальной, так как произведения исследуемого нами автора остаются недостаточно изученным с точки зрения их интертекстуальности и наличия в них отсылок к мифологическим претекстам, раскрывающим заложенные в них метафорические смыслы.

Цель настоящего исследования – изучить актуализацию автором метафорических конструкций посредством использование ссылок к претекстам, доказав метафорический характер включенных в текст мифов, легенд, преданий и прочих интертекстуальных элементов, а также выявив их смыслообразующие функции.

Метафорические структуры, которые во множестве введены Н. Готорном в текст его произведений, имеют важное смыслопорождающее значение, что существенно усложняет смысловое восприятие всего текста, так как без знания источников таких структур (претекстов) невозможно достичь понимания смыслопорождающих мифологических сцен и аллюзий, на которые опирается автор. Переводчику необходимо принимать во внимание эти элементы актуализации метафоры для передачи имплицитных смыслов, заложенных в интертекстуальные включения, а также в случае, если он не владеет необходимой информацией, для понимания переводимого текста

Тщательный анализ таких включений позволяет произвести интерпретацию всего текста, а выявление смыслообразующих функций интертекстуальных элементов помогает «связать их с авторскими интенциями» [Морозкина, Харькова 2017: 853].

Метафора может играть заметную роль в композиции художественного текста. Так, роман Н. Готорна «Мраморный фавн» насыщен разнообразными метафорическими моделями, поддерживающими авторский замысел. Сложные многообразные метафоры придают художественному тексту особую выразительность. Следует особо отметить, что автор не ограничивается единичным использованием метафор, но формирует многогранные метафорические образы, создавая так называемые сквозные мифологически окрашенные метафоры, проходящие через всю структуру текста. Такие развернутые метафорические конструкции состоят «из ряда взаимосвязанных и дополняющих друг друга метафор, усиливающих мотивированность образа путем повторного соединения все тех же двух планов и параллельного их функционирования» [Арнольд 1981: 83].

Метафора может играть и сюжетообразующую роль. Так, например, в текст романа «Мраморный фавн» включена легенда о дружбе рыцаря, одного из предков главного героя, с водной нимфой. Рыцарь, потомок

«фавна», обладал способностью не только видеть нимфу, но и вызывать ее, приходя к источнику, в котором она обитала. Нимфа могла утешить его в горькую минуту, разделить с ним радость. Однако однажды нимфа не явилась на его зов. Это случилось оттого, что рыцарь захотел «смыть со своих рук пятна крови» в источнике Нимфы. Никто больше не видел нимфу, и только на том месте, где рыцарь пытался смыть следы преступления, осталось кровавое пятно. Смыслорождающий эффект метафорического образа здесь заключается в том, что он является своеобразным отражением судьбы Донателло, главного героя романа. Опираясь на античные и средневековые легенды Н. Готорн создает сложную метафорическую структуру, выполняющую смысло- и сюжетобразующую функцию и являющуюся ярким примером мифотворчества автора.

С помощью метафорического переноса автор раскрывает характеры героев, их душевные состояния. Здесь нельзя не отметить такой оригинальный прием, как отражение внутренней эволюции персонажа через произведение искусства. Так, в начале романа Донателло представляется «двойником» мраморного фавна – скульптуры работы Праксителя. По мере развития образа в сюжетную канву вплетаются еще два скульптурных изображения, а именно, бюсты Донателло. Первый бюст впоследствии был разрушен скульптором, так как, по его мнению, не отражал истинные черты его друга: это «искаженное звериной яростью, смешанной с осознанной ненавистью» лицо [Готорн 1861: 157]. Полагаем, что в данном случае скульптурное изображение призвано символизировать «переломный момент» в душе героя, начало внутренних изменений в Донателло. Второй же бюст, оставшийся незаконченным, отобразил черты, в которых была видна «живость, способность наслаждаться жизнью», он представлял «фавна, но фавна, сделавшего шаг к высшему развитию».

Таким образом, в романе Н. Готорна метафора актуализирует имплицитные, подтекстовые смыслы. В композиции романа метафоры играют ключевую роль: с их помощью не только отображается динамика отношений героев и их развития, но и обозначаются кульминационные моменты в их истории.

Исследование метафоричности и имплицитных смыслов обязательно приводит к вопросу о способах понимания и интерпретации художественных текстов, связанных с декодированием метафор.

Извлечение имплицитной информации требует наличия в сознании реципиента определенных когнитивных схем, которые И.А. Стернин назвал рецептивными схемами, т.е. присущими сознанию людей и определяемыми социальным опытом моделями понимания, используемыми в процессе восприятия текста. Восприятие и интерпретация скрытого смысла метафорических выражений

осуществляются путем «аппликации рецептивных схем», то есть применения к конкретной фразе определенной, свойственной данной культуре схемы [Стернин 2012: URL].

М. Блэк указывает, что пониманию метафоры способствует знание исторического фона, анализ словесного окружения метафорически использованной единицы и интонация: «вычленение и интерпретация метафоры может нуждаться в обращении к особым обстоятельствам ее произнесения» [Блэк 1990: 153]. Чтобы раскодировать имплицитные смыслы, которые создает автор, используя метафорические выражения, переводчику следует не только ознакомиться с источником интертекстуальных включений, но и выяснить, считает ли автор использованное метафорическое выражение единственно возможным для передачи смысла, или лишь стилистическим приемом, или его применение нацелено на своеобразную «игру» с реципиентом. Такое «скрытое» сообщение, отраженное через специально подобранные метафорические структуры художественного текста, интерпретируется реципиентом с опорой на возникающие ассоциации, череда которых способствует выстраиванию целой образно-символической системы. Таким образом, знание первоисточников может помочь реципиенту «раскодировать» дополнительную информацию, передаваемую автором через претекстуальные элементы, «позволяющие подчеркнуть динамику развития образа» [Морозкина, Биктимирова 2016: 325].

Как видим, автором запускается сложный механизм актуализации мифологических конструкций через интертекстуальные элементы и введение их в художественный текст, который должен быть воспроизведен в процессе перевода. Для интерпретации этих конструкций в художественном тексте важны такие факторы, как знание природы художественного текста и функций метафоры, умение распознать метафорическое выражение в тексте, представление о возможных трансформациях смысла, которые возникают под воздействием контекста, знание исторического фона создания текста, а также первоисточников, использованных интертекстуальных элементов. При упущении в процессе перевода метафорических конструкций, актуализированных при помощи претекстов, значительный пласт контекстовой информации может оказаться бесследно утерянным для реципиента, а смыслообразующие функции метафор нивелируются, что может привести к искажению понимания смысла художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметова Г.Д. Языковое пространство художественного текста (на материале современной русской прозы). СПб.: Реноме, 2010. 244 с. С. 7.

2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования): учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Л.: Просвещение, 1981. С. 83.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153-172.
4. Богданова Е.С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. №3 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-hudozhestvennom-tekste-funktsii-vospriyatie-interpretatsiya> (дата обращения: 10.11.2019).
5. Готорн Н., Мраморный фавн. – Санкт-Петербург: Типография и Тиблена и комп. – 1861 г. С.157.
6. Морозкина Е. А., Биктимирова М. М. Метафоризация художественного текста и вопросы перевода (на мат-ле романа Н. Готорна «Мраморный Фавн») // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика: мат-лы Международной научно-методической конференции (г. Уфа, 12 – 13 мая 2016 г.) / отв. ред. Ф. Г. Фаткуллина. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 324 – 332.
7. Морозкина Е. А., Харькова Ю. В. Моделирование перевода интертекстуальных геральдических конструкций в пространстве художественного текста – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 851 – 855.
8. Стернин И.А. Метод аппликации ментальных схем в выявлении скрытого смысла высказывания (по материалам лингвистической экспертизы текста). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/118-izbrannye-stati-2006-2012> (дата обращения: 11.11.2019).

© Биктимирова М.М., 2019 г.

УДК 659.123.4

ББК 81.055

Р.А. Валеева (к.ф.н., доц. УЮИ МВД РФ, г. Уфа)

ЭКСПРЕССИЯ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена описанию способов достижения выразительности в русском рекламном тексте. Стремление бизнес-структур к получению максимальной выгоды приводит к ряду проблем: в текстах рекламы наблюдается десемантизация экспрессивной лексики; происходит потеря ресурсов экспрессивности русского языка.

Ключевые слова: экспрессивность, рекламный текст, десемантизация, средства массовой коммуникации, манипуляция подсознанием, социальные ценности.

The article is devoted to the description of ways to achieve expressiveness in the Russian advertising text. The desire of business structures to obtain maximum benefits leads to a number of problems. In advertising texts, there is a desemantization of expressive vocabulary; there is a loss of language resources of expressiveness.

Key Words: *expressivity, advertising text, desemantization, mass communication, manipulation of the subconscious, social values.*

Реклама как жанр публицистического стиля выполняет в современном коммуникативном пространстве информационную и воздействующую функции речи. То есть реклама, во-первых, информирует потенциальных потребителей о том, что конкретный товар (услуга) существует, описывает его конкретные характеристики, место и условия приобретения, а во-вторых, формирует интерес и желание приобрести предлагаемый товар (услугу). Как форма маркетинговых коммуникаций с целью привлечения внимания и создания спроса на свои товары и услуги реклама делает акцент на воздействующем характере своих текстов: не просто перечисляет, а расхваливает характеристики товара, используя для этого выразительные возможности языка. Например: *культовые ресницы; ультрамягкий суперточный аппликатор; атласное сияние; уникальная текстура; пышный веер ресниц* (реклама сети парфюмерных магазинов). Именно поэтому экспрессивность рекламного текста является основной его характеристикой.

В работах разных исследователей природа экспрессивности трактуется различно. Так, И.В. Арнольд, Ю.М. Скребнев, Э.С. Азнауров относят экспрессивность к разряду стилистических категорий. Как семантический феномен рассматривают экспрессивность В.Г. Гак, Н.А. Лукьянова, И.А. Стернин, А.Р. Вежицкая. Довольно широко распространен подход к экспрессивности как к функциональному феномену. В.Н. Телия понимает экспрессивность как функционально-семантическую категорию. Как функцию языка рассматривают экспрессивность А.А. Реформатский, Р.О. Якобсон, В.А. Авронин и др. К разряду прагматических категорий экспрессивность относят А.А. Мещер, Р.О. Пиотровский, Д.С. Писарев и др., т.к. экспрессивность ориентирована на адресата, т.е. имеет прагматическое значение [Писарев 1983: 121].

Для достижения выразительности в рекламе используются языковые единицы всех уровней – от интонационных качеств звучащего текста до лексических и синтаксических средств.

Назначением экспрессивной лексики является фиксация и квалификация в языке субъективно-оценочного восприятия реалий действительности. Фонд экспрессивной лексики языка характеризуется не

классификационным, а квалификативным предназначением [Лукьянова 1979: 46].

Кроме того, современные средства массовой коммуникации предоставляют к услугам рекламы широкий инструментарий. В плане производственной технологии в качестве средств актуализации внимания используются музыкальное сопровождение, видеоряд с участием узнаваемых актеров, сюжет, сериал. В когнитивном аспекте - это многоканальность восприятия. Благодаря телевидению, радио, Интернет и современной телефонии максимально активно используются и зрительный, и слуховой способы восприятия информации. Многоканальность восприятия позволяет строить в сознании ряд ассоциативных образов, воздействовать на чувства, эмоции, состояние реципиента, что обеспечивает максимальную включенность в ситуацию рекламы ее потребителя.

Проблемы экспрессивности текста обусловлены самой спецификой рекламного бизнеса, ведь ее основным технологическим приемом является повторяемость. С одной стороны, повторяемость рекламы преследует цель оказать максимальное воздействие, охватить как можно больше потребителей, с другой стороны, данная производственная технология оказывает противоположное действие – она отталкивает аудиторию. Многократность создает феномен избыточности, вследствие которой в сознании возникает некий защитный механизм в виде барьера восприятия, неприятия рекламного текста.

Прием повторения весьма негативно сказывается на языковой экспрессии: частое использования лексической единицы приводит к утрате ее выразительности. Многократное воспроизведение рекламного текста приводит к частичному выветриванию либо полному стиранию его экспрессивности. Вспомним, что произошло с журналистской метафорой советского периода *черное золото*. Это выражение сначала в силу своей меткости было подхвачено многими изданиями массовой информации, но от частого употребления оно потеряло свою образность, стало газетным штампом. Иллюстрацией могут также служить стертые метафоры, используемые в разговорной стили: *ножка стула, солнце встает, солнце заходит*; гиперболы: *сто лет не виделась, у меня не десять рук*.

Броские заголовки, названия телепередач, магазинов используются довольно активно в рекламном бизнесе: «Эльдорадо», «Счастливое детство», «Толпар». Однако очень быстро данные номинативы становятся обыденным элементом жизни. «Эльдорадо» в сознании уфимцев уже давно не ассоциируется с образом сказочно богатой страны, скорее это некий отпечаток в памяти о магазине с подпорченной репутацией. Название магазина «Счастливое детство» у определенной части населения может вызывать негативную реакцию. Если кто-то не имеет возможности

покупать игрушки, то какое у тебя (твоего ребенка) детство – счастливое(?!). Передача «Толпар» на башкирском телевидении изменила в сознании многих зрителей БСТ значение данного этнонима. Для детей *толпар* – не крылатый конь народной мифологии, а название интересной телепередачи, для взрослой публики это слово стало омонимом.

Описанные выше процессы представляют собой явление десемантизации средств языковой экспрессивности. Десемантизация определяется как процесс семантических трансформаций, происходящих с регулярными значениями языковых единиц в тексте. Десемантизация может приводить либо к полной потере значения, либо к значительным модификациям семантики языкового знака. [Кравченко 2009, 114]

Наиболее значительный ущерб в процессе десемантизации получает лексика. Выразительность образов, экспрессивной лексики от частого употребления вымывается, изменяется значение целых лексических пластов. Для национального языка в целом негативные последствия семантической трансформации можно квалифицировать как потерю ресурсов экспрессивности.

Рекламистам приходится снова и снова искать свежие образы, быть в постоянном поиске средств выразительности.

В 90-е годы излюбленным средством экспрессивности стал прием нарушения системных особенностей русского языка.

Реклама шоколадного батончика «*Крупнокалиберный вкус*» основано на нарушении лексической сочетаемости. В толковом словаре читаем:

КРУПНОКАЛИБЕРНЫЙ, ая, ое. Большого, больше обычного калибра. *Крупнокалиберная артиллерия*. [Ожегов 1999: 310].

Значит, крупнокалиберным может быть пулемет, артиллерия, пуля.

Слово *вкус* способно вступать в синтаксические связи со значительным рядом определений: вкус может быть приятным, хорошим, гадким, особенным, непередаваемым, даже аристократическим. Именно синтаксическая многовалентность слова *вкус* позволила посредством необычности словосочетания создать яркий рекламный образ.

Известный слоган батончика Snickers «*Не тормози - сникерсни*», созданный в 2004 году, обращён к молодым людям, которые вечно куда-то спешат. Экспрессия достигается за счет создания неологизма. В русском языке повелительное наклонение – это форма глагола, а в рекламе императив *сникерсни* в значении ‘съешь сникерс’, ‘подзарядись’: образован от существительного.

Парадокс экспрессивности *сникерсни* на этом не заканчивается. Некоторые внимательные потребители рекламы разобрались в этимологии заимствования. В английском языке *snick* означает ‘надрезать’ а *snее* – ‘кинжал, большой нож’. В переводе получается: «*Не тормози - заруби и зарежь*» [Разработчик рекламы для Сникерса 2019]. Возникает

закономерный вопрос: какую информацию в действительности несет этот англоязычный рекламный текст?

В современных рекламных роликах бренд «Сникерс» усиливается темой голода: *«Ты не ты, когда голоден»*. Завершается агитация товара предложением быстро разбогатеть: *«Побеждай голод и выигрывай дерзкие призы»*. Подзаголовки *«Подробнее об акции»*, *«Купить»* преследуют цель заинтересовать покупателя информацией о призах. Рекламный сериал *голоден – скушай батончик – выиграй приз* становится способом увеличения продаж. Здесь необходимо отметить комплексное воздействие: броский рекламный текст, опора на физиологическую потребность в еде, предложение разбогатеть, получить приз. Через подсознание реклама становится способом популяризации потребительского образа жизни.

В последнее время популярным средством привлечения внимания в рекламе стало использование абсурдных выражений.

Макдоналдс и Leo Burnett Moscow выпустили новое видео в рамках промоакции нового куриного сэндвича «Чикен Премьер». Видеоролик сопровождается рекламным текстом *«Вот что я Кукареку!»*; *«Вот такую курицу я кукареку!»*

Возмущенные оценки заполнили Интернет: «Как бы ни был богат русский язык, но маркетологи при составлении текстов рекламы порой перепрыгивают самих себя в своих фантазиях»; «С точки зрения русского языка предложение составлено совершенно неправильно»; «Странная структура у этого предложения, она составлена вопреки всем законам грамматики и стилистики русского языка»; «МакДональдс обозвал клиентов петухами!»; «Это продукт малопрофессионального низкоконтентного маркетинга» [МакДональдс...: 2019].

Реклама получилась запоминающейся. Однако не стоит забывать: потеря правильности ведет к тому, что язык утрачивает чувствительность к смысловым оттенкам, перестает обеспечивать семантические и стилистические различия. Речь обесмысливается, превращается в пустословие.

Еще пример. Реклама шоколадного батончика АО «Эссен Продакшн АГ»: *«Раз два, три, четыре, пять. Вышел зайчик тридцать пять»*.

Реклама популяризирует не батончики, жвачку, помаду и т.п., а образ жизни человека, берущего от жизни только удовольствие. Российскую передовую общественность тревожит факт направленности рекламного бизнеса на чуждую для нашей ментальности потребительскую идеологию, философию индивидуализма, ее информационно-агрессивный характер. Ср. рекламные тексты, являющиеся простым переводом слоганов западных роликов: «Не дай себе засохнуть», «Все по МАКСИМ уму», «Бери от жизни все!», «Имидж ничто – жажда все!», «Пусть платит другой!». Особенно серьезную опасность информация такого рода представляет для молодежи. Молодые люди, не имеющие жизненного

опыта, только начинающие формировать систему духовных ценностей, активно воспринимают рекламные установки. Так происходит формирование жизненных ценностей. [Валеева 2006: 73].

В погоне за прибылью рекламодатели не гнушаются способами психологического воздействия. Особенности языка и принципы его употребления используются с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении.

В тексте рекламы автомобилей (Мицубиси) *Всегда есть место для главного* используется такой прием манипуляции сознанием, как замещение позиции. Понятие «место для главного в жизни» замещается понятием «место в автомобиле». Рекламный слоган диктует другую жизненную позицию: место в автомобиле важнее всего остального.

В рекламе туалетной бумаги *Здравый смысл подскажет точно: «Бери «Фамилию» и точка!* используется ложное умозаключение: хочешь быть здравомыслящим человеком, надо брать именно эту туалетную бумагу.

Авторы текста *«Чтобы не столкнуться с неадекватным собственником – зарегистрируйся на «Циан»* апеллируют к человеческой эмоции страха: если не регистрируешься, встретишься со страшными людьми.

Реклама пива *«Там, где мы вместе»* эксплуатирует чувство дружбы. Замечает ли потребитель, что это не дружба вовсе?

Современная теория коммуникации квалифицирует подобную практику рекламной коммуникации как манипуляцию подсознанием.

Современная реклама, являясь частью массовой культуры, принимает участие в формировании мировоззренческой позиции. В заключение остается выразить надежду, что когда-нибудь язык рекламы в нашей стране будут опираться на общечеловеческие ценности: семью, образование, уважение к окружающим, гуманизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеева Р.А. Реклама как способ реализации воздействующей функции современных средств массовой коммуникации // Коммуникативно-функциональное описание языка. Сборник научных статей. Ч. III. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 72-77.
2. Кравченко О.В. Десемантизация как семиотический механизм порождения лингвистического абсурда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2009. - № 2. - С. 114-116. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/desemantizatsiya-kak-semioticheskiy-mehanizm-porozhdeniya-lingvisticheskogo-absurda> (Дата обращения: 05.11.2019).

3. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики / Н. А. Лукьянова; Отв. ред. А. И. Федоров. - Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. - 227 с.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Разработчик рекламы для Сникерса. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/sovetnik/332/> (Дата обращения 10.11.2019).
6. Писарев Д.С. Функционирование восклицательных предложений и их прагматический аспект. Прагматические аспекты функционирования языка / Д.С. Писарев. - М.: Изд-во АГУ, 1983. - 400 с.
7. Макдональдс обозвал клиентов петухами. [Электронный ресурс] URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d2877e595aa9f00ad204fc7/makdonalds-obozval-klientov-petuhami-net-chto-govoriat-sami-reklamsciki-obnovl-12-5d443b5df0d4f400ae3f46ca> (Дата обращения: 10.11.2019).

© Валеева Р.А., 2019 г.

УДК 81'42

О.А. Гаврикова (асп. БашГУ, г. Уфа)

НАВЯЗЫВАНИЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ В КЛИКБЕЙТ-ЗАГОЛОВКАХ И ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В настоящей статье речь пойдет о пресуппозиции в кликбейт-заголовках политических медиатекстов как об инструменте моделирования политической реальности посредством языка. Благодаря сильной позиции заголовка и эффективности кликбейта в привлечении внимания, частное мнение или ложная информация, преподносимые на пресуппозиционном плане, воспринимаются аудиторией как общеизвестные, безусловно-истинные, и не осмысливаются критически.

Ключевые слова: *кликбейт, медиадискурс, заголовки медиатекста, картина мира, пресуппозиция, навязывание пресуппозиции, лингвополитическое моделирование реальности*

The article is devoted to presuppositions in clickbaiting headlines of political mass media discourse. They are viewed as an instrument of linguistic political modeling of reality. Due to the strong position of the headline combined with effective clickbait-tactics of attracting readers' attention personal opinions and false information in the presuppositional plan are perceived as true and generally accepted without any critical thinking.

Key words: *clickbait, mass media discourse, headline, presupposition, linguistic political modeling of reality*

Значительные изменения в характере освещения событий последних лет в средствах массовой информации, несомненно, являются ничем иным как ответной реакцией на вызовы современности. В условиях информационной войны, где решающую роль играет именно вербальное оформление происходящего, возникает вопрос: в чьих руках сосредоточена реальная власть? Тексты выступлений политиков изначально обладают определенным манипулятивным потенциалом, который, однако, может быть усилен или ослаблен средствами массовой информации. Именно поэтому многие исследователи сходятся во мнении, что «газетно-публицистический дискурс не просто отражает происходящее, но и во многом создает, моделирует событийную реальность» [Ларионова 2013: 220], [Чанышева 2019].

В настоящей статье речь пойдет о пресуппозиции в кликбейт-заголовках политических медиатекстов как об инструменте лингвополитического моделирования реальности. Актуальность исследования обусловлена увеличением доли имплицитной информации, которую СМИ используют в качестве эффективного средства воздействия на аудиторию и формирования необходимой картины мира, создавая при этом видимость самостоятельного принятия решений и обоснованных выводов.

Предлагаемая точка зрения основывается на смещении акцента в исследованиях текста в сторону его прагматического аспекта: «текст рассматривается как задающий веер возможностей своей интерпретации. Текст обладает принципиальной множественностью, которая заключает в себе несколько разных смыслов» [Ленкова 2011: 96]. В свою очередь, заголовки медиатекстов также претерпели некоторые трансформации: некогда самая важная информативная функция уступила место функции воздействия и регулирования поведения читателей [Синельникова 2014: 258].

Вслед за Т.Б. Радбилем и В.А. Юматовым под *пресуппозицией* мы понимаем «невербализованное, т.е. не высказанное прямо суждение, которое полагается «по умолчанию» как общеизвестное или безусловно истинное, выступая основным условием осмысленности всего высказывания, т.е. своего рода «базой» для его понимания» [Радбиль, Юматов 2014: 19]. В отношении медиадискурса в рамках теории лингвополитического моделирования актуальным представляется также определение пресуппозиции, предложенное практиком и тренером в области нейро-лингвистического программирования А. Любимовым: «пресуппозиции – это аксиомы реальности, создаваемой речью» [Любимов].

О значимости пресуппозиции для критического дискурс-анализа пишет Кэти Уэльс (A Dictionary of Stylistics, 1989 г.). Как указывает автор, благодаря ей можно высказывать «имплицитные предположения об истинности вещей, которые таковыми могут и не являться», что позволяет использовать их «для инсинуаций относительно какой-либо информации, системы ценностей и мировоззрений» (цит. по [Голубева 2015: 21]).

Важным вкладом в определение природы пресуппозиции является дополнение о том, что это не просто «имплицитная информация, которую говорящий считает известной другим участникам коммуникации», но и та, «которую он хочет подать как известную» [Выборнова], «выразить то, что иначе может вызвать сомнения» [Павлова 2013: 60]. Именно на этом и основывается манипулятивный прием навязывания пресуппозиции, удостоенный внимания в работах многих ученых-лингвистов (Баранов А.Н., Медникова Ю.И., Павлова Н.Д., Рачева А.О. и др.). По мнению Ю.И. Медниковой, он является одним из наиболее эффективных, когда речь идет о «внедрении в сознание адресата определенных мнений, установок, стереотипов и отношений к предмету сообщения» [Медникова 2009: 182].

В рамках настоящего исследования прием навязывания пресуппозиции рассматривается как средство создания так называемого информационного пробела (curiosity gap) в кликбейт-заголовках. Под кликбейтом в данной работе понимается способ представления информации, позволяющий выделить ее из общего потока, увлечь читателя, заставить его перейти по ссылке на необходимую страницу. Это достигается путем использования различных вербальных (стилистические приемы и их креативная обработка) и невербальных (шрифт, иллюстрация, знаки препинания и др.) средств выразительности, а также искажения фактов действительности.

При чтении текста читатель «выбирает из него только то, что соответствует его коммуникативному намерению в данный момент или интересу» [Ленкова 2011: 96]. Кликбейт, воздействуя на подсознание, разжигает в читателе любопытство, которое и побуждает его нажать заветную кнопку. Особенно интересными кажутся заголовки, в которых известные факты искажаются или получают иную интерпретацию, а новая информация подается с преувеличенной сенсационностью. Однако следует отметить, что в качественной прессе кликбейт отходит от стандартов «желтой» прессы и предстает перед читателем в менее навязчивой форме.

Включение пресуппозиции в кликбейт-заголовки и ее креативная обработка усиливают их эффективность. Ее наличие в качестве «единицы содержательно-подтекстовой информации увеличивает смысловую насыщенность заголовка, расширяет возможности автора воздействовать на читателя, то есть вызвать интерес к тексту, создать мотивацию к его

прочтению» [Чудинов, Завешинская 2010: 27]. Поскольку новая или недостоверная информация подается в заголовке как общеизвестная, в коммуникации автора и читателя возникает сбой [Жарина 2017: 72], который и заставляет читателя искать якобы упущенную информацию. В данном случае, целесообразно рассматривать пресуппозицию как «специальную языковую конструкцию, содержащую в себе скрытые команды» [Соскина, Сур 2013].

Рассмотрим описываемое явление на конкретных примерах из англоязычных новостных онлайн-изданий.

Утверждение в форме вопроса и двусоставный заголовок-вопрос с ответом – довольно распространенные виды кликбейт-заголовков. Вынесенное в пресуппозиционный план высказывания мнение автора оказывает непосредственное влияние на картину мира читателя. Информация, представленная таким образом, воспринимается аудиторией как фактическая, не требующая осмысления или подтверждения.

Пример 1. *How eight years of Barack Obama created Donald Trump* [Telegraph 2017].

Данный заголовок вносит некоторую «ясность» в непростую политическую ситуацию последних лет. «Создателем» нынешнего президента Америки Дональда Трампа автор статьи называет Барака Обаму, его предшественника. Перечислив все неудачи последнего, он пишет, что народ, уставший от социальных и экономических проблем, избрал нового президента по принципу «хуже уже не будет». Таким образом, автор ненавязчиво предлагает читателям очень удобную позицию, которая снимает с них, как с граждан страны, всю ответственность за сделанный выбор и его последствия.

«For much of America, Barack Obama is the last straw. He is the creator of Donald Trump and Bernie Sanders. If one of them becomes president and the world doesn't like it, they know whom to blame» [Telegraph 2017]. – Для многих американцев Барак Обама – последняя капля. Он создал Дональда Трампа и Берни Сандерса. Если кто-то из них станет президентом и миру это не понравится, виновник известен.

Пример 2. *Want to Prevent a Recession, Mr. Trump? Stop Hurting the Economy* [NY Times 2019].

Прямое обращение к президенту США получает ответ во второй части заголовка, содержащей пресуппозицию «Трамп вредит экономике». Столь смелое обращение побуждает читателя выяснить, как именно Трамп это делает и что собирается предпринять. Данная мысль развивается в тексте статьи, где приводятся факты и даются советы. Финальные строки статьи, также содержащие пресуппозицию о целеустремленности президента с отрицательной коннотацией, закрепляют исходную мысль в сознании читателя:

«In truth, most presidents exert relatively modest influence over the near-term performance of the American economy. But Mr. Trump is proving himself to be an exception. He may yet show that a determined president can drive the American economy into a recession» [NY Times 2019]. – На самом деле, большинство президентов оказывают незначительное влияние на краткосрочное состояние экономики. Но мистер Трамп доказывает свою исключительность. Он еще может показать, как целеустремленный президент способен погрузить американскую экономику в состояние кризиса».

В представленном ниже заголовке на около-политическую тематику (влияние политики на туризм) также четко прослеживается навязываемая пресуппозиция:

[Donald Trump is Bad For Tourism Like He's Bad For Everything Else](#)
[Jezebel 25.05.2017].

Статья посвящена проблеме снижения интереса у туристов к Америке, в качестве главной причины которой указывается политика Д. Трампа. Представляя собственное мнение как общепринятое (навязываемая пресуппозиция "...like he's bad for everything else"), автор оказывает воздействие на эмоции и мировоззрение читателя, тем самым вынуждая его обратиться к тексту статьи. Как сторонникам, так и противникам нынешнего президента Америки покажется интересным столь провокационное заявление, что, несомненно, обеспечит статье достаточно высокий рейтинг, зависящий, как известно, от количества просмотров.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что прием навязывания пресуппозиции является эффективным способом формирования необходимой картины мира у читателя. Частное мнение, представленное в привлекательной оболочке кликбейт-заголовков, воспринимается аудиторией как общепринятое и не осмысливается критически. Таким образом, пресса, моделируя политическую реальность посредством языка, по своему влиянию на развитие и исход событий может сравниться с их непосредственными участниками. Виртуальная реальность становится полноценной альтернативой окружающему человека миру, где благодаря гиперссылкам и умелой подаче материала каждый пользователь сети может смоделировать свой собственный мир и найти аргументы в пользу любой точки зрения, пусть и не всегда соответствующей действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выборнова О.Е. Пресуппозиционный компонент общения и его прикладное моделирование // [Электронный ресурс]. URL:

- <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/vybornova/> (дата обращения: 15.09.2019).
2. Голубева Т.М. Прагматический и манипулятивный аспекты использования пресуппозиций в американском политическом дискурсе / Т.М. Голубева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика», 2015. Т. 12, № 4. – С. 21–25.
 3. Жарина О. А. Сущность терминов "пресуппозиция" и "презумпция" в современной когнитивной лингвистике // БГЖ, 2017, №4 (21). – С. 70-72.
 4. Ларионова М. В. Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия (на примере испанского газетно-публицистического дискурса) // Вестник МГИМО, 2013, №2 (29). – С. 220-224.
 5. Ленкова Т.А. Понятие смысла в текстах СМИ и условия его постижения (на материале немецкого языка) // Вестник Челябинского государственного университета, 2011, № 17 (232). Филология. Искусствоведение. Вып. 55. – С. 95–99.
 6. Любимов А. Речевые манипуляции в коммуникации // [Электронный ресурс]. URL: http://www.center-nlp.ru/library/s52/rechevue_manipuljacji.html (дата обращения: 16.10.2019).
 7. Медникова Ю. И. Роль приема "навязывание пресуппозиции" в процессе воздействия, опосредованного текстами СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009, № 2 (4). – С. 181-183.
 8. Павлова Н.Д. Механизмы и средства дискурсивного воздействия // Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2013, № 31. – С. 59-62.
 9. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник ННГУ, 2014, №3-2. – С. 18-21.
 10. Синельникова Л. Н. Стратегия приближения к адресату в современном медиатексте // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2014, №13 (184). – С. 253 – 261.
 11. Соскина С. Н., Сур Е. И. Пресуппозиция как языковой индикатор интенциональных манипулятивных высказываний // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, 2013, №2. – С.80-86.
 12. Чанышева З.З. Технологии лингвистического моделирования действительности в переводе // Медиалингвистика 2019 / под ред. Т.А. Семилет, И.В. Фотиевой. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2019. – С. 391-397.

13. Чудинов А. П., Завершинская И. К. Пресуппозиции в заголовке рекламного текста (туристическая реклама) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика, 2010, №1 (177). – С. 24-27.
14. Heffer S. How eight years of Barack Obama created Donald Trump // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/11/09/how-eight-years-of-barack-obama-created-donald-trump/> (дата обращения: 2.10.2019).
15. Lutkin A. Donald Trump is Bad For Tourism Like He's Bad For Everything Else // [Электронный ресурс]. URL: <https://theslot.jezebel.com/donald-trump-is-bad-for-tourism-likes-hes-bad-for-every-1795551242> (дата обращения: 12.10.2019).
16. Want to Prevent a Recession, Mr. Trump? Stop Hurting the Economy // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/20/opinion/trump-recession.html> (дата обращения: 01.10.2019).

© Гаврикова О.А., 2019 г.

УДК 81

Р.А. Газизов (д.ф.н., проф. БашГУ, г. Уфа)
Р.З. Мурясов (д.ф.н., проф. БашГУ, г. Уфа)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В НЕМЕЦКОМ РАДИОДИСКУРСЕ

*В статье рассматриваются способы реализации директивных речевых актов просьбы, совета, предложения и приглашения в радиодискурсе немецкой лингвокультурной общности. Установлено, что большинство побудительных высказываний выражается в косвенной форме при помощи сослагательного наклонения, модальных и вводных глаголов, безличных форм глаголов, конструкций *würden + Infinitiv, es wäre wichtig / gut + zu + Infinitiv*. Если побуждение к действию направлено в интересах адресата, то директивные речевые акты могут выражаться в прямой форме с использованием повелительного наклонения и перформативных глаголов.*

Ключевые слова: директивный речевой акт, немецкий радиодискурс, просьба, совет, предложение, приглашение.

*The article presents ways of implementing directive speech acts of request, advice, proposal and invitation in the radio discourse of the German linguistic and cultural community. It has been established that most of the motivational statements are expressed in the indirect form using oblique, modal and introductory verbs, without formal constructions, constructions *würden + Infinitiv, es wäre wichtig / gut + zu + Infinitiv*. If motivation to take action is*

directed in the interests of the addressee, then directive speech acts can be expressed in the direct form using the imperative mood and performative verbs.

Key words: *directive speech act, German radio discourse, request, advice, proposal, invitation.*

Двадцать первый век характеризуется появлением новых форм и средств массовой коммуникации благодаря интенсивному развитию цифровых технологий. В связи с этим актуальным становится исследование способов и средств реализации виртуального взаимодействия или виртуальной коммуникации между людьми (ср. также электронная коммуникация, Интернет-коммуникация, компьютерно-опосредованная коммуникация, сетевая коммуникация). Виртуальное взаимодействие происходит опосредовано и дистантно посредством электронной почты, чатов, мессенджеров, социальных сетей и т.д. Однако дистантно осуществляется также радиокommunikация.

Дискурсивный подход к исследованию языковых явлений и форм коммуникации позволил выделить радиодискурс как объект исследования коммуникации посредством радио. В современном мире радио остается одним из основных средств массовой информации и каналов её передачи. К примеру, в Германии, согласно последним социологическим исследованиям и данным статистики, в 6 часов утра ежедневно включают радио в среднем около 11 миллионов человек (т.е. приблизительно каждый восьмой житель Германии), а за неделю каждый день в среднем ту или иную волну прослушивают около 58 миллионов людей, говорящих на немецком языке и его диалектах [Müller, Raff 2011: 54].

Популярность радиокommunikации объясняется, на наш взгляд, ее особенностями: дистантностью, опосредованностью, отсутствием визуализации, массовостью аудитории слушателей, всеохватностью, скоростью передачи информации, связью со временем (одномоментность, необратимость, линейность, непрерывность). В свою очередь, особенности радиодискурса обусловлены жанровыми и целевыми установками, тематикой программы и форматом радиостанции в целом [Матвеева 2015: 58]. В этой связи необходимо различать информационный, информационно-аналитический и информационно-развлекательный радиодискурс.

Первый тип характеризуется сдержанностью, размеренной тональностью текстов, отсутствием ярких экспрессивно-оценочных средств и предельной объективностью ведущего относительно освещаемых событий.

Разница между информационным и информационно-аналитическим дискурсами заключается в направленности радиопрограмм и целевой установке сообщения. В первом случае основной задачей является

целенаправленное донесение информации без выражения отношения к ней; во втором – целью является не просто передача информации, но и выяснение отношения к ней участников события, сторонних наблюдателей или даже ведущего [Матвеева 2015: 58-59]. Может производиться анализ сложившейся ситуации, поиск выхода из сложившегося положения или иных путей решения. Информационный радиодискурс в чистом виде встречается крайне редко – преимущественно в выпусках новостей. «СМИ в целом выполняют функцию посредника, не просто доводя информацию о реальной действительности до слушателя, но и интерпретируя её, формируя особую – публицистическую – картину мира» [Нестерова 2009: URL]. Поэтому, хотя новостные блоки играют важную роль в структуре радиоэфира, ядром считаются интерактивные аналитические передачи, основным элементом которых являются беседы с приглашенными в радиостудию экспертами.

Материалом исследования в настоящей статье послужили побудительные высказывания радиоведущих некоторых немецких радиостанций. Как известно, побудительные высказывания служат достижению фундаментальной цели радиодискурса – воздействия на аудитории, предполагающего побуждение к тому или иному действию. Так, среди прямых побудительных актов на развлекательном радио центральное положение занимает побуждение к восприятию информации (напр., информации рекламного характера, информации о дорожной ситуации, погоде и т.д.), развлекательных передач, музыкальных композиций и к взаимодействию с ведущими. Ср., использование речевых актов просьбы при обращении к гостю (а), к радиослушателям-участникам дорожного движения (б):

(a) *Könntest du bitte ein bisschen mehr erzählen, was genau...* (WDR 2, Westdeutscher Rundfunk 2 Köln) / досл.: *Не мог бы ты побольше рассказать, что же конкретно...* (Западногерманское Радиовещание 2 Кельна).

(b) *Ich bitte Sie vorsichtig zu fahren und bleiben Sie bei uns* (Radio FFM, privater Hörfunksender in Niedersachsen) / досл.: *Я прошу Вас быть осторожными на дорогах и оставайтесь с нами* (Радио ФФН, частное радио Нижней Саксонии).

Если в первом случае просьба выражена косвенно для смягчения импозиции, так как побуждение к действию направлено в интересах адресанта, т.е. радиоведущего, то во втором случае используется прямая форма просьбы, поскольку побудительное действие затрагивает интересы самого адресата (избежание аварийных ситуаций на дороге). Ср. также следующие примеры, в которых затрагиваются интересы радиослушателя,

т.е. адресата, поэтому просьба выражена в прямой форме с использованием повелительного наклонения:

Wähle Deinen kostenlosen Musikwunsch und erlebe Radio nach Deinem Geschmack (Radio Hamburg, privater Radiosender) / досл.: *Выбери бесплатно музыку по своему желанию и испытай (переживи) радио по своему вкусу* (Радио Гамбурга, частное радио);

Werben Sie auf bis zu 16 Kanälen... (Radio Hamburg, privater Radiosender) / досл.: *Сделайте рекламу на более чем 16 каналах* (Радио Гамбурга, частное радио).

Следует также отметить, что в немецком радиодискурсе наряду с речевыми актами просьбы широко распространены речевые акты совета, которые выражаются, как правило, в косвенной форме с использованием модального глагола *sollen* «долженствовать» в сослагательном наклонении (a), вводных глаголов *denken* (b), *glauben*, *vermuten* «думать, считать, полагать», конструкций *würden* + *Infinitiv* (c), *es wäre wichtig / gut* + *zu* + *Infinitiv* (d), (e), ср. следующие примеры, выявленные нами из радиопередач Северогерманского Радиовещания 1 Нижней Саксонии, Ганновер (NDR 1, Norddeutscher Rundfunk 1 Niedersachsen, Hannover):

(a) *Da sollte man immer vorsichtig sein... Es gibt Portale, die absichtlich mit dieser Geschäftsmethode...* / досл.: *Здесь следовало бы всегда быть осторожным... Существуют порталы, которые преднамеренно работают с такого рода моделями бизнеса...*

(b) *Ich denke immer, es ist nett, wenn man ein persönliches Kompliment macht...* / досл.: *Я думаю, всегда мило делать персональный комплимент.*

(c) *Es würde sich lohnen, sich vorher genau zu vergewissern, ob die Daten nicht weitergeleitet werden dürfen...* / досл.: *Стоит перед этим удостовериться, не будет ли информация распространяться дальше.*

(d) *Es wäre auch sehr wichtig, im Kleingedruckten zu lesen..., bevor man den Onlinevertrag abschließt* / досл.: *Перед тем как заключить договор в Интернете, было бы также очень важно прочитать написанное мелким текстом.*

(e) *Es wäre gut, immer wieder zu sich zu stehen* / досл.: *Было бы хорошо всегда оставаться верным себе.*

Необходимо отметить, что образованные от вводных глаголов модальные фразы, или «модусные предикатные группы» [Карасик 2002: 141], такие как *Ich denke / glaube / vermute* (*Я считаю / думаю / полагаю*) и т.д. выражают «субъективную модальную оценку высказывания, смягчая его категоричность за счет сужения универсальности высказываемого мнения, ограничения его рамками личного опыта говорящего» [Беляева 1985: 13]. Употребление подобных средств модальности в составе побудительных речевых актов снижает степень воздействия на адресата, поскольку говорящий выражает сомнение в

реальной возможности или необходимости в совершении того или иного действия, в частности совета. Ср. также употребление вводного глагола *denken*, модального глагола *sollen* в сослагательном наклонении и неопределенного местоимения *man* в рамках одного речевого акта совета, что максимально снижает импозицию высказывания радиоведущего:

Ich denke, man sollte immer vorsichtig mit den kostenpflichtigen Seiten sein / досл.: *Я думаю, следовало бы всегда быть осторожным со страницами Интернета, сопряженными с возмещением расходов.*

Советы могут оформляться также с использованием безличного местоимения *es* и неопределенного местоимения *man*:

Es ist ganz wichtig, miteinander zu reden... / досл.: *Очень важно разговаривать друг с другом.*

Auf jeden Fall sollte man, wenn der Vertrag zu Ende ist, dem Betreiber schreiben und darum bitten... / досл.: *В любом случае следовало бы по окончании договора написать оператору и попросить...*

Некоторые советы были образованы при помощи перформативного глагола *raten* (советовать) (а), а также повелительного наклонения (b), (c):

(a) *Ich rate also ab zwischen (Städten)... auf der B 2 zu fahren. Ein Geisterfahrer wurde gemeldet...* / досл.: *Я не советую ехать по трассе B2 между (городами)...* Поступила заявка о водителе-призраке, который движется по полосе встречного движения.

(b) *Seien Sie selbst aktiv. Besuchen Sie... Die Traumprinzessin klingelt nicht an der Tür...* / досл.: *Будьте активны сами. Посещайте... Принцесса мечты не позвонит сама в дверь...*

(c) *Wenn Sie einen schönen Garten haben, stellen Sie ein schönes Insektenhäuschen...* / досл.: *Если у Вас есть красивый сад, поставьте в нем красивый домик для насекомых.*

Проанализированные примеры советов были получены нами из радиопередач Северогерманского Радиовещания 1 Нижней Саксонии, Ганновер, которые выходили под рубрикой „Ratgeber“ (Консультант) на следующие темы: „Bienen“ (Пчелы), „Partnersuche“ (Поиск спутника жизни) и „Gärten im Zeichen des Klimawandels“ (Сады под знаком изменения климата). В данные программы эксперты дают советы, что можно в домашних условиях сделать для пчел, как найти спутника жизни и как ухаживать за садами в свете изменения климата.

Среди директивных речевых актов нами были зафиксированы также речевые акты предложения и приглашения. Большинство предложений на радио можно рассматривать в некоторой степени и как приглашения, которые выражаются косвенно посредством модальных глаголов *können* (a), (b), *dürfen* (c), *wollen* (d):

(a) *Sie können uns anrufen und uns ganz gerne schildern, wie es bei Ihnen geklappt hat* (NDR 1, Norddeutscher Rundfunk 1 Niedersachsen, Hannover) /

досл.: *Вы можете нам позвонить и с удовольствием рассказать, как это у Вас получилось* (Северогерманское Радиовещание 1 Нижней Саксонии, Ганновер).

(b) *Wenn Sie zu Hause schon Fragen an uns haben, können Sie gern das Telefon anrufen. Die Nummer ist...* (NDR 1 Welle Nord, Region Kiel) / досл.: *Если у Вас уже дома появятся вопросы к нам, Вы можете позвонить на наш телефон. Наш номер...* (Северогерманское Радиовещание 1 Волна Север, регион Киль).

(c) *Sie dürfen natürlich Ihre eigenen Fragen unseren Experten stellen* (WDR 2, Westdeutscher Rundfunk 2 Köln) / досл.: *Вы конечно же можете задать свои вопросы нашим экспертам* (Западногерманское Радиовещание 2 Кельна).

(d) *Liebe Hörerinnen und Hörer, wenn Sie mitmachen wollen...* (HR 3, Hessischer Rundfunk 3) / досл.: *Дорогие радиослушательницы и радиослушатели, если Вы хотите принять участие...* (Гессенское Радиовещание 3).

Речевые акты предложения и приглашения могут быть выражены также посредством перформативных глаголов *bieten* (*предлагать*) (a), *einladen* (*приглашать*) (b), также в сочетании с модальным глаголом в сослагательном наклонении (c):

(a) *Wir bieten Beratung, wie Sie Ihren Garten naturnah gestalten* (NDR 1, Norddeutscher Rundfunk 1 Niedersachsen, Hannover) / досл.: *Мы предлагаем советы о том, как спроектировать Ваш сад ближе к природе* (Северогерманское Радиовещание 1 Нижней Саксонии, Ганновер).

(b) *Wir laden euch ein zu den Sportnachrichten* (NDR 1, Norddeutscher Rundfunk 1 Niedersachsen, Hannover) / досл.: *Мы приглашаем послушать новости спорта* (Северогерманское Радиовещание 1 Нижней Саксонии, Ганновер).

(c) *Ich möchte Sie einladen, diese Bienenstunde bis 20 Uhr mit uns zu verbringen...* (NDR 1, Norddeutscher Rundfunk 1 Niedersachsen, Hannover) / досл.: *Я хотел бы пригласить Вас провести этот «пчелиный час» с нами до 20.00* (Северогерманское Радиовещание 1 Нижней Саксонии, Ганновер).

Таким образом, в немецком радиодискурсе наряду с экспрессивными речевыми актами (приветствия, обращения, прощания, пожелания, благодарности и т.д.) широкое применение находят также директивные речевые акты просьбы, совета, предложения и приглашения, которые выражаются, как правило, в косвенной форме для минимизации импозиции на радиослушателя. При этом при выражении побуждения проявляется коммуникативно-прагматическая специфика диалогического взаимодействия участников радиокommunikации.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
научного проекта № 18-012-00226 А «Моделирование влияния
социальных процессов на формирование лингвокультурных констант
современного немецкоязычного пространства Европы и оптимизация
межкультурного общения»

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Е.И. Принцип вежливости в речевом общении (Способы оформления декларативных высказываний в английской разговорной речи) // Иностранные языки в школе. 1985. № 1. – С. 12-16.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
3. Матвеева А.В. Радиодискурс как вид институционального медиадискурса // Вестник ЧелГУ № 15 (370) 2015. Филология. Искусствоведение. Выпуск 96. С. 58-63.
4. Нестерова Н.Г. Современный медиадискурс: в поисках подхода к изучению [Электронный ресурс] // Актуальные процессы в социальной и массовой коммуникации, центр теории и практики речевой коммуникации: материалы интернет-конф. 1 октября. Ярославль. 2009. 318 с. URL: yspu.org/images/4/46 (дата обращения 22.11.2019).
5. Müller, D. K.; Raff E. (Hrsg). Praxiswissen Radio. Wie Radio gemacht wird – und wie Radiowerbung anmacht, 2. Auflage – VS Verlag für Sozialwissenschaften/Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2011. – 272 S.

© Газизов Р.А., Мурясов Р.З., 2019 г.

УДК 811.111'37

**О.И. Гладких (к.ф.н., доц. ИИФ КФУ
им. В.И. Вернадского, г. Симферополь),
С.В. Джемакулова (студ. 2 к. магистратуры)**

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Статья посвящена исследованию языковых средств вербализации концепта ВРЕМЯ в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах. Целью данной работы является выявление и анализ лексико-фразеологических средств, описывающих время в русском и английском языке. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что концепт «время» является существенным компонентом как русскоязычной, так и англоязычной лингвокультуры и обнаруживает

незначительные расхождения в средствах его вербализации, которые наиболее проявляются на фразеологическом уровне.

Ключевые слова: концепт, время, вербализация, русская лингвокультура, английская лингвокультура.

The article is devoted to the study of language means of verbalization of the concept of TIME in the Russian and English linguistic cultures. The aim of the paper is to identify and analyze lexico-phraseological means that describe time in the Russian and English languages. As a result of the research it is concluded that the concept "time" is a crucial component of both Russian and English linguistic cultures. It reveals insignificant differences in the means of its verbalization which are more pronounced at the phraseological level.

Key words: concept, time, verbalization, Russian linguistic culture, English linguistic culture.

Органическое единство человека и окружающего мира предполагает их постоянное взаимовлияние, взаимодействие и взаимозависимость. Этот симбиоз характеризует активная позиция индивида в познании действительности и установлении причинно-следственных связей всех процессов и явлений, свидетелем и участником которых он является.

Представление о времени пронизывает человеческую культуру на всех этапах ее развития. Время является одной из основных категорий, которую пытались постичь титаны мысли всех времен и народов [Постовалова 1988: 232].

Категория времени, наряду с категориями пространства и числа, принадлежит к когорте универсальных первостепенных понятий в жизнедеятельности человека. Осознание сущности времени является определяющим этапом в познавательной и коммуникативной деятельности индивида, в ходе которой в сознании формируется образ мира. С расширением знаний человека об окружающем мире и мире внутреннем видение времени усложняется и получает новое истолкование [Алефиренко 2003: 27].

Время является неотъемлемым компонентом мировосприятия любого народа, однако известно, что не для всех время является одинаковым явлением: например, в Западном мире время концептуализировано как линия, а на Востоке – как спираль. Осознание времени и отношение к нему непременно отражено в языке народа. Будучи, на первый взгляд, исключительно философским понятием, время как объект размышлений и изучения интересует не только философов [Лихачев 1997: 25].

Науке известен ряд лингвистических работ о концепте ВРЕМЯ как отечественных, так и зарубежных лингвистов. К ним относятся и изучение концепта ВРЕМЯ в пределах одного языка, и сопоставительные

исследования с привлечением нескольких языков. Не ограничиваются ученые и одной отраслью знаний, поскольку концепт является стержневым термином и когнитивной лингвистики, и лингвокультурологии [Карасик 2001: 212; Попова 2010: 232].

Понятие «языковая картина мира» пытаются объяснить и проанализировать многие лингвисты (Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, В. И. Постовалова, Г. В. Рамишвили, Б. А. Серебренников, И. А. Стернин, В. Н. Телия и др.) и философы (Г. А. Брутян, Г. Гачев, Р. И. Павиленис). Большинство этих ученых едины во мнении о необходимости разграничения концептуальной и языковой картины мира. Концептуальные картины мира у разных людей сходны, т.к. человеческое мышление едино. А вот способы вербализации результатов мышления различны у представителей разных наций. Языковая картина мира отражает национальную специфику и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней [Аскольдов 1997: 35].

Язык – важнейший способ фиксации, формирования и существования знаний человека о мире. Совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира. Познание человеком мира – процесс непрерывный, следовательно, концептуальная картина мира постоянно претерпевает изменения, а языковая система еще долго хранит следы существовавших в объективной картине мира ошибок и заблуждений.

В ходе исследования концепта ВРЕМЯ / TIME были проанализирована семантическая структура слов-имен данного концепта в русскоязычном и англоязычном словарях и определена их этимология. Так, в толковом словаре С. И. Ожегова слова *время* имеет следующие значения:

1. философское понятие, одна из форм (наряду с пространством) существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена ее явлений и состояний;
2. то, что может быть измерено, продолжительность времени, измеряемая секундами, минутами, часами;
3. интервал, период, последовательная смена часов, дней, лет;
4. возможность, благоприятный момент;
5. период или момент, незанятый чем-н., свободный от чего-н.;
6. в грамматике: категория глагола, специальными формами относящая действие в план настоящего, прошлого или будущего;
7. времен кого-чего, в знач. предлога с род. п. В период, вовремя существования кого-чего-н. (о ком-чем-н. бывшем в отдаленном прошлом) [Ожегов 1992: 58].

Для английского TIME в *Longman Dictionary Of Contemporary English* таких значений отмечено больше:

1. философское понятие, бесконечно развивающаяся материя – последовательная смена ее явлений и состояний;
2. то, что может быть измерено, продолжительность;
3. интервал, период;
4. возможность, благоприятный момент;
5. событие;
6. количество (случаев);
7. судьбоносный, важный момент;
8. темп, ритм [Longman Dictionary of Contemporary English 1995: 234].

Важно заметить, что в английском языке присутствует количественный индикатор, когда слово *time* во множественном числе (*times*) обозначает разы (случаи). В русском языке существительное *время* также может использоваться во множественном числе (*времена*), но при этом обозначает период.

Несмотря на определенные отличия в толковании понятия «время» в обоих языках, можно выделить четыре значения, которые в них совпадают. Это свидетельствует о сходстве восприятия концепта ВРЕМЯ / TIME носителями русской и английской лингвокультуры.

В праславянскую эпоху слово *время*, скорее всего, «состояло из корня *vert- (того же, что и в глаголе *verteti*, «вертеть») и суффикса -men: *vertmen. Исходное значение было пространственным: «то, что вращается, вертится» или «то, что возвращается в прежнее положение» [Longman Dictionary of Contemporary English 1995: 254]. В английском языке слово “*time*” как существительное прослеживается от древнеанглийского “*tima*” – «ограниченный период времени», которое происходит от прагерманского “*timon*” – «время» [Longman Dictionary of Contemporary English 1995: 260].

Немаловажную роль в языковой картине нации играет концептуализация понятий и в грамматических категориях языка. Так, если сравнить словарные статьи имен анализируемых концептов, то можно увидеть определенные отличия.

Понятие «время» в русском языке выражено двумя частями речи, а именно: существительным ВРЕ́МЯ и прилагательным ВРЕМЕННÓЙ. [Ожегов 1992].

Понятие “*time*” наряду с грамматической категорией имя существительное может быть представлено также именем прилагательным (e.g. *a time bomb, time drafts or notes*) и глаголом “*timed*”, “*timing*” (e.g. *He timed the attack perfectly. The proctor timed the test at 15 minutes*) [Longman Dictionary of Contemporary English 1995: 45].

Как в русском, так и в английском языках время может быть субъектом и объектом действия, чаще объектом. Для выражения отношения ко времени продемонстрируем ряд прилагательных,

отражающих концепт ВРЕМЯ. В русском языке: *обеденное время, время чаепития, время ужина, время открытия, время закрытия, время отправления, время пребывания, драгоценное или ценное время*. В английском: *dinner/lunch/tea time, opening/closing time, summer time, lunch time, arrival/departure time, precious time, valuable time*.

Время как объект в русском языке представлено с помощью глаголов: *иметь, отбирать, посвящать, проводить, терять, тратить, чувствовать*. В английском языке: *to bide one's time, to devote, to give, to have, to limit, to pass, to save, to spare, to spend, to take, to waste* [Частотный словарь английского языка 2001: 29].

Как субъект в русском языке время может: *быть, идти, замедляться, лететь, меняться (времена меняются), показывать, приближаться, проходить*. В английском: *time changes, time comes, time flies, time goes, time passes*.

Для того чтобы проиллюстрировать отношение ко времени в исследуемых лингвокультурах, проанализируем также ряд фразеологических единиц, содержащих слово *время / time*, в русском и английском языках.

Исследуемые единицы можно разбить на три группы:

1. Фразеологизмы, содержащие слова *время / time*, близкие по своим структурно-семантическим характеристикам: *всему свое время – all in good time; хорошо провести время – to have a good time; время покажет – time will tell; время лечит – time heals all wounds (time is the best healer)*; а также фразеологические единицы с меньшей степенью сходства: *время не ждет – time and tide wait for no man; время пришло – the time is ripe*.

2. Фразеологизмы со словом *время*, корреляты которых в английском языке не содержат слово *time*: *делу – время, потехе – час – work done, have your fun (business before pleasure)*.

3. Фразеологизмы со словом *time*, соответствия которых в русском языке не содержат слово *время*: *give someone a hard time – отчитывать; to serve time (to do time) – отбывать срок (в тюрьме); take your time – не торопись*.

Как видно из данных примеров, фразеологические единицы с компонентом *время / time* довольно разнообразны, что позволяет использовать их во многих ситуациях общения. Некоторые из них характеризуются сходством входящих в них компонентов и имеют общую структуру. Но коррелят большинства фразеологических оборотов в другом языке не содержит слово *время / time* или вообще является свободным словосочетанием. Однако, несмотря на подобные различия, отношение к

понятию «время» в целом схоже и не имеет кардинальных отличий в обоих лингвокультурах.

Резюмируя вышесказанное, можем сделать вывод о том, что вербализация концепта ВРЕМЯ / TIME имеет давнюю историю как в русском, так и в английском языках, так как проходила еще на начальных этапах их формирования. Это подтверждает важность данного концепта для обоих народов. В обоих языках исходными значениями для ВРЕМЯ и TIME были конкретные понятия «пора», «ограниченный период времени», абстрактные значения они получили впоследствии.

Лексемы *время* и *time* в русском и английском языках обладают довольно схожей семантической структурой при незначительном количестве расхождений. Различия становятся более заметными при сопоставлении единиц фразеологического фонда обоих языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена. 2003. – 96 с.
2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. / Под ред. Проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. – 347 с.
3. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
4. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка (статья) / Д. С. Лихачев. // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология: под ред. проф. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 281 с.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка (А–Д) / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – 907 с.
6. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика/ З. Д. Попова. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
7. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8-69.
8. Частотный словарь английского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itri.brighton.ac.ru> — (дата обращения: 10.11.2019).
9. Longman Dictionary of Contemporary English / Longman Limited. – Harlow: Longman, 1995. – 673 p.

© Гладких О.И., Джамакулова С.В., 2019 г.

Ю.В. Горшунов (д.ф.н., проф. БФ БашГУ, г. Бирск)
Е.Ю. Горшунова (к.ф.н., доц. РАНХиГС, г. Москва)

**ОТНОШЕНИЕ БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА К
МУСУЛЬМАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ
РОМАНА НАДИМА АСЛАМА «КАРТЫ ДЛЯ ЗАБЛУДИВШИХСЯ
ЛЮБОВНИКОВ»)**

В статье рассматривается проблема отношения британского общества к мусульманскому населению (по материалам романа Надима Аслама «Карты для заблудившихся любовников») и некоторые другие проблемы межкультурной коммуникации, поднимаемые в романе.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, интолерантность, аккультурация, идеалы и ценности ислама

The article examines the problem of the attitude of British society towards the Muslim population (as it is shown in the novel by Nadim Aslam "Maps for lost lovers") and some other problems of cross-cultural communication raised in the novel.

Keywords: cross-cultural communication, intolerance, acculturation, ideals and values of Islam

В статье рассмотрим проблему отношения британского общества к мусульманскому населению (по материалам романа Надима Аслама «Карты для заблудившихся любовников»). Приступая к освещению заявленной в названии статьи темы, считаем необходимым представить важную социокультурную информацию, которая послужит фоном для интерпретации событий в романе.

Сегодня ислам в Великобритании является второй по численности приверженцев религией и самой быстрорастущей конфессией. По переписи населения 2011 года, количество мусульман, проживающих в Соединённом Королевстве достигло 2,7 млн или 4,8 % от общей численности населения. [Горшунов, Горшунова 2015: 16]. Сейчас в Британии живет около 3 миллионов человек, исповедующих ислам, причем средний возраст верующего – 26 лет! Самая большая по численности этническая группа мусульман в Великобритании – выходцы из Пакистана, а второй по численности этнической группой мусульман идут бангладешцы.

Исследования социологов показывают, что немусульманская часть британского общества довольно мало знает о мусульманах Соединенного Королевства. Сказанное справедливо и по отношению к мусульманам: они

неохотно социализируются и мало общаются с коренным населением и верующими других конфессий. Так, двадцать один процент мусульман в Британии за последний год ни разу не были в домах людей, не исповедующих ислам. Попытки предложить мусульманскому населению интеграционные механизмы в Великобритании успехом не увенчались: обособленность мусульманских общин никуда не делась. Хотя многие британские мусульмане прекрасно уживаются в обществе, следуя его нормам, другие продолжают жить в своих анклавах, руководствуясь не законами страны, а нормами шариата. Подавляющее большинство мусульман Британии - вполне законопослушные люди, даже если и не все истинно британские ценности им по нраву. Новые проблемы создает радикализация молодежи в мусульманских кварталах. Недавние теракты в Манчестере, Лондоне и других городах Великобритании со стороны радикальных исламистов (например, 3 июня 2017, когда жертвами нападения (наезд фургона на пешеходов и резня) на Лондонском мосту стали 7 человек и еще как минимум 48 получили ранения) породили подъем исламофобии и дали повод британским СМИ и социальным сетям с новой силой заговорить о радикализации молодых мусульман. Эти опасения небезосновательны. С другой стороны, сами мусульмане в Британии сетуют на участившиеся оскорбления и нападки, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни. Речь идет о таких проявлениях враждебности, как устные оскорбления, угрозы, граффити и оскорбительные надписи на стенах, нападения на людей и мечети. Межэтническая и межкультурная напряженность между немусульманской и мусульманской частями населения имеет давнюю историю и прослеживается с середины 1960-х, когда в Великобританию хлынул поток иммигрантов с Индостана, в первую очередь из Пакистана. Как пишет Надим Аслам, то было время, когда в Англии отношение белых к темнокожим иностранцам только начинало меняться от *«Я не хочу видеть их или работать рядом с ними»* на *«Я не против работать рядом с ними, если меня не заставят делать это и мне не придется разговаривать с ними»*, отношение, которое снова изменилось через десятилетие на *«Я не против общения с ними на работе, но не буду общаться с ними в нерабочее время»*, а потом еще через десять лет *«Я не против их общения в тех же местах, где бываю я, если они не поселятся поблизости и не будут жить рядом со мной»*. [Aslam 2004:11]. К тому времени наступили 1970-е годы, и поскольку иммигрантские семьи должны были *где-то* жить и переезжать по соседству с белыми, прозвучали призывы запретить иммиграцию и репатриацию иммигрантов, которые уже были здесь.

Имели место жестокие нападения с применением физической силы. Поэтому ночью в домах иммигрантов с субконтинента горшки с душистой геранью передвигались к центру комнат вниз, в надежде, что бриз,

насыщенный запахом шиповника и цветущей липы (и потревоженной герани), дойдет до спящих наверху раньше, чем белые злоумышленники, которые создали его, когда, незаконно проникая в дом, потревожили в темноте герань.

Потрясением для мусульман города Дашт-и-Танхай стало осквернение мечети, когда однажды утром они обнаружили у дверей мечети свиную голову. Было много шума и криков снаружи здания, когда люди обнаружили это. В исламе принято считать свиней бывшими людьми, проклятыми Аллахом за поклонение тирану – такому же смертному, как и любой человек.

Священный Коран запрещает мусульманам потреблять в пищу свинину. Свинья считается «грязным», нечистоплотным животным и относится к категории «наджис» (скверна). Может быть поэтому, обсуждая возникшую проблему женщины-мусульманки избегают прямого упоминания животного и говорят иносказательно: «Полиция выяснила, кто оставил эту ... эту ... вещь снаружи мечети в прошлом месяце?» - Каукаб помещивает молоко в чашке. [Aslam 2004: 57].

Как известно, в Великобритании имеются неонацистские и праворадикальные группировки, например, Британская национальная партия, Лига защиты Англии, Британская партия свободы, Британский национальный фронт и партия «Британия - прежде всего» и др. Группировка «Национальный фронт», активная в 1970-80-е годы, выступала за полное и немедленное прекращение дальнейшей иммиграции в Великобританию, за депортацию всех «небелых» из страны, против смешанных браков. Агрессивность «Национального фронта» проявлялась в лозунгах и в различных насильственных действиях по отношению к политическим противникам и иммигрантам. Появление аббревиатуры NF на стенах зданий – служит свидетельством активности неофашистов или присутствия их сторонников в этом районе, напоминанием о том, что NF представляет угрозу для иммигрантов. В романе есть такой эпизод. Шамас идет в книжный магазин чтобы открыть его. По дороге он обращает внимание, что на стене граффити из надписанных инициалов Национального фронта было изменено азиатской молодежью, так что теперь инициалы NF читаются: **NFAK RULES** (Правит NFAK = Nusrat Fateh Ali Khan). Обыгрывается имя всемирно известного пакистанского певца суфийской религиозной лирики Нусрата Фатеха Али Хана.

На бытовом уровне возникают проблемы межкультурной коммуникации из-за плохого знания английского языка. Так, мать Чанды, остро переживает, что на свидании с сыновьями, находящимися под следствием [в тюрьме], когда ей хотелось спросить у них так много вещей,

она не смогла выразить свои чувства и мысли на английском, а тюремный охранник постоянно говорил ей не разговаривать с ними на «языке паки» каждый раз, когда ей хотелось сказать то, что она действительно чувствовала. (That prison guard kept telling me not to talk to them in “*Paki language*”). «Говори по-английски или заткнись», - сказал он. [Aslam 2014:174].

Каукаб, обрадованная приездом сына Уджалы, задается вопросом, должна ли она позвонить Шамасу в офис и сообщить ему, что Уджала прибыл. Но ей не по себе, она все еще немного беспокоится, как позвонить, потому что два дня назад, когда она ошиблась номером, ей грубо сказали повесить трубку, обругав *Paki bitch*. Она рада, что Шамас не водит автомобиль: случаются аварии, и ты никогда не знаешь, автомобиль какого человека ты случайно поцарапал или какого человека ты оскорбил своим вождением, какое имя он или она выберет, чтобы обратиться к тебе публично. Заметим, что пейоративное *Paki* ← *Pakistani* возникло в британском варианте английского языка в начале 1960-х, когда основная масса азиатских переселенцев была из Пакистана. Явное или завуалированное презрительное отношение к пакистанцам как людям второго сорта иллюстрируют следующие примеры: ‘*Paki scum go home!*’ [Racist graffiti, Whitechapel, London, 1980. Цит. по: Thorne 1996, 380]. ‘There’s nothing like a good bit of *Paki-bashin*’ they all agree. ‘Then another technician says of Datsuns: “*Paki-taxis* – that’s all they’re good for” [Горшунов, Горшунова 2004; Цит. по: Green 1996].

Читателя романа не оставляет равнодушным эпизод, описывающий хамское поведение белого пассажира по отношению к водителю-пакистанцу, который вежливо попросил подростков оплатить проезд, и молчаливую реакцию белых пассажиров. Водитель и мальчишки громко и долго спорят об оплате за проезд, и это вывело из себя пассажира в передней части салона:

«Ой, *Гупта*, или как ты себя называешь, *Абдул-Патель*. *Мистер Нелегальный Иммигрант-Искатель Убежища!* Возвращайся на свое место.

Водитель оглядывается, он ошеломлен. Протесты мальчиков затихают, они оседают, как пена. (‘*Oi, Gupta, or whatever you call yourself, Abdul-Patel. Mr Illegal Immigrant-Asylum Seeker! Get back into your seat.*’

The driver looks back, stunned. The boys’ protests fall to a murmur, their exuberance sinking like suds.) [Aslam 2004: 178].

Рассерженный пассажир потребовал, чтобы водитель вернулся на место и не тратил время всех. Он заплатил за проезд подростков и, выходя из автобуса на своей остановке, нарочито сказал: «Окажите нам некоторое уважение. Это наша страна, а не ваша. (‘Show us some respect. This is our country, not yours.’).

Белые пассажиры безучастно продолжают смотреть в окна, а сердце матери Чанды сильно и мучительно бьется в груди. Ее лицо и тело горят, а кровь разогрелась. Она горячо надеется, что водитель, вернувшись домой после работы, не выместит свое унижение на жене и детях. Автобус едет дальше, но внезапно он останавливается на стороне дороги, и водитель снова выходит в проход, избегая глаз пассажиров. Он открывает дверь и выходит. Одна минута, две, три, четыре и затем пять проходят, пассажиры становятся беспокойными, и затем некоторые из них встают, чтобы идти вперед, и замечают, что мужчина сидит на обочине дороги, на камне рядом с цветущим кустарником, обхватив голову руками ...

Таким образом, на примерах из романа современного британского писателя пакистанского происхождения Надима Аслама «Карты для заблудившихся любовников») мы рассмотрели проблему межэтнических и межкультурных отношений между немусульманской частью британского общества и мусульманской частью населения и выяснили, что отношение к иммиграции и к мусульманам менялось со временем в сторону потепления и принятия их как членов общества. Тем не менее, имели и имеют место проявления враждебности и интолерантности - устные оскорбления и унижения, угрозы, граффити и оскорбительные надписи на стенах, осквернение мечетей. Новые проблемы создает радикализация молодежи в мусульманских кварталах и недавние теракты в Манчестере, Лондоне и других городах Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшунов, Горшунова 2004: Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Англоязычные этнические и расовые прозвища и толерантность речевого поведения // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и др. аспекты исследования единиц разных уровней. Актуальные проблемы лингводидактики: – Бирск, 2004. - С. 22-37.
2. Горшунова, Горшунов 2015: Горшунова Е. Ю., Горшунов Ю. В. Межкультурная коммуникация, этнические стереотипы и ярлыки англоговорящего сообщества: Москва: Проспект, 2015. – 112 с.
3. Aslam 2004: Aslam, Nadeem. Maps for Lost Lovers. – Faber&Faber, 2004. – 369 p.
4. Green 1996: Green Jonathan. Dictionary of New Words / Грин Д. Словарь новых слов. – М.: Вече, Персей, 1996. – 352 с.
5. Thorne 1996: Thorne Tony. Dictionary of Modern Slang / Торн Т. Словарь современного сленга. – М.: Вече, Персей, 1996. – 592 с.

© Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю., 2019 г.

Ж.А. Джамбаева (д.ф.н., доц. ЕНУ
им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан)
Л.Г. Самогик (д.ф.н., проф., КГПУ
им. В.П. Астафьева, г. Красноярск)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРЕМИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности паремических единиц на материале произведений В.П. Астафьева. Утверждается, что функционирование паремий в художественном дискурсе обладает своей спецификой и представляет большие возможности для лингвистического анализа, поскольку напрямую связано с языковой личностью автора и отражает особенности авторского стиля и авторской позиции.

Ключевые слова: паремии, паремические единицы, пословицы, поговорки, вариативность, художественный дискурс, В.П. Астафьев.

The article discusses the structural-semantic features of paremic units on the material of the works of V.P. Astafieva. It is argued that the functioning of the paremias in artistic discourse has its own specifics and represents great opportunities for linguistic analysis, since it is directly related to the author's language personality and reflects the peculiarities of the author's style and author's position.

Key words: paremias, paremic units, proverbs, sayings, variability, artistic discourse, V.P. Astafev.

Сегодня становится совершенно очевидным, что текст – это ведущая единица коммуникации. В рамках полипарадигмального подхода, в центре которого находится концепция антропоцентризма, текст справедливо признан основным объектом исследования общегуманитарных наук, в частности филологии.

Интерес к тексту, к анализу его формы и содержания в сфере современного преподавания русского языка определяется необходимостью совершенствования общей культуры человека. Вопрос об эффективных стратегиях, методах и технологиях работы с текстом на занятиях по русскому языку рассматривался нами неоднократно и остается все еще в центре нашего внимания [см. Джамбаева 2018 и др.].

Особую нишу в исследовании текста занимает его филологический анализ. Как отмечает Н.С. Болотнова, «интерпретировать текст необходимо, так как это помогает присоединиться к авторскому видению

мира, обогащает духовно, развивает культуру речевого общения» [Болотнова 2007: 8].

Любой текст своеобразен по своей структуре, а художественный текст вдвойне требует осмысленного подхода к пониманию его глубинного содержания, так как «восприятие художественного текста – не простое «пересаживание» его содержания в сознание читателя, не прямолинейное «извлечение» готовой информации, а творческий акт, сложный процесс художественного воссоздания действительности» [Новиков 1991: 45].

В качестве объекта исследования нами выбраны паремии, функционирующие в художественных произведениях В.П. Астафьева. Представляя собой квинтэссенцию народного опыта, запечатленного в специфичной языковой форме, эти единицы широко и активно используются писателем. Отмечается, что благодаря таким свойствам, как устойчивость, воспроизводимость и экспрессивность, паремии могут не просто выполнять номинативную функцию, но и придавать описанию предмета яркую оценочную характеристику, что позволяет им быть «орудием для сгущения информации» в рамках авторского микроконтекста [Самотик, Садырина 2016: 229].

Одной из главных причин активного использования паремических единиц В.П. Астафьевым называется народность, которая способствует естественно, ненавязчиво передать народное мировосприятие «в особом образе автора, как бы олицетворяющем народную мудрость и несуетность» [Самотик 2002: 180]. Именно такое «народное миропонимание», на наш взгляд, «тесно связано с элементами фольклора: использованием пословиц, поговорок, присловий и быличек; описанием обрядов, обычаев, поверий и суеверий, примет» [Там же: 180].

Паремические единицы как образные изречения, умело введенные в структуру художественного текста, дают больше возможностей для языкового творчества, которое в большинстве случаев отражается в преобразовании структуры или семантики изначальной устойчивой единицы. С этой точки зрения мы и рассмотрим паремии в произведениях В.П. Астафьева. В рамках настоящей статьи отразим результаты анализа по критерию – зафиксированность в источниках, либо «целостность исходной структуры» [Самотик, Садырина 2016: 231].

Итак, паремические единицы, используемые писателем-народником, по названному критерию можно разделить на две большие группы. В первую группу относятся паремии, зафиксированные в словарных источниках, которые в свою очередь по принципам употребления можно поделить на два типа: 1) паремии инвариантного типа, т.е. паремии, не подвергшиеся изменениям, либо измененные в незначительной степени; 2) паремии трансформированного типа, т.е. паремии, подвергшиеся изменению структурного и семантического компонента.

К первому (инвариантному) типу паремий рассматриваемой группы можно отнести следующие примеры: *«беда приходит нудами, а уходит золотниками»* (*«Ангел-хранитель»*) [Астафьев 2006: 27]. В рамках авторского контекста речь идет о несчастье, которое обрушивается сразу, в большом количестве, и оттого переносится мучительно, а чтобы избавиться от него необходимо больше времени. Данную пословицу В.П. Астафьев использовал без изменений, о чем свидетельствует словарь В.И. Даля [Даль 2003]. Здесь же находим пословицу *«что тупо сковано – не наточишь, что глупо рождено – не научишь»* (*«Где-то гремит война»*) [Астафьев 2006: 170]. Используя паремии без каких-либо изменений, писатель как бы подчеркивает, что они максимально точно могут передать позицию автора, поскольку являются известными широкой аудитории.

На наш взгляд, к инвариантному типу можно причислить и паремии, подвергшиеся несущественным изменениям, не затрагивающие глубокого структурного и семантического стержня. Это можно показать на примере пословицы *«нет той птицы, чтоб пела-ела, но не пела!»* (*«Бабушкин праздник»*) [Астафьев 2006: 46]. У В.И. Даля находим следующий вариант: *«нет той птицы, чтобы пела да не ела»* [Даль 2003]. Еще в одном источнике зафиксирован вариант: *«нет птицы, чтоб пела и не ела»* [Зимин, Спирин 1996]. Разница между представленными сентенциями лишь в вариантности союзов, семантика единиц остается тождественной друг другу. Также нередки случаи, когда меняется грамматический параметр компонента. Например, *«убогому возле богатых жить – либо плакать, либо тужить»* (*«Без приюта»*) [Астафьев 2006: 111]. Сравним с единицей *«убогому подле богатого жить – либо плакать, либо тужить»*, существующей в словаре [Даль 2003]. Как видно, здесь поменялось лишь число субстантивированного прилагательного *«богатый»*, что также не влияет на семантику пословицы. Среди таких незначительных изменений встречается и инверсия: *«греет хлеб, а не шуба»* (*«Где-то гремит война»*) [Астафьев 2006: 147], сравним с зафиксированными вариантами *«хлеб греет, не шуба»* [Даль 2003]; *«не шуба греет, а хлеб»* [Зимин, Спирин 1996].

Второй (трансформированный) тип первой группы включает паремии, которые подверглись более глубоким структурно-семантическим изменениям. При такой трансформации происходит замена знаменательного компонента или и вовсе меняется синтаксическая структура сентенции с сохранением целостного смысла. Анализ единиц второго типа показал, что «модификации внешней формы могут быть связаны: 1) с изменением грамматической характеристики компонентов; 2) с заменой в исходной единице одного из компонентов; 3) с расширением структуры за счет новых компонентов» [Самотик 2016: 231]. В приведенном источнике этот тип паремий достоверно показан на примерах

из повести «Веселый солдат». Так, изречение *«на чужом горе счастья не строят»* [Астафьев 2015] является вариантом пословицы *«на чужом горе счастья не построишь»* [Зимин, Спирин 1996]. Как видим, произошла замена глагольной формы 2-го лица на форму 3-го лица, что усиливает обобщенно-личное значение и подчеркивает универсальность данного выражения, его причастность к большому кругу лиц.

Интересным является пример трансформации следующих пословиц: *«горбатого могила исправит»* и *«на бога надейся, да сам не плошай»*, зафиксированных в источниках [Даль 2003; Жуков 2000]. Так, у В.П. Астафьева находим варианты *«горбатого и война не исправит»* и *«на командира надейся, да сам не плошай»* [Астафьев 2015]. Здесь прослеживается приспособление данных устойчивых выражений к той речевой ситуации, в которой происходит их употребление, с целью конкретизировать информацию, указать, к кому или к чему она адресована.

Отметим, что вариативность является характерным признаком паремий в произведениях В.П. Астафьева. В ходе анализа выявленные нами трансформированные варианты паремических единиц были разделены на две категории: 1) паремии, подвергшиеся только структурным изменениям; 2) паремии, подвергшиеся и структурной, и семантической трансформации. Так, к первой категории можно отнести пример использования пословицы *«лихо не лежит тихо, либо валится, либо катится, либо по волосам рассыпается»* (*«Бабушкин праздник»*) [Астафьев 2006: 46]. В словаре В.И. Даля зафиксирован вариант данного изречения, где вместо *«по волосам»* употреблено *«по плечам»* [Даль 2003]. Еще один пример *«доброму человеку сухарь во здравие, а злому – и мясо не впрок»* (*«Гори, гори ясно»*) [Астафьев 2006: 58]. В лексикографическом источнике имеется вариант *«сухарь на пользу»* [Зимин, Спирин 1996]. Таким образом, структурные трансформации зачастую представляют собой замену какого-либо компонента на контекстуальный синоним. Считаем, что можно выделить как минимум две причины такой трансформации: а) народный вариант употребления, то есть, возможно, автор использовал ту версию пословицы, которая широко распространилась в устах народа, а в словарных источниках зафиксирована в правильном варианте; б) автор намерено меняет тот или иной компонент для более точного выражения авторской позиции.

Ко второй категории паремий, можно причислить пословицу *«красна изба углами, а сибирский праздник – рыбными пирогами»* (*«Бабушкин праздник»*) [Астафьев 2006: 42], которая является трансформацией пословицы *«не красна изба углами, а красна пирогами»* [Жуков 2000]. Такое изменение допущено писателем не случайно, а для того чтобы отметить лингвокультурологические особенности паремий, на основе которых можно выявить ценностно-значимые представления того или

иною народа. Так, для народов, проживающих на территории Сибири, особое значение имеет промысловое рыболовство, поэтому конкретизация «сибирский праздник», «рыбными пирогами» адаптирует паремию к контексту. Тем самым писатель намеренно меняет не только структуру, но и семантику пословицы путем расширения компонентного состава или замены некоторых компонентов, что способствует уточнению авторской мысли.

Таким образом, анализ и интерпретация паремических единиц, входящих в первую группу – паремии, зафиксированные в словарных источниках, – показал, что для творчества В.П. Астафьева характерно активное использование народных пословиц и поговорок, нашедших отражение в лексикографических источниках. При этом писатель допускает структурно-семантические изменения таких единиц, чтобы подчеркнуть значимость отдельных элементов, показать, как паремии заполняют конкретное пространство текста, каким образом способствуют расстановке смысловых акцентов, как характеризуют и оценивают изображаемое, отображая одновременно авторское отношение к героям и событиям.

Вторая группа включает паремии, незафиксированные в имеющихся на сегодняшний день словарных источниках. С одной стороны, мы бы назвали их поистине народными, поскольку они передаются из уст в уста, однако еще не до конца описаны, что в свою очередь и подтверждает актуальность изучения паремий. С другой стороны, такие паремии являются свидетельством писательского мастерства, поскольку могут быть созданы самим автором, демонстрируя богатство и выразительность его языка.

Паремии второй группы мы рассмотрели с точки зрения их тематики, поскольку они в большинстве своем характеризуют различные жизненные аспекты героев произведения в частности и жизненные аспекты всего русского народа в общем. Нам удалось разделить анализируемые паремические единицы на четыре группы:

1) паремии, описывающие быт крестьян: «хорошо везёт, да часто копыто потряхивает» [Астафьев 2006: 9]; «сено стравить – коров не доить» [Там же: 5]; «казённа еда, не освящённая вода» [Там же: 156]; «бог уродил, бог людям угодил» [Там же: 221] и др.;

2) паремии, характеризующие человека (группу людей): «если б ему пёсий хвост, так он бы сам себя до крови исхлестал» [Астафьев 2006: 86]; «родня от старого бродня» [Там же: 142]; «опростается и оглянётся: нельзя ли в квас положить?» [Там же: 156]; «глазом влепит – что камнем придавит» [Там же: 157] и др.;

3) паремии, служащие утверждениями: «мир без войны пригляден как он есть» [Астафьев 2006: 3]; «цена не по летам, а по делам»

[Там же: 31]; *«что из воды да по воде плывёт – то бог даёт»* [Там же: 119]; *«скоко кобылке ни прыгать, а в стойле быть»* [Там же: 138]; *«у чужой иконы не намолишься, с чужого стола не накормишься»* [Там же: 156] и мн. др.;

4) паремии, являющиеся наставлениями: *«живи не тужи, жди холоду в петровки»* [Астафьев 2006: 94]; *«не будь лишку к людям приметлив, будь лучше к людям приветлив»* [Там же: 176]; *«всякой пуле голову не подставляй»* [Там же: 225] и др.

Таким образом, пословично-поговорочные выражения второй группы не менее активны в творчестве В.П. Астафьева. Они необходимы писателю для маркировки или оценки персонажа, события, факта.

Исследование структурно-семантических особенностей паремий в художественном тексте имеет существенное значение для его лингвистического анализа. Функционирование паремий в художественных произведениях обладает своей спецификой и напрямую связано с языковой личностью автора, что проявляется в особенностях авторского стиля и авторской позиции. Паремии являются неким строевым элементом смысловой стороны текста и, фиксируясь в подсознании читателя, приобретают иное осмысление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев В.П. Последний поклон: повесть в рассказах. – М.: Эксмо, 2006. – 848 с.
2. Астафьев В.П. Веселый солдат: повесть. – Санкт-Петербург: Амфора, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://modernlib.net/books/> (дата обращения 18.09.2019).
3. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Русский язык, 2003. – 616 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://vdahl.ru/word> (дата обращения 17.10.2019).
5. Джамбаева Ж.А. Текстотрический подход в обучении русскому языку //Проблемы изучения и преподавания русского языка в Российской Федерации и за рубежом: сборник материалов междунар. научн.-практ. конф. /Отв. ред. Л.В. Климина. Стерлитамак, 2018. – С. 24-29.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://nashol.com/201801249861> (дата обращения 18.10.2019).
7. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. – М.: Сюита, 1996. – 543 с. [Электронный

- ресурс]. URL: <https://spbib.ru/catalog/4185199> (дата обращения 19.10.2019).
8. Новиков Л.А. Искусство слова. – 2-е изд. М.: Педагогика, 1991. – 141 с.
 9. Самотик Л.Г. Здесь русский дух, здесь Русью пахнет // Научный ежегодник КГПУ им. В.П. Астафьева: сборник статей /Отв. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск, 2002. – С. 179-193. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24433643> (дата обращения 15.10.2019).
 10. Творчество В.П. Астафьева как воплощение национального и регионального самосознания: монография /Под ред. Л.Г. Самотик и Т.Н. Садыриной. – Красноярск, 2016. – 314 с.

© Джамбаева Ж.А., Самотик Л.Г., 2019 г.

УДК 811.11

А.В. Дильмухаметова (к.ф.н., г. Уфа)

ТАКТИКА ПОВЕДЕНИЯ МАНИПУЛИРУЕМОГО В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются особенности манипулятивного акта в межличностном общении. Делается попытка описания основных тактик поведения манипулируемого в коммуникативном акте. Автор перечисляет приемы психологической защиты в случае манипулятивного воздействия.

Ключевые слова: *манипулятивный акт, манипулятор, манипулируемый, психологическая защита.*

The article describes manipulative action in interpersonal communication. The author recites the main behavioral characteristics of manipulable person to defend it from the manipulative action.

Key words: *manipulative action, manipulator, manipulable person, psychological defense.*

Современное общество диктует индивидууму определенные правила поведения в процессе коммуникации. Реалии настоящего времени таковы, что любой человек подвержен воздействию на сознание посредством информационных технологий. Очень часто такой вид воздействия является скрытым и его не так просто распознать. Под скрытым видом речевого воздействия принято считать манипуляцию.

Манипулятивный акт совершается между собеседниками в процессе диалога, когда один из общающихся старается внушить собеседнику мнение, отличное от изначального мнения слушающего с целью изменения поведения реципиента.

Актуальность данной работы заключается в том, что в ней дается описание такого вида речевого воздействия как манипуляция, а также предлагаются некоторые способы защиты от нее.

Автор данной работы ставит перед собой цель перечислить основные характерные признаки манипулятивного акта и описать тактику поведения манипулируемого с целью защиты от воздействия. В связи с поставленной целью возникает необходимость решения таких задач, как определение феномена манипуляции в аспекте коммуникативного акта и анализ тактики поведения манипулируемого с целью защиты от манипулятивного воздействия. Для решения данных задач автором были использованы описательный и аналитический методы.

Следует отметить, что манипулятивное воздействие и тактика защиты от него рассматриваются в рамках данной статьи на уровне межличностного общения. Под манипуляцией в межличностном общении отечественный психолог М. Р. Битянова понимает следующее: «манипуляция – распространенная форма межличностного общения, предполагающая воздействие на партнера по общению, с целью достижения своих скрытых намерений; при манипулятивном общении ставится также цель добиться контроля над поведением и мыслями другого человека; при манипулятивном общении ставится также цель добиться контроля над поведением и мыслями другого человека; партнер не информируется об истинных целях общения; они либо просто скрываются от него, либо подменяются другими» [Битянова 2001:125]. Мы согласны с данным определением и хотим подчеркнуть, что в манипулятивном акте акцентируется внимание на скрытости воздействия, но в тех случаях, когда манипулятору не удастся подменить истинную цель на желанную им, манипулируемый, как правило, не попадает на уловки и манипулятивный акт является безуспешным. В некоторых случаях адресат, на которого направлена манипуляция, использует определенные психологические защиты с целью избежать воздействия. Под психологической защитой в рамках манипулятивного акта понимается «употребление субъектом психологических средств устранения или ослабления ущерба, грозящего ему со стороны другого субъекта» [Доценко 1997: 193]. Одной из тактик использования психологической защиты в процессе манипуляции является раскрытие манипулятивного акта слушающим и предложение перехода к истинной сути обсуждаемого вопроса. Однако стоит отметить, что такой вид защиты возможен лишь в тех случаях, когда происходит диалог между собеседниками, состоящими в доверительных отношениях. В таких случаях манипулируемый не опасается испортить отношения с собеседником. Возьмем пример из фильма «What a man?», в котором девушка с помощью манипулятивных уловок пытается убедить своего

бывшего парня вернуться к ней. Молодой человек понимает истинную причину ее слез и не поддается на уловку.

Sie: Weißt du, ich weiß nicht, was in mich gefahren ist. Aber jetzt weiß ich, dass ich dich brauche. Und das werde ich dir beweisen. So was passiert nie wieder, nie, nie, nie wieder. Ich hatte einfach Panik. Du bist der Mann meines Lebens. Ich würde alles tun, um wieder...

Er: Sag mir ehrlich, hat Jens dich verlassen? Du schaffst es schon [What a man? 2011].

Парень прямо спрашивает девушку о том, расстался ли с ней ее новый парень. Поняв ответ по выражению ее лица, он использует одно из клише, подходящее в этом случае, и уходит. Прямой вопрос, заданный по теме разговора, обезоруживает собеседника и останавливает процесс манипуляции.

Одним из самых действенных приемов защиты является контрманипуляция. Однако ученые советуют прибегать к данному приему лишь в тех случаях, когда использование приема «разоблачение уловки» не приносит желаемого результата. «Уловка на уловку» подразумевает использование в общении приемов манипуляции. По мнению психолога В. Н. Панкратова «В ситуации открытого противоборства, безусловно, выигрывает тот, кто более вооружен не столько знаниями, сколько умениями реализовывать на практике nepозволительные приемы манипуляции» [Панкратов 2001: 25]. В следующем примере из фильма «Alles Isy» мы сталкиваемся с манипулятивным актом, в котором манипулятор старается навязать манипулируемому мнение о том, что совершенный ими поступок не является безнравственным. Его собеседник создает ситуацию, в которой манипулятор убежден, что они пришли к согласию.

- *Was passiert, das passiert. Wir waren voll verkifft.*

- *Sie ist doch meine beste Freundin. Ich kann an nichts anderes mehr denken.*

- *Ich bin auch nicht stolz darauf, weißt. Aber es bringt nichts, sich weiter fertig zu machen.*

- *Ja, ich weiß. Ich komm' schon klar* [Alles Isy 2018].

Он успокаивает своего собеседника, делая вид, что разобрался со своими переживаниями, но следующие кадры в фильме показывают, что это не правда. Манипулируемый понимает, что его собеседник думает только о том, чтобы их не разоблачили, не заботясь о чувствах других. В данном случае манипулируемому легче самому стать манипулятором и заставить собеседника поверить в то, что он не пойдет в полицию.

В следующем примере из фильма «Lila,Lila!» девушка использует контрманипуляцию, зеркально отображающую поведение манипулятора. Девушка долгое время была влюблена в молодого писателя, но он относился к ней небрежно и каждый раз, обещая что-то, отвечал «nächstes

Mal». На его вопрос, хочет ли девушка пойти с ним на вечер писателей, она ответила «nächstes Mal» и оборвала с молодым человеком все отношения [Lila,Lila! 2009].

Подводя итог данному исследованию, хочется отметить, что тактика поведения манипулируемого в первую очередь связана с тем, сумеет ли он распознать направленное на него воздействие. В связи с этим следует процитировать социолога В.П.Шейнова, который описывает самый очевидный способ распознавания манипуляции: «Главным признаком является чувство неудобства, внутренней борьбы: вам не хочется что-то делать, говорить, а приходится – иначе неудобно, вы будете «плохо выглядеть»» [Шейнов 2006: 142]. Стоит лишь добавить, что нужно прислушиваться к своим внутренним ощущениям и не поддаваться на манипуляции, используя приемы психологической защиты.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-012-00226 А «Моделирование влияния социальных процессов на формирование лингвокультурных констант современного немецкоязычного пространства Европы и оптимизация межкультурного общения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Битянова М. Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей: учеб. пособие. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 576 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
3. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 208 с.
4. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком. – Изд-во АСТ, Харвест, 2006. – 816 с.
5. Alles Isy [Электронный ресурс]: художественный фильм / реж. М. Монгейм, М. Эйп. URL: <https://kinox.su/1679-alles-isy-2018.html> (дата обращения: 07.11.2019).
6. Lila, Lila! [Электронный ресурс]: Художественный фильм / реж. Алан Гспонер. – Германия, студия «Film 1», «Falcorm Media», 2009. URL: <http://www.cinema.de/film/lila-lila,3824138.html> (дата обращения: 30.10.2019).
7. What a man? [Электронный ресурс]: Художественный фильм / реж. М. Швайгхёфер. – Германия: студия «Pantaleon Films», 2011. URL: <http://movietown.org/movies/3651-what-a-man> (дата обращения: 02.11.2019).

© Дильмухаметова А.В., 2019 г.

К.З. Закирьянов (д.пед.н., проф. БашГУ, г. Уфа)

АКТИВНЫЙ БИЛИНГВИЗМ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Билингвизм – явление сложное, изучается с разных сторон. В данной статье рассматривается лингвокультурологический аспект изучения двуязычия: национальный характер языковой картины мира, языка и культуры, взаимосвязанное изучение языка и культуры, формирование у билингва лингвокультурологической компетенции (на примере обучения русскому языку в нерусской школе).

Ключевые слова: активный билингвизм, аспекты изучения, лингвокультурологический, национальная языковая картина мира, взаимосвязь языка и культуры.

Bilingualism is a complex phenomenon studied from different angles. This article discusses the linguoculturological aspect of the study of bilingualism: the national character of the linguistic picture of the world, language and culture, the interconnected study of language and culture, the formation of bilingual linguoculturological competence (for example, teaching Russian in a non-Russian school).

Key words: active bilingualism, aspects of study, linguoculturological, national linguistic picture of the world, the relationship of language and culture.

Активный билингвизм означает свободное владение двумя языками и возможность использования обоих языков во всех сферах речевой деятельности. Функционирование каждого из языков при активном билингвизме зависит от статуса языков: чем выше статус языка, тем больше оснований для его активного использования в разных сферах общения.

Проблема формирования активного билингвизма тесно связана с проблемами формирования билингвальной личности и обеспечения билингвального образования. Эти проблемы, в свою очередь, выдвигают для решения (положительного) целый ряд вопросов лингвистического, психологического, социологического, педагогического, организационного, лингвокультурологического характера, которые связаны с разными аспектами изучения феномена билингвизма.

Билингвизм – явление сложное, многоаспектное и изучается разными специалистами – лингвистами, психологами, социологами, педагогами, культурологами, этнографами, фольклористами, философами, историками

и другими – в разных аспектах. По мнению некоторых лингвистов, неправомерно ставить вопрос о разных аспектах изучения билингвизма, так как это явление «чисто лингвистическое» и достаточно рассмотреть его в лингвистическом аспекте. Психологи считают его явлением «психолингвистическим» и предлагают рассмотреть его с точки зрения психолингвистики. Однако трудно согласиться с теми и другими, ибо билингвизм – явление многоаспектное.

Для правильного понимания природы билингвизма, механизма его формирования и условий функционирования нужно рассмотреть его с разных сторон. В методических целях для успешного формирования активного билингвизма интерес представляют следующие пять аспектов изучения двуязычия: 1) лингвистический, 2) психологический, 3) социологический, 4) педагогический, 5) лингвокультурологический (о содержании каждого из аспектов см. [Закирьянов 2008]).

Предметом рассмотрения в данной статье является лингвокультурологический аспект билингвизма, пока еще мало изученный.

Язык является важнейшим средством общения людей, но не только. Он является одновременно и средством выражения, сохранения и передачи от поколения к поколению культурно-исторических ценностей народа, говорящего на данном языке. Язык и культура, будучи двумя самостоятельными явлениями, настолько тесно взаимосвязаны, что предполагают друг друга, не существуют один без другого, воспринимаются как две данности одного целого, как две стороны одного и того же явления. Такая тесная взаимосвязь языка и культуры проявляется в том, что вся культура живет и развивается в «языковой оболочке», отражается в языке («язык – сокровищница культуры»). В то же время язык является орудием создания и развития культуры: с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры [Зайнуллин, Зайнуллина 2008: 14]. Словом, язык является и продуктом культуры, и средством отражения культуры, ее воплощением, и сам по себе является культурной ценностью.

Взаимосвязь языка и культуры изучает особая отрасль лингвистики – *лингвокультурология*. Предметом изучения данной науки является материальная и духовная культура, созданная человеком и выраженная в языке. В центре внимания лингвокультурологической науки находится человек, носитель языка и культуры, его фоновые знания, поведенческие нормы, делающие индивида представителем данной культуры (подробнее см. [Воробьев 1997]). Соответственно люди, говорящие на разных языках, являются носителями разных культур. Это объясняется тем, что и язык, и культура имеют национальный характер. Национальная природа языка и

культуры связана с национальным характером языковой картины мира. Поясним суть явления.

Реальная картина мира (действительность), существующая независимо от познания человека, отражается в сознании разных народов по-разному. Каждый народ по-своему расчленяет многообразие мира, по-своему видит мир и по-своему называет фрагменты мира. Разные языки – это различные способы видения мира. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в языке результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира. Поскольку любой язык национально маркирован, то языковая картина мира любого народа имеет национальный характер. Словом, нет просто языковой картины мира, а есть только *национальная языковая картина мира* [Апресян 1995: 39; Корнилов 1999: 113].

Кроме того, национальная специфика языковой картины мира объясняется не только структурными особенностями каждого конкретного языка, но и своеобразием культуры народа, говорящего на данном языке. У каждого народа своя национальная культура – этнокультура, отличная от культуры других народов. «Этнокультура – это душа народа, отражающая своеобразие его мировидения, мировосприятия и миропонимания, которые стимулируют, программируют, регулируют и воспроизводят деятельность и поведение людей определенного культурно-языкового общества» [Алефиренко 2002: 17].

Следовательно, в процессе лингвистического образования (обучения языкам) нельзя рассматривать язык в отрыве от культуры (язык материализует культуру); овладение тем и другим происходит одновременно, во взаимосвязи. Поскольку язык и культура органически взаимосвязаны, то овладение вторым (неродным) языком означает *вхождение в другую культуру*, усвоение образа мышления, мировидения, нравов, обычаев, менталитета народа – носителя данного языка, что способствует в конечном итоге формированию *вторичной языковой личности* [Воробьев, Сяхова 2006: 76]. Такая личность в состоянии свободно пользоваться средствами обоих языков в соответствии с отражаемой ими языковой картиной мира, способна адекватно понять чужие мысли и точно передавать свои собственные на любом из этих двух языков.

На основе изложенного о национальном характере языковой картины мира можно сделать важный методический вывод: процесс обучения русскому языку как второму (неродному) в нерусской школе (например, в башкирской) необходимо тесно связать с изучением культуры русского народа – носителя русского языка, у которого как этноса свой внутренний мир, свое восприятие окружающей действительности, свое языковое

видение мира, свое языковое сознание, своя национальная культура, вой менталитет, свои национальные традиции и обычаи. Осознание особенностей русской культуры, в свою очередь, поможет лучше понять лексическое значение русского слова и особенности грамматического строя русского языка. Именно этим обстоятельством обуславливается необходимость усиления внимания к лингвокультурологическому аспекту билингвизма, что обеспечивает успешное формирование у нерусских учащихся лингвокультурологической компетенции при обучении русскому языку.

Лингвокультурологическая компетенция означает получение учащимися знаний о русском языке как национально-культурном феномене, отражающем духовно-нравственный опыт русского народа, формирование у учащихся представления о связях русского языка с национальными традициями русского народа, осознание нерусскими учащимися природы русского языка как уникального средства отражения русского менталитета: русский язык как национальный(родной) язык русского народа тесно связан с его национальной психологией, отражает его национальное видение мира – языковую картину мира русского народа.

Основным источником, определяющим содержание лингвокультурологического аспекта изучения русского языка в нерусской школе, является используемый на уроках русского языка дидактический материал. Он должен быть культурологически информативным, отражать подлинно культурные ценности русской нации. В этой связи возникает проблема составления культурологического минимума для реализации его при обучении русскому языку в нерусской школе. Такого минимума пока нет, но имеется некоторый опыт составления лингвокультурологических словарей на материале русского языка, например, [Бирюкова 1999; Кобякова 2004; Муллағалиева 2001; и некоторые другие]. Материалы этих словарей являются хорошим подспорьем в работе по формированию лингвокультурологической компетенции нерусских учащихся при изучении русского языка.

Культурное богатство каждого народа, в том числе и русского, столь обширно и многообразно, что познакомиться с ним в полном объеме невозможно, тем более в школьный период обучения. Поэтому возникает необходимость отбирать в учебных целях наиболее важные понятия, реалии, имена (некоторые ориентиры для отбора такого материала намечены нами в книге [Закирьянов 2008: 168–169].

Русский этнокультурологический и лингвокультурологический материал нерусские учащиеся лучше поймут и усвоят в сопоставлении со своей родной культурой и с родным языком. Поэтому целесообразно проводить соответствующие параллели из родного языка и из родной культуры. В результате таких сопоставлений учащиеся лучше осознают,

что у каждого народа имеется своя языковая картина мира и своя национальная культура. Таким образом, лингвокультурологический аспект обучения русскому языку нерусских учащихся обеспечивает не только вхождение в русскую культуру, но и более глубокое постижение своей, родной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. – М.: Academia, 2002. – 278 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, 1995, № 1. – С. 37–676.
3. Бирюкова С.К. Словарь культурологической лексики русской классики. По литературным произведениям школьной программы. – М.: ИНПО, 1999. – 284 с.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология. (Теория и методы). – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997 – 331 с.; 2008 – 340 с.
5. Воробьев В.В., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: Учебное пособие. Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. – М.; Ладомир, 2006. – 286 с.
6. Зайнуллин М.В., Зайнуллина Л.М. Общие проблемы лингвокультурологии: Курс лекций. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 206 с.
7. Закирьянов К.З. Основы билингвологии: Учебное пособие. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 310 с.
8. Замалетдинов Р.Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. – Казань: Магариф, 2009. – 351 с.
9. Кобякова Т.И. Концепты духовности в русской языковой картине мира (Лингвокультурологический словарь) / Под ред. Л.Г.Саяховой. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2004. – 158 с.
10. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 341 с.
11. Муллағалиева Л.К. Реалии русской культуры. Лингвокультурологический словарь / Под ред Л.Г.Саяховой, – Уфа: БИРО, 2001. – 220 с.
12. Муллағалиева Л.К., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: Методическое руководство для учителя / Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. – М.: Ладомир, 2006. – 198 с.
13. Муллағалиева Л.К., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур (уроки русского языка как родного и как языка межнационального общения в 5–11 классах общеобразовательных учреждений): Пособие для учителя. – Уфа: Китап, 2008. – 208 с.

© Закирьянов К.З., 2019 г.

Ю.А. Кошеварова (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа),
А.Ф. Калимуллина (студ. 4 курса БашГУ, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ МОДЕЛИ МАНИПУЛИРОВАНИЯ С ПОЗИЦИИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В статье рассматривается понятие манипуляции с точки зрения ряда гуманитарных наук. Анализируются механизмы манипулирования в диалогическом взаимодействии. Выявляется определенная речевая последовательность манипулятивного воздействия.

Ключевые слова: манипуляция, коммуникативно-прагматический подход, диалогическое единство, воздействие, речевой акт, односоставная модель манипулирования, двусоставная модель манипулирования.

The article deals with the concept of manipulation from the point of view of a number of Humanities. The mechanisms of manipulation in Dialogic interaction are analyzed. A certain sequence of speech acts of manipulative influence is revealed.

Key words: manipulation, communicative-pragmatic approach, dialogical unity, impact, speech act, one-component model of manipulation, two-component model of manipulation.

В процессе общения люди в силу определенных причин могут не выражать свои мысли прямо, а прибегают к скрытым способам влияния на собеседника. Одним из таких способов воздействия является манипуляция.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена широкой распространенностью непрямого способа воздействия в коммуникации.

Целью настоящей статьи является попытка выявить определенный механизм речевого манипулятивного воздействия.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: уточнить понятие манипуляции, рассмотреть основные положения теории речевых актов и выявить некоторые схемы манипулирования с позиции коммуникативно-прагматического подхода.

В данном ключе проблемой занимались такие ученые, как Дж.Л.Остин, Дж.Серль, Р.И.Карчевски, Г.А.Копнина, В.Г. Крысько, В.Б.Шапарь, В.В.Юренков и др.

В ходе нашего исследования использовался метод коммуникативно-прагматического анализа диалогических единств.

Материалом для исследования послужили художественные произведения У.С. Моэма, О. Уайльда, М. Твена, Г.Х. Манро (Саки).

Манипулирование может изучаться с точки зрения психологии, политики, этики, философии и лингвистики. Обратимся к определениям, предлагаемым данными науками.

Так, с позиции психологии под манипуляцией понимается «коммуникативное воздействие, которое ведет к актуализации у объекта воздействия определенных мотивационных состояний (а вместе с тем и чувств, аттитудов, стереотипов), побуждающих его к поведению, желательному (выгодному) для субъекта воздействия, при этом не предполагается, что оно обязательно должно быть невыгодно для объекта воздействия» [Крысько 2004:123].

С точки зрения политики манипуляцию рассматривают как «господство над духовным состоянием реципиента, управление им путем навязывания соответствующих стереотипов мышления и влияния на его поведение, выгодное тем, кто осуществляет это психологическое воздействие» [Крысько 2004:127].

С позиции этики манипуляция – это «способность одного человека влиять на другого и изменять его поведение желаемым образом» [Шапарь 2013:8].

В философии манипулирование – атрибут межличностных отношений, складывающихся под влиянием «рыночных механизмов общества, принуждающих людей относиться друг к другу равнодушно, как к вещам» [Юренков 2013:22].

В лингвистике под манипуляцией подразумевают «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2010:25].

Как мы видим, несмотря на существование множества различных определений термина, общим у всех позиций является то, что манипуляция – это скрытое воздействие, непрямая подача информации с целью внушить собеседнику желаемое и получить личную выгоду.

Для анализа манипуляции с точки зрения коммуникативной прагматики считаем необходимым привлечь теорию речевых актов.

Речевой акт традиционно рассматривают как «минимальную коммуникативную единицу текстового уровня, совершаемую в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе, выступающую в виде целенаправленного действия говорящего для достижения взаимопонимания между участниками коммуникации» [Карчевски 2002:129].

Дж. Остин выделяет несколько общих классов речевых актов: вердикты (суждения), акты побуждения, акты обязательства, формулы

социального этикета, интродукции (выполняют функцию реплики в общении) [Остин 1986].

Дж.Серль предлагает пять типов речевых актов: репрезентативы (сообщения), директивы (побуждения), комиссивы (обязательства), экспрессивы (выражение эмоций) и декларативы (объяснения) [Серль 1986].

Суть нашего анализа состоит в том, чтобы изучить употребление языка участниками общения, уделяя внимание единству прагматических свойств языковых единиц.

Итак, посмотрим на практическую реализацию манипуляции. Структурно нами были выявлены две основные разновидности моделей манипулирования: односоставная и двусоставная.

В представленном ниже фрагменте диалога главный герой по имени Том убеждает Бена Роджерса, главного насмешника улицы, что белить забор – приятное занятие. В данном случае односоставная модель манипуляции состоит из речевого акта утверждения:

“...I reckon there ain't one boy in a thousand, may be two thousand, that can do it the way it's got to be done.” [Twain 1876]

В нижеследующей иллюстрации во время разговора девушка Вера использует манипуляцию для привлечения внимания молодого человека по имени Фрэмтон. Ее цель – заставить собеседника заинтересоваться ее рассказом. Манипуляция здесь также представлена односоставной моделью, состоящей из единичного речевого акта утверждения:

“You may wonder why we keep that window wide open on an October afternoon...” [Munro 1911] Особенностью данного примера является так называемый «лаз в голову собеседника».

В нижеприведенном отрывке диалога друг семьи пытается убедить главную героиню по имени Луиза в необходимости отпустить взрослую дочь от себя. Луиза противится и выражает мнимое согласие, однако осуществляет речевой акт утверждения, заявляя, что уход дочери приведет к ее смерти. Манипулирование заключается в том, что Луиза не выражает свое несогласие, а играет на чувстве вины близких ей людей. В данном случае манипуляция представлена двусоставной моделью, состоящей из речевого акта согласия и речевого акта утверждения, содержащего возможное негативное последствие такого согласия:

“Iris shall marry in a month's time,” she said, “and if anything happens to me I hope you and she will be able to forgive yourselves.” [Maugham 2008]

В следующем примере богатый Миллер просит бедного и честного молодого человека Ганса отдать ему хорошую деревянную дощечку для починки крыши, пытаясь представить, что она равна по стоимости его старой тачке. В данном случае двусоставная манипулятивная модель

состоит из речевого акта утверждения и речевого акта утверждения, содержащего инструкцию к действию:

"I have given you my wheelbarrow, and now you are going to give me your plank." [Wilde 1888]

Манипуляция может выражаться и в попытке представить свое желание как уступку собеседнику. Подобное наблюдается в нижеприведенном диалогическом взаимодействии между бедным студентом и обеспеченной женщиной в ресторане. Сначала героиня заявляет, что не съест больше ничего, если только в заведении не найдется спаржи. Студент делает дорогостоящий заказ. Героиня подает ситуацию так, как будто вся ситуация спровоцирована собеседником. Здесь манипуляция представлена двусоставной моделью, состоящей из речевого акта утверждения и речевого акта утверждения, подразумевающего уступку:

"I can't eat anything more unless they had some of those giant asparagus. I should be sorry to leave Paris without having some of them."

...

"I'm not in the least hungry," my guest sighed, "but if you insist I don't mind having some asparagus." [Maugham 2008]

Таким образом, в общем виде манипуляция представляет собой косвенное воздействие на человека с целью побудить его к выгодным для манипулятора действиям.

С позиции коммуникативно-прагматического подхода при анализе привлекается теория речевых актов, которая служит основой для построения схем манипулирования.

Нами были выделены следующие модели манипуляции:

1. Речевой акт утверждения (односоставная схема), который может содержать в себе психологический подтекст;
2. Речевой акт мнимого согласия + речевой акт утверждения возможных негативных последствий такого согласия (двусоставная схема);
3. Речевой акт утверждения + речевой акт утверждения-инструкции;
4. Речевой акт утверждения + речевой акт утверждения – мнимой уступки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карчевски Р.И. Угроза в терминах типологии речевых актов // Форма, значения и функции единиц языка и речи: материалы Международной научной конференции (г. Минск, 16-17 мая 2002). – Минск: МГЛУ, 2002. – С. 129-130.
2. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие. – М.: Флинта, 2010. – 176 с.

3. Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. – М.: Владос-пресс, 2004. – 416 с.
4. Моэм У.С. Человек со шрамом и другие рассказы. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 144 с.
5. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике, 1986, №17. – С. 22-130.
6. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике, 1986, № 17. – С. 170-194.
7. Шапарь В.Б. Психология манипулирования. Из марионетки в кукловоды. – Харьков: Клуб Семейного Досуга, 2013. – 330 с.
8. Юренков В.В. Манипуляция как социально-философское явление // Теория и практика общественного развития, 2013. – С.21-23.
9. MunroHectorHugh. TheOpen Window. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vma.is/static/files/enska/Bokmenntir/Short%20Stories/TheOpenWindowSaki.pdf> (дата обращения 16.05.2019)
10. Twain Mark. The Adventures of Tom Sawyer. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.planetebook.com/free-ebooks/the-adventures-of-tom-sawyer.pdf> (дата обращения 16.05.2019).
11. Wilde Oscar. The Devoted Friend. [Электронный ресурс]. URL: <https://freeditorial.com/en/books/the-devoted-friend/readonline> (дата обращения 16.05.2019)

© Кошеварова Ю.А., Калимуллина А.Ф., 2019 г.

УДК 81'42

Ф.С. Кудряшева (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа)

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются вопросы пунктуационной системы и ее роль в романе А. Макина "Французское завещание". Автор стремится к максимальной информативной насыщенности своего текста и к глубокой внутренней организации всех его вербальных и невербальных элементов. Знаки препинания, используемые А. Макиным, содержат большой стилистический и прагматический потенциал. Исследование показывает, что пунктуация автора выходит за рамки традиционных правил ее использования и приобретает особые индивидуальные изобразительно-выразительные функции.

Ключевые слова: паралингвистика, композиция, невербальные элементы, пунктуация, графика, многоточие, курсив, скобки, функция, доминанта,

The article deals with the issues of punctuation system and its role in the literary text of A. Makin "French Testament". The author is distinguished by the desire for maximum informative saturation of his text, for a deep internal organization of all its verbal and nonverbal elements. Punctuation marks used by A. Makin contain a great stylistic and pragmatic potential. The study shows that the author's punctuation goes beyond the traditional rules of its use and acquires special individual visual and expressive functions.

Keywords: *paralinguistics, composition, nonverbal elements, punctuation, graphics, ellipsis, italics, brackets, function, dominant,*

В процессе создания художественного текста автор использует не только вербальные средства его формирования, но и обращается к невербальным приемам, определяемым как паралингвистические. Они рассматриваются в качестве важных дополнительных знаков при построении стилистической выразительности текста. В первую очередь это могут быть восклицательные знаки, многоточие, комбинации восклицательных и вопросительных знаков, скобки, тире, рисунки, разрядка, курсив, необычный шрифт т. е. графика. Многие лингвисты, занимающиеся исследованием паралингвистических явлений в тексте полагают, что они прямо или опосредованно взаимодействуют с вербальными знаками, могут быть носителями самостоятельной информации и играть не только вспомогательную, но и главную роль при интерпретации текста. Они способны создавать свой собственный смысл по отношению к вербальным средствам, дополняя их смысловыми, психологическими и эмоциональными оттенками. Известно, что в художественном тексте порождается мир, который существует только в воображении писателя. Автор текста создает свои структурно-языковые, коммуникативные, когнитивные стратегии. Для успешной реализации концепции он формирует многомерное пространство, соединяя в нем языковые единицы с элементами пунктуации. В результате смысловое пространство художественного текста предстает как сложное гибридное, поликодовое образование. Невербальные элементы рассматриваются в первую очередь с точки зрения реализуемых ими смысловых функций.

Благодаря их присутствию содержание художественного текста становится неоднозначным и является источником не только новых смысловых, но и эмоциональных оттенков, перекликаясь тем самым с идеей метафоричности человеческого мышления. Многие научные исследования в этом направлении отмечают, что включение в текст разноплановых элементов делает содержание текста не только сложным и выразительным, но и прагматически ориентированным. Обращение к невербальным элементам способствует более индивидуальному

отражению действительности. Пунктуация авторского текста представляет иерархическую систему, объединяющую текст в единое целое. Поэтому графическая организация текста оказывается очень важной при исследовании его содержания. Актуальность данной статьи обусловлена интересом к творческой деятельности писателя, в которой синтезируются различные формы модальности, влияющие на процесс смыслообразования, а также исследование взаимодействия основных языковых элементов и невербальных составляющих текста. В работе используется методика лингвостилистического анализа, семантический анализ языковых единиц, метод контекстуального анализа. Теоретической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области лингвостилистики М. М. Бахтин И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, Р. Якобсон, Р. Барт, Е. С. Кубрякова, Г.В. Колшанский, Т.Н.Николаева и др. Работа проводилась на материале франкоязычного художественного произведения. Как было сказано выше, в рамках художественного текста появляются различные невербальные элементы, которые выполняют свои прагматические функции, направленные на интеграцию и конвергенцию невербальных знаков с вербальными единицами. Соответственно, в тексте формируются пласты разноуровневых знаков, между которыми устанавливаются определенные отношения, способствующие созданию целостности текста. Паралингвистические средства, участвуя в реализации дискурсивной стратегии автора, активно участвуют в формировании повествования и установлении интертекстуальных связей. Поскольку гибридность художественного текста обусловлена также такими категориями текста как открытость, цельность, диалогичность, она является благоприятной для появления в нем выразительной пунктуации, воздействующей непосредственно на зрительное восприятие реципиента. Они переходят из разряда обычной пунктуации, или шрифта, в символический прием, способствующий получению и интерпретации читателем некоторой информации. Читатель соединяет информацию, извлекаемую из высказывания с его графическим оформлением. Полагаем, что авторы художественных произведений в первую очередь широко используют знаки препинания для выражения индивидуальности своего авторского стиля. Многие лингвисты (Л.Г. Веденина, В.А. Кухаренко) говорят об авторской пунктуации, или индивидуальном знаке препинания. Некоторые исследователи предлагают такой термин как "пунктуационные тропы", которые могут стать предметом отдельного изучения в рамках графической стилистики (Л.Г.Веденина). Роль паралингвистических средств в тексте не является однозначной. В художественном тексте они приобретают особую значимость и становятся носителем определенной информации, извлечение которой из текста невозможно без их

декодирования. В произведениях современных французских писателей паралингвистические средства принимают активное участие в реализации авторских интенций. Они подчеркивают особенности композиции текста, завершенность мысли или ее отсутствие, побуждают читателя к размышлению о проблемах, волнующих писателя. Исходя из этого можно утверждать, что паралингвистические приемы акцентируют внимание в первую очередь на смысловое наполнение текста, расширяют его, воздействуют на воображение читателя. Поэтому не удивительно, что при анализе художественного произведения, паралингвистические средства рассматриваются как важная часть невербальной коммуникации. Размышления по этому поводу Г.В.Колшанского убедительно подчеркивают, что «паралингвистика не есть привесок или остаток, вычитаемый из языковой системы, а особый функциональный компонент параязыковой системы, т. е. коммуникативная подсистема, которая дополняет функцию вербальной коммуникативной системы» [Колшанский 1975: 215]. В рассматриваемом тексте франкофонного писателя А.Макина наблюдается широкое и своеобразное использование различных пунктуационных знаков среди которых многоточие составляет пунктуационную доминанту. Автор по своему осмысливает данный знак препинания и использует все его стилистические возможности. Этот пунктуационный знак не обладает категоричностью точки, или двоеточия. Его присутствие в авторском тексте создает атмосферу субъективной модальности, доверительного повествования на фоне эмоционального размышления и воспоминания. Многоточие используется чаще всего в конце предложения. Анализ показал, что в данной позиции многоточие указывает на неординарность ситуации, подчеркивает взволнованность и как следствие незавершенность речи. Многоточие как свидетельство недосказанности, незавершенности мысли позволяет автору обратиться к читателю и подтолкнуть его к развитию собственного размышления, к прочтению между строк. Иначе говоря в многоточии содержится значительный материал самой разнообразной свернутой информации. Поэтому этот вид пунктуации в тексте А.Макина участвует непосредственно в построении композиции текста и выражении его концепции. Он используется автором на протяжении всего текста, постоянно формируя информационную незавершенность по разной причине. Благодаря многоточию можно утверждать, что авторская пунктуация А.Макина выходит за рамки обычных правил ее использования с особыми индивидуальными выразительными функциями. В этой связи Н.С. Валгина, размышляя о роли авторской пунктуации, указывает, что "собственно авторскими можно признавать лишь знаки, выполняющие функции стилистические", которые "всецело связаны с индивидуальностью

пишущего" [Валгина 2003: 56]. Высокая частотность многоточия позволяет утверждать, что А.Макин подтверждает мысль Бодуэна де Куртене о том, что это знак препинания, используемый как "особый, когда что-то не доканчивается или подразумевается" [Б. де Куртене 1962:238-239]. Кроме смысловых оттенков данный пунктуационный знак передает множество эмоций, которые он не может выразить словами. Многоточие в текста А.Макина в первую очередь, на наш взгляд, убедительно передает эмоциональное и психологическое состояние писателя, его нравственные поиски, глубину душевных переживаний: "Cette minuscule Française qui fête ce jour-là ses deux ans, cette enfant qui regarde le photographe et par un caprice inconscient crispe ses orteils incroyablement petits et me permet ainsi de pénétrer dans cette journée, de goûter son climat, son temps, sa couleur..." Незаконченность мысли, волнение, сопровождается эмоциональным трепетом автора например при рассмотрении фотографии бабушки. Многоточие внутри предложения "Cette enfant était... notre grand-mère" отмечено желанием выделить неожиданный наплыв чувств, удивление при виде ее фотографии. В предложении "Un reflet de sourire éclairait ses lèvres..." автор предлагает читателю сформировать в своем воображении и дописать образ главной героини. Очевидно, что этот знак препинания несет экспрессивную функцию и может замещать не только слова, но и целые предложения по причине особого состояния автора. Будет справедливо процитировать в этой связи мнение Н.С. Валгиной о том, что многоточие может употребляться "как условный знак, позволяющий читателю самому расширить рамки повествования, домыслить детали, вызвать необходимые ассоциации, т. е. в конечном счете продолжить текст уже на основе своего воображения и в соответствии со своим, индивидуальным проникновением в замысел автора, рождая подтекст — либо однозначный, если автор «жестко» руководит развитием сюжета или образа, либо многозначный, если возможны различные линии его осмысления" [Валгина 2003:60]. Многоточие в парадигме пунктуационных знаков, используемых А. Макиным в тексте, еще раз подтверждает мнение критиков о глубоком внутреннем осмыслении автором своих воспоминаний, о стремлении передать их значимость. Многоточие выступает также маркером эмоционального состояния героя, эмоциональной паузы, постоянно привлекая внимание читателя.

Многоточие появляется в парцеллированных предложениях текста с целью выделения парцеллята. Известно, что парцеллированные предложения служат целям эмоционально-экспрессивного подчеркивания отделяемой части предложения. Так, в предложении "Madame va apporter à nos graves séances quelque chose de bien inaccoutumé..... Le charme" наблюдается парцелляция дополнения, выделенная

многоголосием. "L'orchestre de la garde républicaine entonna l'hymne russe.... Et le soir, le grand gala à l'opéra fut une apothéose." Частица основной мысли раздроблена на более мелкие и иллюстрирует намерение обратить внимание читателя на все компоненты информации, структурируемые автором. Деление текста на мелкие смысловые единицы, ставит целью отобразить важность момента, сопровождаемое выделением тех или иных слов.

В перечне других паралингвистических средств, используемых А. Макином, следует обратить внимание на изменение шрифта для выделения слов, словосочетаний и иногда целых предложений. Фрагменты текста, оформленные курсивом, стилистически обогащают текст, выделяют подтекстовую информацию социального и исторического характера. Активное использование курсива как выразительного стилистического приема, который играет также важную смысловую и эмоциональную роль в содержательном пространстве текста, позволяет правильно расставить акценты. Использование курсива во многих фрагментах текста направлено не только на отражение французской, или российской действительности, но и для выражения причастности главных героев к происходящим событиям.

Слова, выделенные курсивом, могут быть распределены в следующие группы: авторы произведений искусств, названия произведений искусств, политические реалии России и Франции, названия французских кафе и ресторанов. Так, в предложении "Le cinéma *La Barricade* était prêt à accueillir ses premiers spectateurs" курсив подчеркивает слово *La Barricade* как языковой знак, отражающий реалию постреволюционной российской действительности. *La Pravda* отражает политическую роль данной газеты в жизни российского общества. В предложении "Lorsque à la fin du spectacle l'orchestre attaquait *La Marseillaise*, le Tsar se tourna vers le président et lui tendit la main" интертекстуальный знак *La Marseillaise* как национальный гимн Франции вводит читателя во французскую реальность. Появление этого шрифта для передачи реалий французской культуры наблюдается в предложении "Nous dépliâmes le programme: Un caprice de Musset, fragment du *Cid*, troisième acte *des Femmes savantes*". Le lustre qui tombait du plafond lors de la représentation de *Faust* à l'Opéra, *Hernani*. В названиях французских кафе и ресторанов *ce café anglais boulevard des Italiens*, le restaurant *Pailard*, chez Weber курсив выделяет слова, передающие эти реалии, направляя таким образом внимание читателя на передаваемую информацию и подтверждая ее аутентичность. Оформление слов, представляющих различные культурные реалии Франции при помощи курсива акцентирует внимание читателя на их достоверность текста. Курсив как особый маркер показывает, что это вставка с новым содержанием, принципиально важным для автора с

дополнительной логической и эмоциональной экспрессией. Курсив используется не только для передачи слов, словосочетаний, но и целых предложений. Он оказался необходим автору при коммуникации с читателем для выражения иронического отношения Шарлотты к реалиям российской жизни: *Le titre le plongea dans une perplexité extrême: pour en finir avec le relâchement sexuel dans les cellules du Parti (recommandations).*

Другой особенностью графического оформления художественного текста А.Макина является обращение к разрядке и написание слов с заглавной буквы. Так, особый эффект возникает за счет контраста графического изображения информации о революции, совершившейся в России: *ABDICATION DE NICOLAS..LA REVOLUTION: LA RUSSIE DECOUVRE LA LIBERTE .KERENSKI LE DANTON RUSSE. LA PRISE DE LA PRISON PIERRE ET PAUL, CETTE BASTILLE RUSSIE. LA FIN DU REGIME AUTOCRATIQUE...* Использование заглавных букв с увеличением интервала между ними позволяет произвести логическое и смысловое подчеркивание информации, заключенной в этих словах и усилить ее интенсивность. Наряду с этим приемом автор использует слоговое выделение в слове *Meill-eu-eue*, с выделением и повторением слога *eu*.

К паралингвистической графике можно также отнести другое шрифтовое оформление некоторых слов в тексте романа, воздействующих на зрительное восприятие информации. Так, в предложении " Je prononçais le mot russe Царь" присутствует слово на русском языке. Появление во французском контексте слова на русском языке концентрирует внимание читателя на истории России, на роли последнего императора русской государственности. Скобки составляют следующий авторский знак, который привлекает внимание исследователя текста и читателя. Прием вставки в предложение высказываний, так или иначе связанных с его содержанием, широко распространен в тексте А. Макина. Вставные конструкции – это слова, словосочетания и предложения, содержащие различного рода добавочную информацию, уточнения, поправки, разъясняющие предложение в целом или отдельное слово в нем. Они являются эффективным средством передачи дополнительной информации. Их появление в предложении нарушает линейные и синтаксические связи предложения. Используя скобки, автор оформляет информацию, которая логически и синтаксически не совпадает с содержанием предложения.

Скобки визуально привлекают внимание читателя, помогают адекватно воспринимать информацию, заключенную в них, создают дополнительный план повествования. Автор заключает в скобки чаще

всего целые предложения, реже слова и словосочетания. Этот пунктуационный прием позволяет сделать текст менее загруженным. Так, в предложении *Ravis, nous goûtions ces plats imaginaires agrémentés de la fraîcheur brumeuse de l'OCEAN (Cherbourg!)*. Автор уточняет некоторые детали своего воспоминания с определенным восторгом, находящим свое проявление в восклицательном знаке. В предложении *"Non pas à cause de mon érudition (je ne savais pas, à l'époque, à quoi ressemblaient ces fameux bartavelles et ortolans)"* вставка выполняет пояснительную функцию. В предложении *Au milieu de cette manificence - (le président de la République et une femme unis dans un enlacement fougueux)....* пояснительная функция сменяется уточнительной. Последняя является достаточно частотной, так как позволяет автору показать некоторые важные для него детали. *J'entrai dans le rond bleu du réverbère. Son corps (sa jupe noire, son corsage clair) concentra soudain tout mon désir.* Каждая вставка обладает своим особым интонационным контуром, имеет свою модальность и коммуникативный план.

Рассмотрение знаков пунктуации в тексте А. Макина показало их максимальную информативную насыщенность. Каждый элемент пунктуации принимает участие в реализации основной идеи. Стилистический и прагматический потенциал этих невербальных элементов направлен на актуализацию многих деталей авторского замысла. В тексте сформирована определенная иерархическая система пунктуации, которая характеризуется сложными смысловыми отношениями и многочисленными оппозициям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г.В. Соотношение объективных и субъективных факторов в языке. М.: Издательство Наука, 1975.
2. Валгина Н.С. Русская пунктуация. М., 1979.
3. Б. де Куртене И.А. Избранные труды по языкознанию. М.; Издательство Академия Наук СССР, 1962.
4. Makine A. Le Testament français. Mercure de Paris, 1995.

© Кудряшева Ф.С., 2019 г.

УДК 81-119

Н.А. Курашкина (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа)

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЭКОЛИНГВИСТИКИ В XXI ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СБОРНИКА «THE ROUTLEDGE HANDBOOK OF ECOLINGUISTICS»)

В статье дается обзор современных тенденций в развитии зарубежной эколингвистики по материалам сборника 2018 г.,

охватывающим такие аспекты, как языковое и видовое многообразие, преодоление лингвистического антропоцентризма, критический и позитивный анализ различных видов дискурса, философское осмысление взаимодействия языка и экологии

Ключевые слова: *эколингвистика, языковое многообразие, экорекорктность, критический дискур-анализ, позитивный дискурс-анализ, экограмотность*

The article gives a survey of the modern tendencies in the development of foreign ecolinguistics based on the Handbook of Ecolinguistics (2018). The following aspects are covered: language and biodiversity, ways of overcoming linguistic anthropocentrism, critical and positive analyses of different discourses, a philosophy of the interaction between language and ecology

Key Words: *ecolinguistics, language diversity, ecological correctness, critical discourse analysis, positive discourse analysis, ecoliteracy*

По сравнению с другими лингвистическими науками, эколингвистика – это по-прежнему очень молодая дисциплина, которая отметила свой 45-летний юбилей в 2017 г. (отсчет ведется с момента выхода в свет статьи Э. Хаугена «Экология языка» в 1972 г. [Haugen 1972]). В ряде публикаций [Курашкина 2016а, 2016б, 2017] уже рассматривались истоки и пути ее становления в России и за рубежом. Настоящая статья посвящена обзору тенденций в развитии зарубежной эколингвистики XXI в. Поводом послужил выход очередного сборника трудов, подготовленного под редакцией А. Филла и Х. Пенз [The Routledge Handbook of Ecolinguistics 2018], который является своеобразным итогом исследовательской мысли и, одновременно, началом новых проектов в эколингвистической области.

Эколингвистика уверенно расширяет свою географию: если в первые десятилетия своего существования она опирается на Американскую и Европейскую идеологию, то в XXI в. интерес к дисциплине, объединяющей язык и экологию, появляется в Азиатских (Китай) и Африканских странах (Нигерия). Так, в Китае первая эколингвистическая конференция состоялась в Гуанджоу в ноябре 2016 г. [Fill, Penz 2018: 437]. Языковое богатство этих стран обязывает к тому, чтобы создавались поддерживающие стратегии, включающие в себя «особый экологический метод языкового планирования» [Fill, Penz 2018: 437].

По прогнозам П. Финке, новая научная парадигма призвана стирать междисциплинарные границы, а эколингвистика станет одним из лидеров в развитии этой тенденции [см. Finke 2018].

Судьба видов, населяющих планету, соотносится с судьбой языков, поэтому связь между биоразнообразием и лингвистическим разнообразием прослеживается во многих областях [см. Cook, Sealy 2018]. Сокращение

видового разнообразия может быть связано с уменьшением числа языков, поскольку оба эти процесса происходят примерно с одинаковой скоростью [см. Skutnabb-Kangas, Harmon 2018]. Соответственно, одной из насущных проблем не только эколингвистики, но и науки в целом является вопрос сохранения языкового (и биологического) многообразия.

Немаловажной видится проблема устранения «лингвистического империализма» в лице английской языковой доминанты. Здесь роль эколингвистики состоит в продвижении идеи мультилингвизма в обучении языкам по всему миру и попытки продвижения лингвистических теорий, опирающихся на языковое многоязычие [см. Phillipson, Skutnabb-Kangas 2018].

Несмотря на то, что язык по своему происхождению антропоцентричен и описывает природу с точки зрения ее пользы для человека, эколингвисты стремятся искать пути преодоления лингвистического антропоцентризма, например, используя физио- и биоцентричные языки [см. Heuberger 2018]. Важным моментом для исследований в этом аспекте видятся способы обращения с животными, закрепленные в языке [см. Cook, Sealy 2018]. В частности, интерес представляет так называемая *экокорректность* (*ecological correctness*), например, будет ли использование выражения *пища теленка* (*calf food*) вместо слова *молоко* (*milk*) действительно корректно по отношению к животному или это эвфемизация антропоцентризма [см. Trampe 2018].

Помимо изучения «животных» метафор (зоометафор) и «гуманизированных» метафор для характеристики животных перспективными видятся контрастивные исследования описания животных в мультимодальных текстах и социальных сетях. Еще одна тема, заслуживающая дальнейшего развития в эколингвистике, это определение роли, которую играют животные и растения в различных культурах по способам ее языковой репрезентации [Fill, Penz 2018: 438].

По-прежнему эколингвисты обращаются к критическому дискурсу-анализу (*critical discourse analysis*), подвергая на степень экологичности отношение авторов к раскрываемой проблеме, будь то политический, деловой или рекламный дискурс. В изучении рекламного дискурса, например, актуальной является проблема *зеленого камуфляжа* (*greenwashing*), используемого для создания имиджа экологически-ориентированной компании [см. Stöckl, Molnar 2018]. В перспективе «глубинная экологизация» языка видится как длительный эволюционный процесс языковых изменений, происходящих во взаимодействии с инвайроментальными явлениями – процесс, который должен рассматриваться как противовес «поверхностной экологизации» (например, использование экологического вокабуляра в рекламном и

политическом дискурсе), способный в конечном итоге замедлить ухудшение состояния окружающей среды.

Наряду с критическим дискурс-анализом получает распространение позитивный дискурс-анализ (*positive discourse analysis*), который акцентирует внимание на положительных сторонах человеческой деятельности, представляя собой поиск новых жизненных сценариев. Это сценарии, представляющие собой «тайные резервуары ценностей»: если изменить жизненные сценарии, которыми живут народы или их отдельные представители, то изменятся и сами народы или отдельные личности. Таким образом, целью позитивного дискурс-анализа видится поиск таких способов языкового употребления, которые бы могли потенциально мотивировать людей к защите жизнеобеспечивающих систем и созданию более справедливых социальных сообществ [см. Stibbe 2018].

Включение в исследовательское поле эколингвистики дискурсивного пространства Интернета позволит этой междисциплинарной отрасли знаний стать наукой об экокультуре, в которой язык занимает важную часть, но не является единственной знаковой системой для изучения [Fill, Penz 2018: 441].

Уже в настоящее время эколингвистика выходит далеко за пределы простого изучения языка. Например, на философском уровне показано взаимовлияние религиозной идентичности и проявления заботы об окружающей среде, при котором религиозный дискурс способен сформировать гармоничное отношение человека к природе [см. Le Vasseur 2018]. В перспективе небезынтересно взглянуть на преломление вопросов, связанных с окружающей средой, в различных религиях.

Философски настроенные эколингвисты в будущем смогут более основательно подвергнуть изучению язык на мета-уровне [см. Steffensen 2018], поставив перед собой вопросы следующего порядка: как эколингвистика может воздействовать на человеческие деяния в целом; каковы глубинные механизмы, заставляющие язык оказывать влияние на мысли и поступки; является ли эколингвистика исследовательской областью, которая стремится раскрыть всю «правду» в надежде изменить мир, или это идеология, из которой экологичное отношение к природе следует автоматически? К примеру, в Китае эколингвистика в большей степени рассматривается как философия или мировоззрение сродни конфуцианству или даосизму, в котором доминантной идеей выступает гармония между людьми и природой, хотя экологические проблемы также не остаются незамеченными [Fill, Penz 2018: 441]. Другой философский подход в эколингвистике ведет к новому холистическому мировидению, в котором все взаимосвязано и взаимодействует, а земля – Гейя – представляет собой живое единство и сложную систему [Døør, Madsen 2007: 268].

Как следует из вышеизложенного, будущее поле для эколингвистических изысканий располагается, как минимум, на трех уровнях [Fill, Penz 2018: 441–442]: 1) уровень языкового многообразия и связанные с ним проблемы, в частности проблема языков малых народов, проблемы языковой угрозы и языковой гибели. Ученые надеются, что связь между языковыми и видовыми потерями даст идеи для поддержания языкового и инвайроментального многообразия; 2) уровень языка, дискурса и экологии, на котором роль языка и дискурса в решении экологических задач будет доминирующей. На дискурсивном уровне необходимо учитывать как позитивные, так и негативные аспекты, равно как и разные виды дискурса, включая ресурсы современного медийного пространства. Не теряет своей актуальности и проблема экограмотности (*ecoliteracy*). Д. Опп и Ф. Капра (D. Opp and F. Capra) создали этот термин в 90-е гг. для обозначения осознания экологических проблем и роли языка в обеспечении этого осознания [Fill 2018: 5]; 3) уровень трансдисциплинарной науки или философии взаимодействия и гармонии.

Сообщество эколингвистов со всех континентов регулярно собирается для обсуждения насущных вопросов на международных конференциях. Важный шаг в обеспечении плодотворного сотрудничества между членами данного сообщества сделан А. Стиббе (A. Stibbe). Он является инициатором создания Международной Ассоциации эколингвистов (IEA), которая издает онлайн-журнал «Язык и экология» (*Language and Ecology*), как доступную платформу для обмена новыми идеями. На сегодняшний день эколингвистическая ассоциация насчитывает около 450 исследователей со всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курашкина Н.А. Основные направления современной российской эколингвистики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016а. – Т. 2. («Современные научные исследования: актуальные теории и концепции. Выпуск 4»). – С. 171–175. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm>.
2. Курашкина Н.А. Истоки и пути развития эколингвистики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016б. – Т. 15. («Современные научные исследования. Выпуск 5»). – С. 246–250. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86950.htm>.
3. Курашкина Н.А. Современные тенденции в развитии зарубежной эколингвистики // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации: материалы международной научно-практической конференции (г. Уфа, 15–16 декабря 2017 г.) / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С.155–159.

4. Døør J., Madsen D.B. Food for Thought – Metabolism and Metaphors // Sustaining Language: Essays in Applied Ecolinguistics. – Wien, Berlin: LIT Verlag, 2007. – P. 267–278.
5. Haugen E.I. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. Selected and Introduced by Anwar S. Dill. – Stanford, California: Stanford University Press, 1972. – 368 p.
6. The Routledge Handbook of Ecolinguistics / Ed. by Alwin F. Fill and Hermine Penz. – New York and London: Routledge, 2018. – 457 p. *(далее все статьи приводятся по страницам указанного сборника).*
7. Cook G., Sealy A. The Discursive Representation of Animals. – P. 311–324.
8. Fill A. Introduction. – P. 1–7.
9. Fill A., Penz H. Ecolinguistics in the 21st Century: New Orientations and Future Directions. – P. 437–443.
10. Finke P. Transdisciplinary Linguistics: Ecolinguistics as a Pacemaker into a New Scientific Age. – P. 406–419.
11. Heuberger R. Overcoming Anthropocentrism With Anthropomorphic and Physiocentric Uses of Language? – P. 342–354.
12. Le Vasseur T. Religion, Language and Ecology. – P. 420–433.
13. Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. Linguistic Imperialism and the Consequences for Language Ecology. – P. 121–134.
14. Skutnabb-Kangas T., Harmon D. Biological Diversity and Language Diversity: Parallels and Differences. – P. 11–25.
15. Steffensen S.V. The Microecological Grounding of Language: How Linguistic Symbolicity Extends and Transforms the Human Ecology. – P. 393–405.
16. Stibbe A. Positive Discourse Analysis: Rethinking Human Ecological Relationships. – P. 165–178.
17. Stöckl H., Molnar S. Eco-advertising: The Linguistics and Semiotics of Green (-Washed) Persuasion. – P. 261–276.
18. Trampe W. Euphemisms for Killing Animals and for Other Forms of Their Use. – P. 325–341.

© Курашкина Н.А., 2019 г.

УДК 81'23

А.В. Моисеева (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа)

ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТЕКСТЕ РУССКИХ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ЖЕНЩИН

В статье рассматриваются приемы языковой игры на материале текста женского журнала. Анализ примеров, отобранных методом сплошной выборки, проведен, с целью обнаружить наиболее частотные

явления, а также, определить приемы каких языковых уровней преобладают в текстах женских журналов.

Ключевые слова: языковая игра, женский журнал, графические приемы, интертекстуальность.

The article deals with the patterns of the language game as exemplified in the text of magazines for women. The analysis of the examples, sorted out by continuous sampling method, is conducted in order to find the most frequent cases, as well as to define the patterns of which linguistic level predominate in the texts of magazines for women.

Key Words: language game, women magazine, graphical patterns, intertextuality.

Лингвисты относят к проявлениям языковой игры неопределенно широкий перечень языковых фактов, являющихся результатом нарочитого отступления от умозрительной языковой или речевой нормы.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. предложили обозначать данным термином те намеренные отклонения от языковых норм, «которые имеют место, когда говорящий "играет" с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)» [Земская и др. 1983: 175].

Главной особенностью глянцевого журнала является их назначение носителя рекламной информации. Практически для всех современных рекламных текстов характерно использование различных игровых приемов во всем их разнообразии, что само по себе непосредственно связано с тем, что изначально суть рекламы заключается именно в привлечении внимания реципиента. Восприятие реципиентом рекламы как игры обуславливает тот факт, что языковая игра в рекламе конструирует игровой характер, создает игровой стиль современной рекламы. В рекламе игровые приемы языковой игры позволяют достигнуть основополагающего принципа создания рекламных текстов: на минимальном отрезке текста достигнуть максимальной экспрессии.

Анализ рекламных текстов глянцевого журнала, а, по сути, любая статья в таком журнале служит рекламой товара, услуги или объекта интеллектуальной собственности, позволяет сгруппировать приемы языковой игры следующим образом: фонетические, графические, морфологические, лексические и словообразовательные.

По следующей классификации приемы языковой игры можно сгруппировать следующим образом:

1. Приемы языковой игры на фонетическом уровне:

- 1.1 Аллитерация
- 1.2 анафора
- 1.3 эпифора
- 1.4 рифма
2. Приемы языковой игры на графическом уровне:
 - 2.1 графическое искажение
 - 2.2 графическое сложение
 - 2.3 графическое вычитание
3. Приемы языковой игры на морфологическом уровне:
 - 3.1 оценочная шкала
 - 3.2 окказиональные слова
4. Приемы языковой игры на лексическом уровне:
 - 4.1 обыгрывание полисемами
 - 4.2 деидиоматизация
 - 4.3 актуализация потенциальной семы в значении слова
 - 4.4 шутки, основанные на смешении стилей
 - 4.5 метафоризация

В нашей статье мы решили взять несколько примеров методом сплошной выборки, чтобы узнать, какие из приемов наиболее частотны в тексте русского глянцевого журнала для женщин.

«Каждый год, в февральском номере, мы с друзьями ...в смысле, с редакцией, выбираем самых горячих и интересных холостяков года и снимаем их для тебя, наша дорогая читательница» [Cosmopolitan 2019: 15]. Здесь имеет место явление интертекстуальности, на ум читателю сразу приходит фраза героя к/ф «Ирония судьбы или с легким паром» — «Каждый год 31 декабря мы с друзьями ходим в баню».

«Аксессуарные тренды меняются со скоростью Bugatti» [там же: 14]. Фразеология является идеальной базой языковой игры: во ФЕ заложена конвенциональность, воспроизводимость, стереотипность. В данном случае фразеологизм со значением «очень быстро» несет в себе значение стремительного развития продукции модного дома Bugatti.

Лексический уровень отличается наибольшим разнообразием приемов языковой игры:

Новый космический (во всех смыслах) фильм Ad astra расскажет об инженере, который отправляется на поиски отца-космонавта, пропавшего без вести 20 лет назад [там же: 16]. В данном случае обыгрывается полисемия, т.о., что интересный эффект достигается при помощи «сталкивания» в рамках одного предложения двух лексико-семантических вариантов слова «космический»: 1) относящийся, происходящий в космосе 2) *перен. зн.* грандиозный, чрезвычайный по силе, степени проявления.

Так плохо, что аж хорошо: Youtube-шоу Зака Галифианакиса «Между двумя папоротниками» - серия неловких и дико смешных интервью со звездами – возвращается в новом формате. там же. В данном примере игра построена на подобии оксюморона (так плохо, что хорошо – не может быть и плохо и хорошо одновременно). Особенность оксюморона в том, что он всегда провоцирует смыслопорождение: читатель, столкнувшись с вопиюще невозможной фразой, начнет «добраивать» смыслы.

ЛИЦА ЭТИХ ГОЛЛИВУДСКИХ НОВИЧКОВ ПОКАЖУТСЯ ТЕБЕ ДО БОЛИ ЗНАКОМЫМИ. А ВСЕ ПОТОМУ, ЧТО СЛАВА И АКТЕРСКИЙ ТАЛАНТ ПЕРЕДАЛИСЬ ИМ ПО НАСЛЕДСТВУ ОТ ЗВЕЗДНЫХ РОДИТЕЛЕЙ. ЧТО ТУТ СКАЖЕШЬ, КАКИЕ ГЕНЫ, ТАКИЕ И КРОКОДИЛЫ [там же: 28]. Здесь, помимо графического уровня, выраженного капитализацией, присутствует языковая игра на уровне лексическом. Полисемантическое слово «гены» в данном контексте используется, казалось бы, в своем прямом значении – «структурной и функциональной единицы наследственности», с другой стороны, русскоговорящие люди естественным образом связывают употребление слов «гены» и «крокодилы», т.к. крокодил по имени Гена (персонаж книги Э. Успенского «Крокодил Гена и его друзья») входит неотъемлемой частью в языковую картину мира россиянина.

#ЦВЕТ НАСТРОЕНИЯ – ХАКИ. В сезонной рубрике ELLE.ru разбираем по оттенкам классическую осеннюю палитру цветов. Фаворит октября – хаки [ELLE 2019: 28]. Данный пример иллюстрирует герменевтическую категорию интертекстуальности, дается отсылка к известной песне «Цвет настроения синий» Филиппа Киркорова, выпущенной 14 марта 2018 года.

Аналогичный прием используется в следующем примере: *БЛЕСТЯЩИЕ МЕТАЛЛИЗИРОВАННЫЕ ТКАНИ ВЫГЛЯДЯТ ТАК, СЛОВНО «МУЗЫКА ИХ СВЯЗАЛА»* [там же: 52]. Выделение графикой сочетается с отсылкой к песни группы «Мираж» - «Музыка нас связала», причем глагол «связать» используется как в переносном, так и в прямом значении.

Prada на нашей стороне [там же: 44] – в данном примере всемирно известный бренд «Prada» обыгрывает имя собственное, графически выделяя часть слогана, которая указывает на название итальянской марки. Кроме того, «Prada» созвучно со словом «правда», т.о. фразеологизм «правда на нашей стороне» приобретает новое значение - «новая коллекция уже доступна в России».

МЧС ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: НА НАС НАДВИГАЕТСЯ БУРЯ! ПОД РУКОВОДСТВОМ РИККАРДО ТИШИ НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ BURBERRY ПРЕВРАТИЛАСЬ В ГРЕМУЧУЮ СМЕСЬ КОНТРАСТОВ

[там же: 60]. В заголовке используется языковая игра сразу на двух уровнях: графическом (выделение шрифтом) и фонетическом (использование аллитерации - повторение одинаковых или однородных согласных, придающее особую звуковую выразительность). Основа аллитерации - ее благозвучие и соответствие звукового состава смыслу сообщения. Это достигается с помощью использования слов, в которых преобладают звуки с семантикой, сходной с общим смыслом рекламного сообщения. Как видно из примера, консонанс звука [p], наблюдаемый в рекламном тексте, служит не только ярким выразительным средством, подчеркивающим семантическую значимость выделенных слов, но и выдвигает на первый план наиболее важную для адресата информацию. В памяти адресата должна «отпечататься» информация о том, что новая коллекция дизайнера Р. Тиши от «Burberry» сногшибательная, страстная, смелая и дерзкая. И главное – она скоро будет доступна для приобретения. Использование ассоциативных свойств звуковой формы слова помогает адресанту создать определенный образ рекламируемого продукта. Повторение звонкого, рычащего [p] придает экспрессивный характер высказыванию, а также, ассоциируется со стремительным, решительным наступлением новых тенденций в мире моды, которые без сомнения покорят всех модниц страны.

Таким образом, с помощью удачного звукового решения можно передать не только общую идею, но и дать подсознательную ориентировку на товарную категорию, способ и ситуацию использования товара. Следует также отметить, что примеры фонетической языковой игры встречаются в рекламе нечасто, но они являются выразительными и позволяют тонко обыгрывать дополнительные оттенки рекламируемого товара.

В ЧЕМ СИЛА БРА. Предполагается, что коллекцию Very Sexy итальянского бренда Incanto носит надо в интимной обстановке [там же: 90]. Данный пример, опять же является комплексным, включает игру на графическом и лексическом уровнях. Обыгрывается полисемия слова «бра» как 1) художественно исполненный светильник, прикреплённый к стене, 2) деталь женского нижнего белья. Кроме того, каждый русскоязычный реципиент

помнит фразу главного героя из к/ф «Брат 2» (реж. С. Бодров мл.): «В чем сила, брат?», авторитет героя переходит на фразу из заголовка статьи и наделяет предмет женского нижнего белья определенной загадочной силой.

ВСЕМ РЕБЯТАМ ПРИМЕР. 50-летие часов *El Primero Zenith* отмечает выпуском лимитированной *El Primero A386 Revival*. [там же: 72]. Следующий пример так же представляет собой комбинацию взаимодействия трех уровней языка: графическом, фонетическом и лексическом. Конечно же, на ум приходит лозунг пионерской организации

СССР: «Пионер — всем ребятам пример». В приведенном примере встречается повторение звука [p], здесь мы также сталкиваемся с ритмической аллитерацией, которая часто используется при создании слоганов и торговых марок, способствуя их узнаваемости и запоминаемости. Слово «пример», имеющее в русском языке значение «образец для подражания, а также вообще выдающийся образец чего-либо», на испанском означает «первый, передовой, главный, основной». Данная лексема в обоих языках передает имплицитное значение неповторимости, избранности, редкости и даже исключительности.

КРОВЬ & ЛЮБОВЬ. Новая коллекция ювелирного дома Van Clef & Arpels Romeo & Juliet основана на Шекспировской пьесе [там же: 85]. В данном примере представлены: на графическом уровне - включение семиотически разнородных элементов, на фонетическом - повторение конечных звуков, что характеризует эпифору. Упоминание трагедии У. Шекспира ассоциируется как с междоусобными распрями и кровопролитием, так и с чудесным, бескорыстным, высоким чувством. По замыслу автора рекламной статьи эмоциональный фон, возникающий при упоминании великой трагедии, должен распространиться на продукцию ювелирного дома Van Clef & Arpels.

БРАВИССИМО МЕУ. Самый легкий в мире бюсгальтер-спейсер. Meu BraVissima [там же: 103]. На графическом уровне капитализация букв, передающих согласные звуки, визуально делит слово на слоги, ударяя каждый и делая слово более выразительным и запоминающимся. Выделение первой части слова (*Bra*) направлено на восприятие слова «бра» в значении «бюсгальтер» как наиболее активный компонент, формирующий оригинальный смысл всего слогана. На лексическом уровне обыгрывается значение слова «брависсимо» на итальянском языке - «восклицание, выражающее высшую степень одобрения, восхищения». Такая эмоциональная оценка автоматически переходит на продукцию, выпускаемую под данным брендом.

Таким образом, языковая игра в тексте журнала для женщин представлена в большей степени на лексическом, графическом и фонетическом уровнях. Представленная на лексическом уровне, она является самой подвижной частью языка рекламы. Она прямо или косвенно отражает действительность, реагирует на изменения в общественной, материальной и культурной жизни народа, постоянно пополняется новыми словами для обозначения новых предметов, явлений, процессов.

Графика, в свою очередь, является одним из самых эффективных средств, при помощи которого создается языковая игра в рекламе. Представляя собой значительный набор знаковый форм, графостилистические приемы окрашивают текст и функционально, и

эмоционально. Помимо этого, с помощью различных выразительных и изобразительных средств графики можно управлять читательским восприятием и прогнозировать, если не сказать больше – программировать, должную трактовку рекламного текста.

Морфологический уровень характеризуется использованием особых морфем для создания усеченных разговорных форм слов и высказываний. Языковая игра на морфологическом уровне встречается достаточно редко и является одной из самых сложных и тонких видов языковой игры в языке рекламы. Как видно, ни одного случая языковой игры на словообразовательном уровне в нашей сплошной выборке не встретилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – С. 172-214.
2. Cosmopolitan Украина сентябрь 2019.
3. ELLE №10 октябрь 2019

© Моисеева А.В., 2019 г.

УДК 811.111

К.А. Мячин (*ст. преп. СКГУ им. М. Козыбаева,
г. Петропавловск, Казахстан,
асп. ОМГУ им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*)

ОБОБЩАЮЩИЙ АНАЛИЗ ЛИНГВОСЕМАНТИЧЕСКИХ И СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК АВТОРСКОГО ТЕКСТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЬЕТ ТАН НГУЕНА «THE SYMPATHIZER» И «NOTHING EVER DIES»)

В статье рассматриваются различные лингвистические характеристики художественного и публицистического произведений одного автора. В лаконичной и схематичной форме представлены особенности текстовой организации, а также, концептуальное содержание двух произведений, формирующее новые смыслы, на основе доминантного авторского концепта «тетому». Статья носит обобщающий характер и призвана систематизировать знания на данном этапе лингвистического исследования.

Ключевые слова: художественное произведение, публицистическое произведение, макро-текст, концепт «тетому», концепт «children», паритивы, авторское сознание, смысл.

The article discusses various linguistic characteristics of artistic and publicistic texts by one author. In a concise and schematic form, it presents principal features of textual organization, as well as conceptual content of two works. It describes dominant author's concept "memory", which actively takes part in the production of the new meaning. The article is of a summarizing nature, and is intended to systematize the knowledge at this stage of linguistic research.

Key words: *artistic text, publicistic text, macro-text, the concept "memory", the concept "children", partitives, author's consciousness, meaning.*

Целью данной статьи является обобщение и структурирование полученных ранее лингвистических данных на основе анализа текстов художественного и публицистического произведений. В центре нашего внимания находятся два произведения Вьет Тан Нгуена [Viet Thanh Nguyen]: художественное произведение «The Sympathizer» [Nguyen, 2015] и публицистическое «Nothing ever dies» [Nguyen, 2016]. Нас интересуют особенности структуры текстов, их содержания (на уровне слова, высказывания, микротекста, текста, макро-текста), мотивированности создания (включая описание авторского личностного смысла, лежащего в основе создания произведения), способов передачи смысла от автора к реципиенту через многомерный и многоуровневый текст.

В задачи статьи входит фиксирование уже описанных нами ранее лингвистических данных; обобщение и анализ сделанных выводов; определение перспектив дальнейшего хода исследования; выдвижение новых идей и гипотез, развитие и верификация которых должны придать новый импульс нашему исследованию.

Материалом для данной статьи послужат как уже опубликованные нами работы, так и те, которые уже выполнены нами, но еще не изданы. Поскольку материалом служат собственные работы, то вопрос оригинальности текста и отсутствия плагиата в работе предстает под особым углом. С одной стороны, недобросовестное заимствование полностью исключено лишь только потому, что на страницах данной статьи мы будем, практически исключительно, анализировать и пересказывать содержание собственных работ. С другой стороны, две большие статьи, подготовленные нами, еще не опубликованы, и широкое использование текстового содержания этих статей, ожидающих выхода в очередном номере, могло нарушить положения заключенного договора и авторской этики, что является неприемлемым для нас.

Однако, ход нашего исследования на данном этапе и возникающие задачи, которые необходимо решать в текущий временной период, приводят к необходимости переосмысления написанного ранее, как из

опубликованных материалов, так и из тех статей, которые находятся в редакциях и ожидают своего выхода.

В качестве возможного выхода из описанной выше этической дилеммы мы считаем возможным освещать данные из еще неопубликованного в компактной, краткой, тезисной форме, прибегая к тщательному перефразированию собственных работ, и таким образом, соблюдая договорные обязательства, писательскую и публикационную этику.

Задачи, которые стоят перед нами, определяют содержание статьи, которое, в свою очередь, влияет на формат изложения. Обобщающий характер этой статьи не предполагает описание самого хода анализа, который, при желании, можно найти по приведенным ссылкам или дожидаться выхода статей.

Выводы, представленные далее по тексту, будут располагаться в той хронологии, в которой они были получены: от самых ранних работ до самых свежих выводов.

Первичный анализ произведения Вьет Тан Нгуена [Viet Thanh Nguyen, "The Sympathizer"] «Сочувствующий» показал следующее:

- в тексте выделяется авторский доминантный смысл «всеобщая вечная память»;

- доминантный смысл актуализируется в концептах «память», «любовь», «война», «враги», «родина-дом»;

- главный герой произведения является аналогом автора произведения;

- подобно главному герою, авторское сознание сочетает в себе признаки мышления характерные для Западной и Восточной культуры;

- «двойственность» повествователя характеризует «двойственность», присущую авторскому сознанию;

- авторское сознание наделяет главного героя своими фундаментальными личностными смыслами [Мячин 2017: 209-216].

В дальнейшем наше внимание привлекли приемы построения нарратива, которые использует автор. Одним из наиболее характерных для художественного стиля Вьет Тан Нгуена является частотное применение партитивов и приема фокусирования и расфокусирования внимания читателя (zoom in / zoom out) в составе повествования. В статье, посвященной лингвистическому анализу и описанию этих приемов, были сделаны следующие выводы:

- Вьет Тан Нгуен использует лексемы семантического поля «части тела человека» и партитивы как необходимость более внимательного и детального антропоцентрического изучения человека в различных ипостасях;

– принцип делимости, который заложен в слове «часть» и в партитивах, коррелирует с сюжетной линией и выбранным местом реализации дейксиса;

– партиитивность проявляется в физическом воплощении произведения и оформлении издания (лицо незнакомца на обложке, «рванные» края страниц в твердом переплете «The Sympathizer», как будто не сшитые вместе);

– лексемы семантического поля «части тела человека» и партитивы функционируют в тексте произведения по принципу «линзы», в качестве реализации приема фокусирования и расфокусирования внимания читателя (zoom in / zoom out effect);

– партиитивность позволяет автору быть гибким в организации повествования, сужать и расширять угол зрения читателя, а также применять компрессию и декомпрессию в нарративе [Мячин 2017: 50-55].

Далее наше внимание привлекло исследование вербальных реализаций концепта «children», по всей видимости, наделенного особым личностно-значимым смыслом для автора, и его взаимосвязь с доминантным авторским концептом «memoir». С точки зрения реализации концепта “children” анализируемый текст имеет следующие характеристики:

– взаимосвязь содержания произведения, сюжета, поля реализации дейксиса и лексическо-семантического наполнения текста произведения;

– личностная значимость смысла, заключенного в существительном множественного числа “children” для автора;

– эмотивность и образность в экспликации авторского концепта «children»;

– использование автором вербальных средств выражения концепта «children» с целью создания художественно-эстетического контраста в повествовании;

– связность, подвижность и пересекающийся характер представленности значимых концептов и авторских смыслов в тексте [Мячин 2018: 75-82].

Следующая работа была посвящена методологии нашего исследования и описанию приемов выявления способов актуализации и вербальной представленности в тексте концептов и смыслов, актуальных для автора.

Результатом проведенного нами концептуального анализа произведения Вьет Тан Нгуена “The Sympathizer” стало следующее:

– в тексте выделено 24 единицы актуализации авторского субъективного смысла, образованных на основе компонентов концептов, частотно представленных в тексте;

– локализовано и зафиксировано 483 случая актуализации 24 единиц авторского субъективного смысла;

– приведены примеры 483 случаев актуализации 24 единиц авторского субъективного смысла на языке произведения и представлены собственные варианты их перевода на русский язык;

– вычислено процентное соотношение представленности каждой из 24 единиц актуализации авторского субъективного смысла в тексте;

– выделено 11 единиц актуализации авторского субъективного смысла на основе компонентов концептов, получивших наибольшее распространение в тексте и, следовательно, наиболее высокий процент их представленности.

Этими единицами стали: *“I-My”* (18,21%), *“Parts of the body”* (10,55%), *“American”* (9,73%), *“Memory”* (7,24%), *“Vietnam-Motherland”* (6,41%), *“Russian”* (5,59%), *“Children”* (5,38%), *“Life and death”* (4,34%), *“Film”* (4,34%), *“Confession”* (3,72%), *“Son Do-Sonny”* (3,72%).

В работе «Методология исследования способов актуализации авторских концептов в произведении Вьет Тан Нгуена *«The Sympathizer»*» мы отмечали, что: проведенный нами концептуальный анализ произведения Вьет Тан Нгуена *“The Sympathizer”* и его результаты позволили дополнительно верифицировать значимость, смысловую наполненность и актуальность анализируемых концептов [Мячин 2018: 92-97].

В следующей статье мы описали лингвистическое эмпирическое исследование, которое проводилось в форме опроса в открытой форме с 48 респондентами. Эксперимент проводился на материале микротекста, выделенного из общего корпуса текста произведения Вьет Тан Нгуена *«The Sympathizer»*.

Проверка экспериментальным способом потенциала воздействия микротекста на респондентов снабдила нас объективной статистической информацией по следующим пунктам:

– определение статуса базового слова-опоры «memoгу» в мотивирующей фразе и в середине ритмической группы микротекста;

– выявление потенциала погружения читателя в собственные воспоминания после прочтения микротекста.

В рамках эксперимента мы использовали такие приемы как «дополнение элемента к данной текстовой форме» и «опущение элемента из данной текстовой формы».

По итогам проведенного эксперимента можно констатировать следующие результаты.

1) Шестнадцать респондентов, отвечавших на вопросы бланка «А», показали, что:

– среди шестнадцати первых ключевых слов, указанных респондентами, десять ответов пришлось на слово «Memory», два – «Love», одно – «Saigon», одно – «War», а также «Forget» и «Life»;

– среди прочих вариантов респондентами были указаны такие ключевые слова как «moments», «childhood», «smells», «tastes», «home», «nature», «feelings», «happiness» и другие зафиксированные нами слова.

2) Шестнадцать респондентов, отвечавших на вопросы бланка «В», показали следующие результаты:

– среди шестнадцати первых ключевых слов, указанных респондентами, четыре ответа пришлось на слово «Memory», три – «Forget», одно – «Chaos», одно – «Childhood», а также «Bang-bang» и «Pistol»;

– среди прочих вариантов были выделены такие ключевые слова, как «war», «love», «sensation», «home», «feelings», «orphans», «dead bodies» и другие ключевые слова, зафиксированные нами.

3) Шестнадцать респондентов, отвечавших на вопросы бланка «С», показали следующие результаты:

– среди шестнадцати первых ключевых слов, указанных респондентами, один ответ пришёлся на слово «Memory» (включая производные от «Remembrance»), четыре – «Love», три – «Sound», два – «Forget», а также «Bang-bang» и «Emotions»;

– среди прочих вариантов были выделены такие ключевые слова как «moments», «feelings», «birds», «the sea», «tropical fruits», «orphans», «the men who had died» и другие зафиксированные нами ответы респондентов [Мячин 2019: 44-52].

Проанализировав полученные результаты, мы обнаружили тенденцию перемещения фокусного ключевого слова-опоры «memory» и, следовательно, смысла и понятия, которое оно выражает, от наиболее вероятного к менее вероятному.

Приоритетность, знаковой формы «memory», смещалась от значения 10 в бланке «А» к значению 4 в бланке «В» и далее 1 в бланке «С». Таким образом, применение приема добавления элемента к текстовой форме и опущение элемента из текстовой формы привело к перемещению смыслового слова-опоры и изменению фокуса в восприятии читателя.

Оригинальный текст демонстрировал цельное направленное понятийно-смысловое и эмоционально-эстетическое воздействие на читателя. При этом в измененных нами текстах, исследуемый смысл не утрачивался полностью, а несколько размывался и смещался на несколько позиций в вербальных откликах респондентов [Мячин 2019: 44-52].

По итогам проведенного анализа микротекста были сделаны следующие выводы:

– автор применяет приемы, фокусирующие внимание читателя на чувственно-ассоциативных образах, связанных с пятью органами чувств человека;

– автор использует фокусирование направленных номинативных фраз для передачи личностно-значимого смысла в границах концепта «memoгу» и в концептуальном поле «Love–Life–War–Memory–Sensation»;

– микротекст характеризует пролонгированное цепочечное ритмическое чередование номинативов, актуализирующих смыслы, связанные с чувственно-эмоциональным восприятием объективной реальности;

– для содержания микротекста характерен активный статус базового слова-опоры «memoгу» в мотивирующей фразе и в середине ритмической группы микротекста;

– микротекст имеет потенциал глубокого погружения читателя в собственные воспоминания, вызванный ритмическим чередованием номинативов и содержанием лексики, выражающей чувственно-эмоциональное восприятие окружающей действительности [Мячин 2019: 44-52].

Проведенный нами анализ текста публицистического произведения Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies», в котором мы применили метод статистической обработки языковых данных и прием сплошной выборки, а также метод синтаксического разложения предложений с последующим декодированием содержания высказываний, позволил нам сделать следующие выводы:

– текст демонстрирует высокую концентрацию слов интернационализмов, принадлежащих к социально-политическому слою лексикона, что очерчивает его условные тематические границы, а также свидетельствует об универсальном и «глобалистском» отношении автора к сообщаемому в тексте, что является проявлением особого авторского способа передачи смыслов в тексте и, в целом, свидетельствует о его отношении к написанному произведению, как к «глобальному» и «универсальному» тексту;

– существительные-интернационализмы, такие как, «*an obelisk – a monument – a sculpture*» / «*obelisk – монумент – скульптура*», не являются культурно специфичными, поскольку авторский замысел в применении интернационализмов заключается в том, чтобы сформировать усредненное образное представление в сознании читателя; эта особенность текста способствует созданию универсально применимого и «глобального» текста, в составе которого будут присутствовать словесные знаки, легко декодируемые реципиентом, через свою узнаваемую графическую форму;

– мотивация применения автором интернационализма греческого происхождения «*archipelago*» – «*архипелаг*» состоит в том, чтобы

использовать одновременно два значения слова как прямое, так и переносное, создавая при этом новое значение, базирующееся на компонентах прямого и переносного;

- «глобализм» повествователя проявляется в широте тем, попадающих в фокус внимания писателя, таких как, например, «память»; «справедливость», «мир», «война», «свобода», «прощение», «примирение», «власть», «человечество» и другие;

- словосочетания по типу «*screen memories*» – «экран воспоминаний» или «*weaponized memory*» – «военизированная память» выступают как части макро-концепта «memory», что подтверждает доминантный, сложносоставной статус последнего;

- в тексте вариативно представлена типичная для Вьет Тан Нгуена двойственность повествования;

- в публицистическом тексте, аналогично художественному, автор использует паритивы в составе повествования, что свидетельствует о кросс-жанровости двух работ, «The Sympathizer» и «Nothing ever dies», а также свидетельствует об определенном авторском стиле повествования.

Смысловая доминанта «memory», обнаруженная нами в тексте “The Sympathizer”, остается таковой и в публицистике “Nothing ever dies”. Проведенный анализ подтвердил сохраняющуюся актуальность доминантного концепта в творчестве Вьет Тан Нгуена «memory», значимого концепта «power», а также, позволил нам описать назначение концептов-регулятивов, таких как «ethics» и «dual».

Кросс-жанровый сравнительный анализ позволил нам сделать следующие выводы:

- тексты произведений одного автора “The Sympathizer” и “Nothing ever dies” демонстрируют идентичность основных концептуально-значимых смыслов, актуальных для автора и сообщаемых адресату, через сложноорганизованный и многоуровневый текст;

- *авторское сознание* [Бутакова 2001] выступает в качестве смыслового ядра, продуцирующего смыслы, выраженные в понятийно-концептуальном содержании, через художественный или философско-публицистический нарратив;

- значимые концепты, найденные в одном произведении, однородны набору концептов в другом произведении, что свидетельствует о существовании единого смыслового центра, продуцирующего макро-текст;

- комплексный анализ двух текстов позволил нам выделить функциональные концепты-регулятивы «ethics» и «dual», реализуемые в речи в связках с другими концептами, демонстрирующими большую субстанциональность, но меньшую функциональность, такими как «memory» и «power»;

– двойственность концепта «memoгу», предположительно, не является собственным атрибутом этого концепта, а реализуется при участии концепта-регулятива «dual»; что является справедливым и для других субстанциональных концептов, характеризующих авторское сознание, таких как, например, «power»;

– концепт-регулятив «ethics» является операционным концептом, который активен в связке другими значимыми авторскими концептами, такими как «war», «peace», «justice», «power» и другими;

– текстовое содержание произведений является кросс-жанровым; оно содержит художественно-дескриптивные отрывки в “Nothing ever dies” и фактически-информационно точные части в “The Sympathizer”;

– *авторское сознание* [Бутакова 2001], выступающее в качестве смыслового ядра, и характеризующая тексты кросс-жанровость двух произведений, может свидетельствовать о совместимости и взаимодополняемости двух произведений с потенциалом продуцирования новых смыслов в сознании читателя.

Таблица 1. Модель авторского сознания, выступающего в качестве смыслового ядра, продуцирующего смыслы, выраженные в понятийно-концептуальном содержании.

Концепт/Смысл	Действие	Особенности текста	Прием
«память», «любовь», «война», «враги», «родина-дом» / «всеобщая вечная память»	Авторское сознание → фундаментальные личностные смыслы → главный герой → сюжет → содержание → смысл → читатель	Главный герой – аналог автора	Целостное художественное повествование
«children» / «children»	Авторское сознание → концепт → личностная значимость для автора → текст → смысл → читатель	Эмотивность и образность в выражениях, эксплицирующих концепт «children»	Эмотивность и образность в художественном повествовании

«I-My» (18,21%), «Parts of the body» (10,55%) / «I – People»	Авторское сознание → антропоцентризм → партитивы	Частотная представленность партитивов	Партитивы → «линза» → фокусирование / расфокусирование внимания читателя
«American» (9,73%), «Memory» (7,24%), «Vietnam-Motherland» (6,41%), «Russian» (5,59%), «Children» (5,38%), «Life and death» (4,34%) / «memory», «life», «motherland», «dual», «children»	«Двойственность» авторского сознания → антропоцентризм → партитивы → «двойственность» повествователя	Широта охвата тем в художественном и публицистическом произведениях Акцентирование смысла – <i>единство и борьба противоположностей</i>	Цельное направленное понятийно-смысловое и эмоциональное эстетическое воздействие на читателя
«memory» / «memory»	Особая личностная значимость для автора → доминантный смысл → текст	Базовое слово-опора «memory»	Фокусирование направленных номинативных фраз, актуализирующих доминантный авторский смысл
Концептуальное поле «love–life–war–	Личностная значимость для автора	Выражение в тексте чувственно-эмоционального	Пролонгированное цепочечное

memory– sensation» / « <i>memory</i> », « <i>life</i> », « <i>eternity</i> »		восприятия окружающей действительности → микротекст → лексика, выражающая чувственно- эмоциональное восприятие окружающей действительности	ритмическо е чередовани е номинативно в → пять органов чувств → фокусирова ние → ассоциатив ный образ → погружение читателя в собственны е воспомина ния
Макро-концепт « <i>memory</i> / <i>создание</i> <i>нового смысла</i> <i>при</i> <i>одновременном</i> <i>использовании</i> <i>прямого и</i> <i>переносного</i> <i>значения слов</i>	«Глобалистско е» отношение автора к сообщаемому	Широкое применение интернационализм ов → универсально применимый, «глобальный» текст	Авторский способ передачи смыслов → узнаваемая графическа я форма → легкость декодирова ния → глобальная аудитория
Концепты- регулятивы «ethics», « <i>dual</i> » / <i>смысловая</i> <i>доминанта</i> « <i>memory</i> »	Двойственност ь повествователя , идентичность основных концептуально -значимых смыслов, вариативная	Сложно- организованный, многоуровневый текст	Кросс- жанровость

	представленно сть		
Концепты-регулятивы «ethics», «dual» + субстанциональные концепты «memory», «power», «justice», «war», «peace» / создание нового смысла на основе субстанционального макроконцепта «memory» и функциональностей концептов-регулятивов «ethics», «dual»	Комбинаторика функциональных и субстанциональных концептов при создании уникального смысла	Однородность набора концептов в разно-жанровых произведениях Сочетание образно-метафорического и объективно-фактического в повествовании	Художественно-дескриптивные отрывки в публицистическом произведении и фактически-информационно точные части в художественном произведении

В сводной обобщающей таблице выше представлены базовые характеристики, определяющие концептуально-смысловое содержание авторского сознания Вьет Тан Нгуена [Viet Thanh Nguyen]. Данные, представленные в таблице, являются результатом работы, проведенной в рамках нашего исследования, и кратко представляют содержание семи статей, опубликованных нами. Очерчивая границы и основное содержание авторского сознания, мы завершаем этап нашего исследования, которое будет продолжаться на основе этих выводов.

В перспективе планируется изучить творчество других лауреатов Пулитцеровской премии, получивших свою награду в период 2017-2019 гг. Построение схем авторского сознания иных лауреатов этой престижной премии позволит очертить критерии отбора победителей (официально эти критерии не публикуются), особенности функционирования современного английского языка (грамматика, синтаксис, словарный состав, приемы построения дескриптивно-образного текста, приемы управления вниманием читателя) на страницах художественной литературы наших дней, а также изучить общие тенденции развития современной американской литературы, предпочтения читателей и литературных критиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект, автореферат диссертации доктора филологических наук, Омск, 2001
2. Мячин К.А. Репрезентация авторских смыслов через создание художественной картины мира в произведении Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer», Теория и практика языковой коммуникации: материалы IX Международной научно-методической конференции, Уфа: РИК УГАТУ, 2017 – 316 с.
3. Мячин К.А. Роль лексем поля «части тела» и партитивов в передаче авторского смысла в произведении Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer», Научно-практический журнал «Аспирант» № 11/2017, ООО «Приоритет», г. Ростов-на-Дону – 70 с.
4. Мячин К.А. Концепт Children в реализации авторской интенции в произведении Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer», Язык. Культура. Личность. Выпуск 4: материалы международной научной конференции студентов и аспирантов. Самара: СГСПУ, 2018 – 276 с.
5. Мячин К.А. Методология исследования способов актуализации авторских концептов в произведении Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer», Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике / Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, АлтГПУ, 2018. – 366 с.
6. Viet Thanh Nguyen. Nothing Ever Dies. Vietnam and the Memory of War. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2016. 374 p.
7. Viet Thanh Nguyen. The Sympathizer. Grove Press. New York. 2015, 370 p.

© Мячин К.А., 2019 г.

УДК 81'23

Н.П. Пешкова (д.ф.н., проф. БашГУ, г. Уфа),

ВТОРИЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ТЕКСТА И ПРИЗНАК ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы вторичности как свойства, присущего тексту любого типа, и, одновременно, признака гипертекстуальности. Автор обращается к современной теории гипертекста, в соответствии с которой любой текст представляет собой разновидность гипертекста, смыслы которого могут быть раскрыты только через соотнесенность с другими текстами и социокультурной реальностью в целом.

Ключевые слова: вторичность, вторичный текст, гипертекст, восприятие, информационная избыточность

The article considers the questions of secondary property as a characteristic of any text-type and at the same time as indication of hypertextuality. The author addresses modern theories of hypertext in accordance with which any text is a kind of a hypertext whose senses could be perceived only by the correlation with other texts and socio-cultural reality as a whole.

Key words: secondary property, secondary text, hypertext, perception, information abundance

Адресат информации в форме разнообразных текстов в современном мире неизбежно сталкивается с постоянным увеличением ее объема и, как результат, с ситуацией ее повторяемости и избыточности. Одним из последствий подобной информационной ситуации является тот факт, что полное и целостное понимание текста, функционирующего в той или иной области деятельности человека, становится возможным лишь в связи с другими текстами в общем дискурсивном поле.

По мнению многих исследователей, особое значение в таких условиях приобретает свойство вторичности, присущее любому тексту как неотъемлемой и главной составляющей дискурса в его современном толковании. Нельзя не вспомнить утверждение М.В. Вербицкой о необходимости разработки «более универсального (феноменологического) определения вторичного текста, которое бы соответствовало современным представлениям о тексте и интертекстуальности» [Вербицкая 2000: 7].

Следует упомянуть о долгой и богатой истории оппозиции первичность-вторичность. Первичность и вторичность как универсальные философские категории традиционно связывают с качеством объектов, явлений и т.п. Как известно, эти термины пришли к нам из 17-го века и ввел их Р. Бойль, который был не только богословом и философом, но также занимался физическими и химическими исследованиями.

Широкую известность понятие первичности-вторичности получило благодаря работам Дж. Локка, представителя английской философии эмпиризма. Дифференциация первичных и вторичных качеств объекта/предмета была связана с разграничением его свойств. Если одни из них рассматривались как объективные, присущие самому предмету, то другие – как субъективные, возникающие при восприятии данного предмета. К первичным качествам относили такие свойства предмета, как протяженность, величина, плотность и др., к вторичным – цвет, запах, вкус и т.п. Согласно учению Дж. Локка, вторичные качества возникают под

воздействием первичных на органы чувств, следовательно, они субъективны.

На протяжении нескольких веков взгляды на первичность и вторичность как качества, присущие различным объектам, претерпели изменения, не говоря о том, что в разных областях науки и практической деятельности человека эти качества получили различные толкования. Что касается текста научного, его было принято считать первичным, если он содержал научные знания в развитии, описывал процесс получения новых знаний и новые результаты исследовательской деятельности. В качестве классических примеров первичных текстов приводились отчеты о путешествиях, географических открытиях или открытиях, сделанных в области той или иной науки.

При таком понимании первичности в качестве вторичного можно рассматривать текст, содержащий «знания в статике», конструируемые как результат аналитико-синтетической переработки первичных текстов.

Тем не менее, и в первичных текстах вряд ли их авторы могут полностью избежать не только ссылок на предшествующий опыт в области практики или теории, но и необходимости анализа этого опыта.

Обращение к написанным ранее текстам и к известным знаниям в научном тексте необходимо для того, чтобы избежать повторения чьих-то открытий и приписывания новизны вчерашней научной парадигме. Однако и в художественном произведении вторичность заключается в том, что автор пользуется «готовым набором мотивов и сюжетов, а первичность (оригинальность) проявляется в том, как он эти готовые мотивы и сюжеты развивает, как он их комбинирует» [Веселовский 1988: 47].

Однако мы бы поспорили с мнением относительно значимости вторичности, связанной только с тем, что к ней обращаются целью «не повторить уже сказанное». И все вторичные тексты «фактически являются прошлым-в-настоящем: уже в момент своего написания они безнадежно устаревают для решения сегодняшних задач и обеспечивают лишь репродукцию прошлой парадигмы» [Касавин 1998: 341].

Как справедливо полагают многие исследователи данной проблемы, вторичность, или «культурная опосредованность», является «одним из главных принципов текстопорождения» [Нестерова 2005: 94].

Существует мнение о том, что нужно «говорить не о генезисе, возникновении текстов из чего-то нетекстового, а исключительно и только о переработке одних текстов в другие» [Тодоров 1975: 98].

Хотя нам более близка точка зрения, согласно которой язык, прежде всего, представляет собой перевод невербального мира в вербальные знаки, и каждый знак языка есть перевод другого или других знаков. В связи с этим уникальность или оригинальность текста представляется

условной, и любой текст, каким бы уникальным он не был, является переводом других текстов [Bassnett 2002: 44].

Все это дает нам основание считать разграничение первичности и вторичности в отношении текста также условным, а свойство вторичности – универсальным свойством, присущим всем текстам без исключения. Такой подход к вторичности текста приводит нас к еще одной проблеме современного информационного пространства, а именно, к вопросу гипертекстуальности.

Р. Барт, возвестивший еще в прошлом веке о «смерти автора» и охарактеризовавший его как «вечного переписчика», тем не менее, отмечал, что каждый текст представляет собой «новую ткань», хотя и «сотканную из старых текстов, старых цитат» [Барт 1994: 424]. Взгляд на текст из века прошлого как на «новую ткань», соединившую в себе уже известные тексты, полную цитат и ссылок на предшествующий опыт, отчасти напоминает современный подход к гипертекстуальности, лежащий в основе новой теории гипертекста, разрабатываемой в настоящее время.

Сторонники теории гипертекста полагают, что в реальности гипертексты существовали задолго до того, как Теодор Нельсон ввел в обиход термины гипертекст и гиперсреда (1962), и называют в качестве примеров Библию, тексты энциклопедий и словарей.

Однако, если быть последовательным в таком понимании гипертекстуальности, мы приходим к убеждению о том, что любой текст, содержащий информацию, передающий знания, не только в профессиональной и научной коммуникации, но также в медийной и бытовой, представляет собой разновидность гипертекста, смыслы которого могут быть раскрыты полностью или частично только через соотнесенность с другими текстами из той дискурсивной области, которой он принадлежит, а, возможно, и с дополнительным привлечением текстов и дискурсов социокультурной реальности в целом.

Таким образом, мы разделяем позицию, сформированную в дискуссиях 1-го Круглого стола по проблемам гипертекста, проходившего в Москве феврале 2018 г. В соответствии с данным подходом, в новых условиях восприятия информации, исследованием которых мы занимались ранее [Пешкова 2018], любой текст в современном информационном пространстве можно рассматривать в качестве гипертекста.

Что касается современного научного текста, он является достаточно типичным примером гипертекста во всех отношениях, сочетая в себе характеристики интертекстуальности и прецедентности, иными словами, вторичности в ее современном толковании. Такие тексты могут быть способом долговременного хранения и эффективного отбора необходимой информации в условиях ее избыточности.

Таким образом, мы приходим к выводу о значимости вторичности как свойства любого современного текста и признака гипертекстуальности, облегчающих адресату восприятие информации в форме текста в современных условиях. Именно это свойство является тем, что связывает каждый текст не только с конкретной областью профессиональной или научной деятельности в современном социуме, но и с общей социокультурной средой, понимание особенностей которой необходимо для адекватной и интерпретации информации в новых условиях ее восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 616 с.
2. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов на материале современного английского языка. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 220 с.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 648 с.
4. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб.: РХГИ, 1998. – 408 с.
5. Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм: монография. – Пермь: ПГТУ, 2005. – 203 с.
6. Пешкова Н.П. О некоторых особенностях восприятия информации в форме текста в новых условиях (из опыта экспериментальных исследований) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика», 2018, №5. – С. 54-62.
7. Тодоров Ц. Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – 473с.
8. Bassnett S. Translation Studies. – London: Routledge, 2002. – 192 p.

© Пешкова Н.П., 2019 г.

УДК 81'1

**Е.В. Пожидаева (к.ф.н., доц. Гос. ИРЯ
им. А.С. Пушкина, г. Москва),**

**А.А. Ремарк (магистрант Гос. ИРЯ
им. А.С. Пушкина, г. Москва)**

К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОПОНИМАНИИ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛОВ В ИНОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Чтение иноязычного, инокультурного художественного текста можно назвать актом межкультурной коммуникации. На примере стихотворения У. Тодда Канеко в статье рассматривается интерпретация, восприятие некоторых символов-универсалий и значение подобных символов для проблемы межкультурного взаимопонимания.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, межкультурное взаимопонимание, лингвокультурная идентичность, символ, интерпретация, художественный текст, поэтический текст.*

Reading of a foreign belles-lettres text may be perceived as an intercultural communication act. Using the poem of W. Todd Kaneko as an example, the article deals with the interpretation, perception of some universal symbols and the significance of such symbols for the problem of intercultural mutual comprehension.

Key words: *intercultural communication, intercultural mutual comprehension, linguo-cultural identity, symbol, interpretation, belles-lettres text, poetic text.*

Межкультурная коммуникация – сложный, многомерный процесс, который представляет особый научный интерес, поскольку некоторые его аспекты являются весьма неоднозначными. Так, например, существенную роль в коммуникации играет индивидуальное восприятие мира отдельным человеком, его собственные смыслы, которые он порождает и воспринимает во время общения. При соприкосновении двух разных культур, когда мы говорим о «народном духе» [Гумбольдт 1985: 349], то есть некоторого рода коллективном сознании, находящем свое отражение в языке, мы сталкиваемся с проблемами различий в картинах мира, национально-культурной специфики языков и расхождения культурно-языковых кодов. Рассмотрение проблемы в данном ключе особенно применимо к области интерпретации иноязычного художественного текста: читателю необходимо понимание написанного автором, его замысла, и в большей степени оно зависит от уровня культурно-языковой компетенции, то есть от наличия обширных фоновых знаний, знания языка и его особенностей, отражающих культуру.

Межкультурная коммуникация в самом общем виде определяется как непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных лингвокультур [Леонтович 2003: 3]. Из данного определения следует, что чтение художественной литературы на иностранном языке можно рассматривать как акт межкультурной коммуникации, опосредованный оригинальным текстом, где эффективность общения прямо пропорциональна уровню взаимопонимания между коммуникантами. Под взаимопониманием в данном случае мы имеем в виду совпадение объемов информации, зашифрованной в сообщении адресантом и верно расшифрованной адресатом [Леонтович 2003: 72], а в контексте межкультурного взаимопонимания мы говорим скорее о процессе передачи смыслов от

одного коллективного сознания к другому, от одной лингвокультурной идентичности – единства коллективного и индивидуального, – другой.

Следует сказать, что К.Рассел, Л.Витгенштейн и другие исследователи лингвофилософских проблем отмечают ряд слабостей естественного языка, которые не всегда позволяют ему быть адекватным носителем смысла: многозначность слов и выражений, нечеткую логическую структуру фраз, молчаливые соглашения и психологические ассоциации [Леонтович 2003: 72], которые обуславливают ряд проблем при взаимодействии как внутри одной, так и между двумя взаимодействующими культурами.

В этом аспекте наше внимание привлекает восприятие человеком символа, а в особенности – художественного символа. Одним из первых специфику символа в художественном тексте описал А.А.Потебня. В его работе «Мысль и язык» автор говорит о том, что в произведении есть образ – общее для всех, и его понимание – нечто индивидуальное, связанное с чувственным восприятием каждого человека в отдельности [Потебня 1993: 140]. В.И.Карасик определяет художественный символ как «условный знак в виде конкретного образа, порождающий множественную открытую систему ценностно насыщенных ассоциаций» [Карасик 2010: 52]. Из сказанного прежде следует, что эта «система ценностно насыщенных ассоциаций» у представителей разных культур может отличаться или вовсе не иметь точек соприкосновения. Исследуя подобную проблему, Ю.П. Тен пишет: «Сталкиваясь с иной культурой, индивид ищет ключи к дешифровке ее символической системы. Каким образом человек может понять символы другой культуры? Ответ кроется в уникальности самого феномена символа, способного передавать информацию, которая может быть «переведена» как в словесно-понятийную, так и в духовно-эмоциональную формы» [Тен 2006: 26]. При этом автор говорит о символе как о «древнейшем изобретении, призванном быть способом «вхождения» человека в мир культуры, некой чувственно-воспринимаемой форме для выражения духовно-идеального содержания» [там же]. Возможно ли вообще добиться взаимопонимания на уровне чувственного восприятия между представителями разных культур или, иными словами, насколько реальным является это «вхождение» в смысловую, концептуальную сферу чужой культуры? С одной стороны, здесь мы говорим о степени усвоенности иностранного языка – не только как системы знаков, но и как системы смыслов; с другой стороны, речь идёт о нашем уровне эмпатии – насколько полноценно мы сможем прочувствовать, со-пережить те или иные смыслы, принять их наравне с представителями данной культуры.

Мы полагаем, что на уровне эмпатии приблизиться к взаимопониманию возможно посредством эмпатической интерпретации символов, при условии, что две культурные системы ценностей

пересекаются. Подразумевается, что «идея, воплощенная в образе, находит прямой отклик в сознании адресата в силу сверхценности переживаемого кванта знания» [Карасик 2013: 292], и эта «сверхценность» должна быть универсальна для двух взаимодействующих лингвокультур. К ряду таких универсалий, к примеру, в поэтическом тексте можно отнести традиционное для христианской культуры противопоставление божественного и человеческого. При том, что «символическое прочтение знака принципиально бесконечно» [Карасик 2013: 93], мы можем выделить нечто общее в восприятии образов на уровне чувственной сферы. В качестве примера рассмотрим образы неба и земли и их символические интерпретации в верлибре под названием «Where the Sky Meets the Earth» («Там, где небо встречается с землёй») современного американского поэта Уильяма Тодда Канеко.

**«Where the Sky Meets the Earth»
by W. Todd Kaneko**

A man can't die where there is no
earth

because there will be no place
to bury him. His body is the sky
and understands the language of
birds.

His body says the earth is made of
everything
that has fallen from Heaven

while no one was looking. He
promises
to defy gravity and then return home.

A man can't reach for the sky and not
feel
he is falling. It goes on forever and
the birds
talk about the awesomeness of flight

while the oxen labor in the fields,
while the cows eat grass and dream

**«Там, где небо встречается с
землёй»**

(Перевод А.А.Ремарк)

Там, где нет земли, человек
умереть не может,

потому что праху его не найдётся
места. Его тело суть само небо,
и оно понимает язык птиц.

Его тело твердит, что земля
состоит из всего,
что упало с Небес,

когда все отвернулись. Он
обещает
дать отпор притяжению, а после –
домой.

Человек не способен до неба
достать, не заметив,
Что падает он. Это длится всю
вечность, а птицы
всё поют о трепетном полёте,

пока волы трудятся на полях,
пока коровы зелень щиплют, грезя

of slaughter. A man can't talk about
flight
because one day, there will be no
sky,
just the body covered in earth.

And now the sky is empty of birds.
And now the earth is covered in
flowers.

об убое. Человек не может петь о
полете,
потому что однажды неба не
станет,
останется лишь тело, укрытое
землей.

И вот теперь небо лишено птиц.
И вот теперь земля покрыта
цветами.

В данном стихотворении мы наблюдаем классическую антитезу земля/небо, причём для обозначения второго автор использует две английские лексемы – «heaven» и «sky». В словаре Merriam Webster они пересекаются в значении «the dwelling place of the Deity and the blessed dead; a spiritual state of everlasting communion with God» («место обитания Бога и благословенных душ; духовное состояние вечного единства с Богом»). Лексема «небо», которая дополняется автором лексемой «небеса» в «Толковом словаре Ожегова», имеет схожее значение: «обитель бога, богов». При этом анализ определений слова «heaven» показывает, что оно передаёт скорее абстрактные смыслы, символизирует нечто божественное (русское «небеса»), в то время как слово «sky» может быть использовано и для обозначения неба как природного объекта, для описания погоды (русское «небо»). Мы предполагаем, что обе лексемы в стихотворении употребляются в схожем смысле, однако «sky» автором представляется как нечто более достижимое, нечто более видимое и понятное, нежели «heaven».

Значение лексемы «earth» («земля») может быть определено как «the sphere of mortal life as distinguished from spheres of spirit life» («сфера земной жизни, отличная от сферы жизни духовной»). Именно это определение из словаря Merriam Webster является наиболее подходящим в данном контексте. Это противопоставление земного/неземного нам хорошо знакомо, и именно на нём автор строит своё стихотворение. Человек живёт на земле, и в ней в конечном итоге окажется его тело, но всё, что находится на земле (и тело его в том числе), пришло с Небес. То есть, человек уже наделён всем необходимым, в нём уже есть и земное, и небесное, и ему не стоит желать большего (A man can't reach for the sky and not feel / he is falling). Пытаясь познать Бога, раскрыть тайну, человек терпит неудачу, падает. Он уже подчинил себе других земных существ (while the oxen labor in the fields, / while the cows eat grass and dream / of slaughter), и теперь его внимание привлекает небо, но только птицы как символ свободы могут петь о полёте, и таков замысел, а удел человека всё-таки земля (A man can't

talk about flight / because one day, there will be no sky, / just the body covered in earth). Такова наша интерпретация данного стихотворения.

Образы земли и неба и скрытые за ними символы божественного и человеческого, души и тела являются христианскими универсалиями. Эмпатическая интерпретация образов верлибра помогает нам приблизиться к мировосприятию отдельного человека как представителя иной лингвокультуры на основе пересечения наших систем ценностей. Уровень достижения взаимопонимания субъектами межкультурной коммуникации зависит от множества факторов и прямо пропорционален степени совпадения объемов информации, зашифрованной адресантом в художественном тексте и верно расшифрованной адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон: Язык и философия культуры / Общ. ред. А. В. Гулыги и Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
2. Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки, 2006, № 2. – С. 25–28.
3. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.
4. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
5. Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пособие. – Волгоград: Перемена, 2003. – 399 с.
6. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: Синто, 1993. – 192 с.
7. Толковый словарь Ожегова // [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 2.11.2019).
8. Dictionary by Merriam Webster // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 2.11.2019).
9. Where the Sky Meets the Earth by W. Todd Kaneko // [Электронный ресурс]. URL: <https://poets.org/poem/where-sky-meets-earth> (дата обращения: 2.11.2019).

© Пожидаева Е.В., Ремарк А.А., 2019 г.

УДК 81'22

Г.Н. Салимова (ст. преп. СФ БашГУ, г. Стерлитамак)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАБУ В АСПЕКТЕ ЭТИКЕТА ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются коммуникативные табу в английской лингвокультуре в аспекте этикета поведения. На материале диалогов из британских художественных фильмов XXI века автором продемонстрировано, что общие нормы поведения наряду с выбором

речевых формул, тематики общения, уместного внешнего вида, играют важную роль в обеспечении эффективности коммуникации.

Ключевые слова: табу, коммуникативный этикет, этикет поведения, лингвокультура, коммуникант

The article deals with communicative taboos in English linguistic culture in the aspect of behavior etiquette. On the basis of dialogues from British films of the 21st century, the author demonstrates that general norms of behavior, along with the choice of speech formulas, topics of communication, proper appearance, play an important role in ensuring the effectiveness of communication.

Key Words: taboo, communication etiquette, behavior etiquette, linguistic culture, communicant

В самом общем смысле этикет поведения – это общепринятые правила поведения в обществе, регламентирующие поведение людей в различных ситуациях общения, включая как повседневное общение, так и профессиональную коммуникацию [Газизов 2009: 36; Стернин 1996: 4].

В концепции коммуникативного этикета Р. А. Газизова этикет поведения рассматривается наряду с вербальным и невербальным этикетом, а также этикетом внешнего вида и определяется как «социально предписанная форма этикетного поведения» [Газизов 2009: 36-38].

По мнению И. А. Стернина, этикет поведения представляет собой образцовое поведение людей в обществе [Стернин 1996: 4].

Согласно определению Т. В. Цивьян, этикет поведения составляют «ритуализованные» общественные правила поведения [Цивьян 1965: 144].

Очевидно, что правила этикета поведения содержат требования как рекомендательного, так и запретительного характера. В данной связи представляется возможным изучение табу в рамках этикета поведения с целью выявления запретов, регламентирующих поведение людей в определенных ситуациях общения. В терминологии В. И. Карасика табу этикета поведения называются «поведенческими» [Карасик 2002: 22]. Целью поведенческих табу является обеспечение вежливого общения и предотвращение конфликтов.

В настоящей статье исследование табу в аспекте этикета поведения представлено на примере английской лингвокультурной общности. Материалом исследования являются британские художественные фильмы на английском языке. По нашему мнению, в фильмах представлены ситуации реального общения, что позволяет выявить существующие в действительности нормы и правила общения той или иной общности.

Следует отметить, что способом выявления табу является анализ ситуаций их нарушения. Нарушение табу вызывает отрицательную

реакцию коммуникантов и в большинстве случаев становится причиной коммуникативных сбоев и неудач [Карасик 2002: 22], что в свою очередь подтверждает существование табу и важность их соблюдения [Фокс 2013: 21].

В качестве примеров ситуаций нарушения поведенческих табу представлены эпизоды из фильмов «Me before you» («До встречи с тобой»), «Notes on a scandal» («Скандальный дневник»), «The Full Monty» («Мужской стриптиз»). Общим для всех примеров является то, что в них представлены ситуации нарушения обобщающих и регулирующих поведение людей в определённых ситуациях правил, характеризующихся маркером «так вести себя нельзя». Поведение коммуникантов в целом вызывает осуждение других участников коммуникации или всего общества.

Так, в примере из художественного фильма «Me before you» («До встречи с тобой»), один из участников коммуникации неподобающе ведет себя во время собеседования при трудоустройстве. Присутствуют неуместные в официальной ситуации общения шутки, которые не вызывают прогнозируемую реакцию собеседника (общезвестно, что целью шуток является одобрение и смех), а, наоборот, вызывают удивление и смущение и приводят к напряженной обстановке. Анализ и сопоставление реакции коммуникантов позволяет утверждать, что в данной ситуации нарушаются правила поведения в официальных ситуациях общения, требующих соблюдения дистанции общения, тональности, соблюдение вербальных и тематических табу и др.:

Camilla: Your previous employer, here, says you are a warm, chatty and life-enhancing presence with a lot of potential.

Louisa: (chuckles) Yes, I paid him.

Camilla: ... [Me before you 2016].

В примере из фильма «Notes on a scandal» («Скандальный дневник») представлена ситуация нарушения общепринятых норм поведения в обществе. Любовная связь учителя с несовершеннолетним учеником вызывает общественный резонанс. Поступок характеризуется как нарушение норм морали, права и этики. В следующем диалоге демонстрируется реакция на ситуацию, выраженная в вербальной констатации нарушенной нормы одним из участников коммуникации:

Sheba: It happened.

Sheba's husband: People make things happen. You think you are the only one who's wanted someone young? Everyone sometimes, everyone thinks about it. But they deal with it! You're his teacher!

Sheba: And you were mine! I'm not justifying. I'm not try to justify it.

Sheba's husband: You are so full of shit! It's totally different! You were 20!

Sheba: He's 16 in May. He's not innocent ...

Sheba's husband: Of course he's innocent! Are you insane? If you want to destroy us, why not do it with an adult? That's the convention. It's worked for centuries! [Notes on a scandal 2006].

В примере из фильма «The Full Monty» («Мужской стриптиз») неуместным поведением является смех на похоронах. Смеяться на похоронах противоестественно и является нарушением традиций, свойственных всем культурам. Согласно сюжету, во время похорон Дейв и Газ, увидев, что двое их друзей держатся за руки, начинают смеяться. Они пытаются сдерживать смех, так как очевидно, что их поведение неуместно в данной ситуации. Присутствует прямая констатация нарушенной нормы самими коммуникантами, выраженная репликой одного, что необходимо прекратить смеяться, и извинение другого участника коммуникации за свое поведение. Подобная отрицательная реакция свидетельствует о нарушении поведенческих норм и важности их соблюдения:

Gaz: They bloody are, you know. They're holding hands.

Dave: They are never.

Gaz: Straight up.

Dave: I never even hold hands with ruddy lassies. Maybe I should. Ah, who'd have ruddy thought it, eh?

Gaz: ...

Dave: Ah, well. There's nowt as queer as folk.

Gaz: ...

Dave: I said "There's nowt as queer as folk".

Gaz: Shut up, Dave. It's supposed to be a bloody funeral.

Dave: I'm sorry [The Full Monty 1997].

Таким образом, табу, рассматриваемые нами в аспекте этикета поведения, представляют собой запреты, регламентирующие поведение участников коммуникации в тех или иных ситуациях общения. Для достижения целей коммуникации, наряду с выбором речевых формул, тематики общения, надлежащего внешнего вида, важно, чтобы само поведение в целом соответствовало нормам и правилам поведения в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Газизов Р.А. О современном коммуникативном этикете // Русская речь. 2009. № 3. – С. 36-41.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
3. Стернин И.А. Русский речевой этикет. Учебное пособие. – Воронеж, 1996. – 73 с.

4. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / К. Фокс; [пер. с англ. И.П. Новоселецкой]. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 512 с.
5. Цивьян Т.В. К некоторым вопросам построения языка этикета // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. – С. 144-169.
6. Me before you (До встречи с тобой) [Электронный ресурс]: художественный фильм / реж. Теа Шэррок. – США, Великобритания, 2016. URL: <https://english-films.com/dramas/830-me-before-you-2016-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 05.04.2017).
7. Notes on a scandal (Скандалный дневник) [Электронный ресурс]: художественный фильм / реж. Ричард Эйр. – Великобритания, 2006. URL: <https://ororo.tv/ru/movies/notes-on-a-scandal#video> (дата обращения: 11.09.2019).
8. The Full Monty (Мужской стриптиз) [Электронный ресурс]: художественный фильм / реж. Питер Каттанео. – Великобритания, США, 1997. URL: <https://watcheng.com/ru/movie/muzhskoy-striptiz/> (дата обращения: 11.09.2017).

© Салимова Г.Н., 2019 г.

УДК 81'114

Р.М. Салимова (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа)

МОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В ТЕКСТАХ АКТОВОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются средства представления референтивной и субъективно-личностной модальностей в текстах актовой речи. Основу микроисследованию составили выступления Стива Джобса, Марка Цукерберга, Октавии Спенсер, Стивена Спилберга, Мэттью Макконахи.

Ключевые слова: *референтивная модальность, субъективно-личностная модальность, текст, актовая речь.*

The article is devoted to means of representation of referentive and subjective-personal modalities in commencement address texts. The basis for microresearch was the speeches of Steve Jobs, Mark Zuckerberg, Octavia Spencer, Steven Spielberg, Matthew McConaughey.

Key words: *referentive modality, subjective-personal modality, text, commencement address.*

Вопрос изучения модальности на уровне текста остается одним из перспективных и противоречивых в силу множества направлений, предпринятых в современной лингвистике, а исследование такого явления, как актовая речь, не может не затрагивать вопросы, связанные с

модальностью текста. В связи с этим актуальность темы обусловлена необходимостью описания типологии модальностей в текстах прецедентного жанра актовой речи. Цель данной статьи заключается в описании и анализе референтивной и субъективно-личностной модальностей в процессе порождения актовой речи. Теоретическую базу работы составили труды, посвященные проблеме модальности (В.В. Виноградов, А.А. Реформацкий, Р.Ф. Пальмер, А.Г. Баранов, Р.М. Салимова) и проблеме актовой речи (С.В. Иванова, А.А. Константинова и др.).

В лингвистической науке последних лет *традиционным* является разделение модальности на объективную и субъективную. Приоритет, безусловно, принадлежит академику В.В. Виноградову, который в рамках объективной модальности выделил два противоположных вида: действительности и недействительности или в другой формулировке - реальности и ирреальности. Два компонента в модальной семантике предложения выделяются в работах В.Н. Бондаренко, Г.В. Валимовой, Н.С. Ермолаевой, В.З. Панфилова, Т.В. Романовой.

В.Н. Мещеряков придерживается деления модальности по двум типам. Субъективная модальность, с одной стороны, рассматривается как «активная установка на эмоциональный резонанс коммуниканта», т.е. способ организации внимания и восприятия коммуниканта к содержанию того или иного высказывания, с другой стороны, субъективная модальность представляет развертывание содержание текста соответственно возможностям коммуникантов, что позволяет создать определенное модальное пространство. Объективная модальность обладает суперсегментными свойствами по отношению к тексту, рассматривая как говорящим отражается действительность через призму реальности / нереальности происходящего [Мещеряков 2001: 102].

В последнее время проблема категории модальности как понятийной категории, связанной с важными аспектами бытия и его преломлением в сознании и языке, становится актуальной в связи с возросшим интересом к лингвистике текста и ее сближением с когнитологией. В связи с этим категория модальности рассматривается как всеобъемлющая категория, поглощающая целевую коммуникативную установку автора и категорию оценки. Изучение структур, передающих разные типы модальности, осуществляется на уровне текста. Текстовая модальность выражается с помощью лингвистических и экстралингвистических средств эксплицитно и имплицитно. Информационное пространство текста, подразумевающее взаимосвязь когнитивного, модального и текстуального компонентов, представляет собой *информационный подход* [Баранов 1993:101, Салимова 2007:12].

Детализированная классификация А.Г. Баранова практична в применении, т.к. модальный компонент текста охватывает целый спектр разнородных модальностей, более того традиционное сочетание объективной и субъективной модальностей находит в ней свое отражение. Так, например, фрейм субъективно-личностной модальности анализируемого текста включает сцены эмотивной, эпистемической, деонтической и композитивной модальностей (это и есть традиционная субъективная модальность). Фрейм референтивной модальности (план ирреальности), активируясь в сценах модальностей предположения, условия, побудительности и желательности, представляет собою объективную модальность¹.

Поскольку предметом данного исследования являются инструменты репрезентации субъективно-личностной и референтивной модальностей в текстах актовой речи, обратимся к проблеме публичной речи как таковой. Публичная речь — профессиональная речь педагогов, дикторов, ученых, юристов, государственных и политических деятелей и представителей других профессий, значительная часть деятельности которых — это общение с более или менее многочисленной аудиторией. Публичная речь осуществляется в особых речевых ситуациях и использует специфические средства в зависимости от рода (академический, политический, педагогический, дипломатический, религиозный, судебный) и жанра (лекция, доклад, юбилейная речь, инструктаж) [Турсунова 2017:3].

Исследование такого феномена, как актовая речь (*commencement speech / commencement address / graduation speech*), не может не затрагивать вопросы, связанные с текстовой модальностью. Данное обстоятельство связано с природой актовой речи, которая представляет собой относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип текста. В основе актовой речи лежит мысль как субъективная реакция говорящего [Иванова, Салимова 2017: URL].

По негласным правилам актовая речь должна быть логичной, цельной, последовательной и обоснованной, произносить ее следует медленно. По длительности выступление не должно выходить за рамки восемнадцати минут [Biles 2016: URL].

Актовая речь как прецедентный жанр публичной речи используется в качестве напутственной речи, с которой в нынешней традиции выступают знаменитые медиа-персоны на выпускной церемонии университетов. Они нередко предаются воспоминаниям о прожитой жизни и интересных событиях, размышляют о карьере, успехе, вечных ценностях, о взрослой жизни с опорой на личный опыт. Как правило, оратор имеет четкое

¹ В статье не рассматривается референтивная модальность (план реальности, т.е. действительности)

представление, как грамотно преподнести свою речь, обращается к выпускникам, высказывая нестандартные мнения и неординарные взгляды, делится своими достижениями, мыслями, мечтами, размышляет о черте человеческого характера, необязательно положительной, восхваляет образование, которое получили выпускники, и учебное заведение, которое они закончили, а в конце обязательно произносит выпускникам добрые напутственные слова и пожелания. Такова, по мнению А.А. Константиновой, тематическая рубрикация актовых речей [Константинова 2012: 24].

Также А.А. Константинова отмечает в диссертационной работе, что любая актовая речь имеет традиционную структуру: 1) приветствие собравшейся аудитории: “Good afternoon, Deputy Dean Rubenfeld, Honored Guests, Colleagues, Students, Family and Friends: This is your day, Class of 2003, and you have earned it! We have come together as a community, despite the troubling events of last week, to celebrate your achievements and to rejoice in the hope and promise for the future that your graduation represents”

2) основную часть 3) заключительное поздравление: “...With these thoughts, and with my warmest regards, I say to you, the Class of 2003: congratulations and best, best wishes!” Prof. Steve Gunn, Yale Law School, May, 2003 [<https://mybiblioteka.su/6-156878.html>].

Рассмотрим схему взаимодействия языковых фреймов референтивной и субъективно-личностной модальностей на самых ярких примерах текстуальных фрагментов актовой речи. *Таблица №1*

<i>Референтивная модальность</i>	
Предположение	«I’m pretty sure none of this <u>would have happened</u> if I hadn’t been fired from Apple» (Steve Jobs);
Условие	«If our ancestors <u>didn't feel fear</u> , the whole species probably would have been trampled by mammoths a long time ago» (Steven Spielberg);
Побудительность	«So I just want to tell you guys, <u>don't be scared</u> if you don't do things in the right order, or if you don't do some things at all... women, <u>don't be ashamed</u> to toot your own horn like I just did... <u>Go conquer</u> the world» (Octavia Spencer).
Желательность	« <u>I would like to make it clear</u> , in parenthesis, that I do not blame my parents for their point of view» (Mark Zuckerberg).

Таблица 2

<i>Субъективно-личностная эмотивная модальность</i>	
прямая номинация	«But I’m still <u>extremely happy</u> , don’t get me wrong... And you know what, I <u>am</u> so <u>glad</u> I did... You persisted to get here and I’m <u>honored</u> to be a part of it with you. I’m so <u>proud of</u> you, you all fought to be here, you deserve this moment, congratulations, Godspeed» (Octavia Spencer);

Косвенн номина ция	«But when I look at this group here today, I <u>feel really safe</u> ! I do! Thank you. I'm so honored. Thank you» (Mark Zuckerberg);
--------------------------	---

Таблица 3

<i>Субъективно-личностная эпистемическая модальность</i>		
Мен таль ная мода льно сть	Полага ния	«I <u>believe</u> the truth is all around us, all the time. If we can do that, then we have what I <u>believe</u> is Heaven on Earth» (Matthew McConaughey);
	Мысли тель. операц ии	«It was pretty scary at the time, but looking back it was one of <u>the best decisions</u> I ever <u>made</u> » (Steve Jobs);
	Знания / Незнан ия	«I <u>know</u> a lot of you will have your own stories just like this. I <u>know</u> , you're probably thinking: I <u>don't know</u> how to build a dam, or get a million people involved in anything» (Mark Zuckerberg);
	Уверен ности	«I'm <u>pretty sure</u> none of this would have happened if I hadn't been fired from Apple. I'm <u>convinced</u> that the only thing that kept me going was that I loved what I did» (Steve Jobs);
	Сомне ния/ Допущ ения	«Or <u>maybe</u> you thought you knew but are now questioning that choice. <u>Maybe</u> you're sitting there trying to figure out how to tell your parents that you want to be a doctor and not a comedy writer. Instinctively and <u>maybe</u> even genetically, we divide the world into 'us' and 'them.' (Steven Spielberg);
Сенсорная модальность		«Because for the first 25 years of our lives, we are trained <u>to listen</u> to voices that are not our own. Everybody was talkin' at me, so I couldn't <u>hear</u> the echoes of my mind.' <u>Listen to</u> that voice that tells you what you could do» (Steven Spielberg);
Модальность возможности/ невозможност и		«Because after playing the maid in The Help, I <u>can't</u> tell you how many opportunities came for me to play more maids. By starting to say no to some of the doors that were opening for me, I've <u>been able to</u> say yes to even bigger opportunities» (Octavia Spencer);
Модальность сравнения		«Because, <u>like most of you</u> , I began college in my teens, but sophomore year, I was offered my dream job at Universal Studios, so I dropped out... Now, these are moments you're very familiar with, <u>like in the last Star Wars... like in that Nilsson song... kind of like me in high school... like when Shug Avery says...</u> » (Steven Spielberg).

Модальность волеизъявления и намерения	«Today I <u>want to</u> talk about purpose. I'm here <u>to</u> tell you finding your purpose isn't enough. Today I <u>want to</u> talk about three ways to create a world where everyone has a sense of purpose» (Mark Zuckerberg);
Модальность долженствовани я	«Just as we <u>must never forget</u> the atrocities, we <u>must never forget</u> those who fought for freedom. Because we <u>must never forget</u> that the inconceivable doesn't happen – it happens frequently» (Steven Spielberg);

Таблица 4

Субъективно-личностная деонтическая модальность	
Общая оценка	«It was pretty <u>scary</u> at the time, but looking back it was one of the <u>best</u> decisions I ever made. It was <u>awful</u> tasting medicine, but I guess the patient needed it» (Steve Jobs);
Эстетическая оценка	«It wasn't all <u>romantic</u> . I didn't have a dorm room, so I slept on the floor in friends' rooms. It was <u>beautiful</u> , historical, <u>artistically subtle</u> in a way that science can't capture, and I found it <u>fascinating</u> . (Steve Jobs);
Истинная оценка	«But then I directed The Color Purple. And this one film opened my eyes to experiences that I never could have imagined and yet were all <u>too real</u> » (Steven Spielberg);
Нормативная оценка	«But it's <u>not enough</u> to have purpose yourself» (Mark Zuckerberg); «It's <u>not</u> a <u>good enough</u> reason to do something» (Matthew McConaughey);
Интеллектуаль ная оценка	«My father was very <u>intelligent</u> , very <u>well-read</u> – he read all the great books, all the great philosophers» (Mark Zuckerberg).
Утилитарная оценка	«A symbolically powerful piece of paper that's largely <u>useless</u> in the real world» (Steve Jobs);

Таблица 5

Субъективно-личностная композитивная модальность		
Компонент экспликации и акта речи, - плеоназм		« <u>Oh, honestly</u> , I can't think of anything more liberating than that, knowing that life will look differently than you think it will» (Octavia Spencer);
Компонент, эксплициру ющий тему высказыван.		«What about <u>your first lecture</u> at Harvard? Mine was Computer Science 121 with the incredible Harry Lewis» (Mark Zuckerberg);
	Соед инит. связь	I dropped out of Reed College after the first 6 months, <u>then</u> stayed around as a drop – in for another 18 months or so before I really quit... <u>Again</u> , you can't connect the dots looking

Композитор, эксплицитный связный фрагмент текста:		forward; you can only connect them looking backward... <u>And</u> since Windows just copied the Mac, it's likely that no personal computer would have them» (Steve Jobs);
	Противит.	« <u>But eventually</u> , I returned for one big reason...» (Steven Spielberg);
	Следственный.	« <u>And that's why</u> I so often make movies based on real-life events... And again <u>this is why</u> it's so important to listen to your internal whisper...» (Steven Spielberg).
	Средства выведения важной инф.	« <u>Well</u> , as Apple grew we hired someone who I thought was very talented to run the company with me, and for the first year or so things went well» (Steve Jobs); « <u>And at first</u> , the internal voice I needed to listen to was hardly audible, and it was hardly noticeable kind of like me in high school... And <u>finally</u> , I wish you all a true, Hollywood-style happy ending» (Spielberg);
	(квази)эквивалентность	«You had papers to write, exams to pass and arguments to defend... <u>In other words</u> , you have earned it» (Octavia Spencer).
Речевые индикаторы, служащие связующим и оборотами речи		« <u>Actually</u> , any of you graduating can use that line» (Mark Zuckerberg); « <u>OK</u> , because <u>hey</u> , that's how it is, this is the reality you face?...It was an unbelievable book, film, act of courage... <u>really?</u> <u>In fact</u> , 13 has been a pretty lucky number for me, lemme tell you how» (Matthew McConaughey);
«Размытые» конструкции		«It was <u>sort of like</u> Google in paperback form, 35 years before Google came along» (Steve Jobs); « <u>You see</u> , my 21-year-old self-thought that 45 was old» (Octavia Spencer);
Эмфатические конструкции		«... So, before I share with you some “what I <u>do know</u> ,” let's talk about a “what I don't know.” I am here to talk brass tacks, to skip the flattery and the “attaboys” because I <u>do know</u> this» (Matthew McConaughey);
Композиционно-	Инверсия	« <u>For us</u> , it now encompasses the entire world. <u>To keep our society moving forward</u> , we have a generational challenge – to not only create new jobs, but create a renewed sense of purpose... <u>Nothing we do</u> is unbelievable» (Mark Zuckerberg);

стилистические синтаксические средства	Эллипсис	« <u>Remember</u> when I told you about that class I taught at the Boys and Girls Club?» (Mark Zuckerberg); « <u>Sorry</u> to be so dramatic, but it is quite true» (Steve Jobs);
	Повторы	«Throughout the campus <u>every</u> poster, <u>every</u> label on <u>every</u> drawer, was beautifully hand calligraphed» (Steve Jobs); « <u>Your</u> work, <u>your</u> life, <u>your</u> weekdays, <u>your</u> weekends, can all be filled with as much meaning as you dictate» (Octavia Spencer);
	Параллелизм	« <u>My job is to create a world that lasts two hours. Your job is to create a world that lasts forever</u> » (Steven Spielberg);
	Риторический вопрос	«How can you get fired from a company you started? If today were the last day of my life, would I want to do what I am about to do today?» (Steve Jobs);
	Обобщение	«I wondered if I was just wrong, <u>an imposter</u> , a 22 year-old kid who had no idea how the world worked» (Mark Zuckerberg);

Результаты количественного анализа показали, что референтивная модальность, которая носит объективно-относительный характер и представлена модальными значениями предположения, условия, побудительности и желательности, составляет 10%. В традиционном понимании это объективная модальность, которая в данном исследовании рассматривалась в узком ключе ирреальности в сценах темпоральности.

Анализ эмпирического материала еще раз продемонстрировал, что во всех рассмотренных текстах, представляющих собою жанр актовой речи, субъективно-личностная модальность представлена неоднородно.

Было выявлено, что в текстах актовой речи превалирует именно композитивная модальность, в процентном эквиваленте составляя 51%. Опираясь на результаты, можно сделать вывод, что композитивная модальность отличается наибольшей частотностью, так как она обрамляет текст, представляет его каркас, некий «скелет текста», форму, обрастающую смыслами в виде лексико-грамматических единиц и передающих, в конечном счете, содержание, что достигается средствами эпистемической, деонтической и эмотивной модальностей. Количество данных примеров в представленных текстах актовой речи составляет 39% от общего числа. Следует отметить, что эпистемическая модальность опирается на «каркас текста», наполняет и «пропитывает» его авторскими мыслями и суждениями, делая содержание высказывания связным и цельным [Салимова 2017:145].

Деонтическая модальность показывает отношение автора текста к тому или иному событию, высказыванию, жизненному случаю через оценочность. Эмотивная модальность в прямой и косвенной номинации помогает раскрыть эмоциональное состояние и чувства говорящего.

Таким образом, можно сделать вывод, что субъективно-личностная модальность (эмотивная, эпистемическая, деонтическая, композитивная) создает огромное модальное пространство в текстах актовой речи. Она не только передает посыл, интенции, чувства и мысли автора, но также способствует созданию связности, эстетической цельности и когерентности текста, выявляя авторское присутствие в формировании и организации этого текста. Данное исследование также подтверждает тот факт, что «субъективная модальность гораздо более распространена, чем объективная модальность, в повседневном употреблении языка» [Лайонз 2003: 347]. Тем не менее, сосуществуя и сочетаясь в рамках единого текста актовой речи, все виды модальностей помогают создать общую картину того, как через свои интенции текстовой деятельности автор формирует отношение к действительности и своего отношения к сообщаемому высказыванию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов-на-Дону, 1993. – 180 с.
2. Иванова С.В., Салимова Р.М. Особенности реализации композитивной модальности в тексте актовой речи // IX Международная конференция «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации». Саратов: РИЦ СГУ 2017. – С. 52-61. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2017/03/15/ivanova_s.v._salimova_r.m.pdf (дата обращения: 26.10.19).
3. Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. М., 2012. – 54 с.
4. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. Введение. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
5. Мещеряков В.Н. К вопросу о модальности текста // Филологические науки. 2001. № 4. -С. 99 -105
6. Салимова, Р. М. Модальность внутренней речи в английских и русских текстах: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. – 163 с.
7. Салимова Р.М. Мозаика модальности композитивной установки в речевом жанре актовой речи // Языковые единицы в свете современных научных парадигм. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 145-151.
8. Турсунова И.А. Основы публичной речи. Учебно-методическое пособие. М.: ВШСИ, 2017. – 146 с.

9. Biles T. Some suggestions on writing a commencement speech. [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://www.humanity.org/voices/commencements/writing-commencement-speeches> (дата обращения: 09.11.19)
10. Palmer F. R. Modality and the English modals. – London and NY: Longman, 2001. – 232 p.
11. URL: <https://mybiblioteka.su/6-156878.html>
12. Graduation speeches – Videos, Transcripts, History and Quotes [Электронный ресурс]. URL: <http://www.graduationwisdom.com/archive/archive000.htm> (дата обращения: 10.11.2019).

© Салимова Р.М., 2019 г.

УДК 81

О.И.Таюпова (д.ф.н., проф. БашГУ, г. Уфа)
Р.Р. Равилова (магистрант 2 курса, г. Уфа)
Г.Р. Салимьянова (магистрант 2 курса, г. Уфа)

СТРУКТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ В РАКУРСЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ **(на материале текстов немецких кулинарных рецептов)**

В статье рассматривается и анализируется специфика кулинарных рецептов с позиции характера взаимодействия языка и культуры. С учетом роли кулинарии как проявления культуры нации описываются структурно-композиционные и языковые особенности немецких кулинарных рецептов, относящихся к малоформатным текстам.

Ключевые слова: *кулинарный рецепт, межкультурная коммуникация, вид текста, структура и язык кулинарных рецептов.*

The article discusses and analyzes the specificity of culinary recipes from the standpoint of the nature of the interaction of language and culture. Given the role of culinary as a manifestation of a nation's culture, the structural, compositional and linguistic features of German culinary recipes related to small-format texts are described.

Key words: *culinary recipe, intercultural communication, type of text, structure and language of culinary recipes.*

Кулинария представляет собой неотъемлемую часть культуры каждого народа, отражая условия его жизни, историю, национальный характер. С давних пор трапеза занимала исключительно важное место в жизни людей и являлась ритуалом, освященным традицией, поскольку за ней собиралась вся семья, а молитва ознаменовывала ее начало и конец.

При этом в процессе приготовления блюд хозяйки следовали правилам, передаваемым из поколения в поколение [Буркова 2004; Лазерсон 2005; Волкова 2011]. Поэтому закономерно, что вопросы кулинарии интересовали многих ученых, в том числе философов, с древних времен.

Известный повар, один из первых представителей так называемой «высокой кухни», Мари́-Антуа́н Карём (фр. Marie-Antoine Carême), занимавшийся изучением истории мирового кулинарного искусства, написал, что «Гастрономия всегда идет наравне с просвещением» [История кулинарии в мире// <https://fb.ru/article/379299/istoriya-kulinarii-v-mire-istoriya-vozniknoveniya-i-osnovnyie-etapyi-razvitiya>]. Пища относится к основным потребностям человека, а её приготовление является одним из важнейших направлений человеческой деятельности [Немного истории. Этюды о питании // <https://eda.wikireading.ru/31185>].

Процесс приготовления пищи издавна описывается в кулинарных рецептах, которые вызывают особый интерес как у профессиональных поваров или поваров-любителей, так и у многих исследователей, в том числе лингвистов. Кулинарный рецепт представляет собой не только руководство по приготовлению кулинарного изделия, но и уникальный текст, изучив особенности которого, люди могут познакомиться с традициями и культурой того или иного народа. Немецкая кухня, помимо того, что объединяет кулинарные традиции шестнадцати федеральных земель, образующих ФРГ, находится под влиянием культуры таких соседних стран, как Чехия, Швейцария, Польша, Франция и Австрия.

На сегодняшний день кулинарный рецепт остается недостаточно изученным, что связано, прежде всего, с принадлежностью кулинарного рецепта к малоформатным текстам, объём которых хотя и ограничивается, как правило, 20-25 строками, но содержит при этом значительную информацию. Кроме того, исследование кулинарного рецепта как вида текста по сравнению с текстом художественного произведения ранее не вызывало такого пристального интереса у филологов. Однако, в последние годы, в связи с увеличением количества всевозможных изданий по кулинарии, текст рецепта начинает привлекать к себе повышенное внимание. Этим обусловлена актуальность нашего исследования.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под рецептом подразумевается «способ приготовления чего-нибудь», а под кулинарией «искусство приготовления пищи» [Ожегов, Шведова 2007: 313]. В структурном аспекте для малоформатного текста кулинарного рецепта характерна простота и стереотипность построения. Ульрих Энгель в своей работе “Deutsche Grammatik” пишет о том, что кулинарные рецепты, как правило, состоят из трех частей: ингредиенты– приготовление – комментарий (Zutaten – Zubereitung – Kommentar) [Engel 1996].

Анализ показал, что кулинарный рецепт как вид текста характеризуется адресностью, наличием социальных отношений, безэмоциональностью, строгостью и формальностью языка, четкой структурой, сложностью процедуры приготовления блюда. Традиционным местом, где публикуется текст кулинарного рецепта, является поваренная книга.

В структурном плане кулинарный рецепт состоит из вступительного, основного и заключительного блоков. Вступительный блок включает в себя название блюда, возможны также авторский комментарий или рекомендации автора, указание, на какое количество персон рассчитано данное блюдо, а также список ингредиентов. Название блюда следует рассматривать как заголовок рецепта, который представляет собой целостную единицу речи, являющуюся, как правило, обязательной частью большинства текстов.

Заголовки текстов кулинарных рецептов с метафорическим компонентом в немецком языке также можно классифицировать по следующим параметрам: сходство на основе формы: Käsetropfen, Käsewürfel, Kränzchen, Lachsrollchen, Nierentäschchen, Pfefferkuchenbombe, Quarkbombe, Pilzhüte, Quarktaschen, Schwalbennester, Speckrollchen, Tomatenkörbchen, Birnenigel, Baumstamm, Strammer Max, Apfel im Schlafrock, Apfelkuchen mit Decke, Eier im Nest; сходство по цвету: Marmorkuchen, Dominosteinen, Regenbogensalat, Apfelschnee; сходство на основе внутреннего признака: Blitzgurken, Blitzauflauf, Lukullus-Halbgefrorenes, Karnevalskrapfen, Janssons Versuchung [Кухня российских немцев сто лет назад <https://www.proza.ru/2011/11/25/680>].

Немецкие названия рецептов чаще всего содержат метафору на основе сходства формы. Сходства на основе внутреннего признака указывают на быстроту и богатство приготовляемого блюда. В немецком тексте кулинарного рецепта также преобладают заголовки с указанием на вид продукта и способ приготовления. Что касается современных блюд, то они получают свои названия по выше указанным принципам, а также по месту их приготовления: на плите, в духовке, на пару, в гриле, в тостере (пирожки жареные, барабулька, жареная во фритюре, пудинг из рыбы паровой, пеламида, запеченная в пергаменте, Gebratene Plötzen, Bratfische, Wiener Kalbsbries gebacken, Hähnchen in Alufolie, Schweinslendchen in Alufolie, Dampfhudeln, Grilltomaten, Grillhähnchen mit Füllung, Apfeloast), либо указывается их характеристика, оценивается степень быстроты приготовления блюда, степень сложности или простоты изготовления, ср.: Schnellkochtopf, schnelle Pizza, schnelle Schnittchen (Kochen: 1680 Rezepte für Sie). Как видно из примеров, заголовки в концентрированном виде передает основное содержание кулинарного рецепта. Данная функция обуславливает его связь со всем текстом кулинарного рецепта, а также

возможность реализации смысла заголовка в полном объеме только после восприятия всего текста [Панова, Позднякова 2008]. Нередко после названия блюда встречаются комментарии автора, например, советы по приготовлению блюда, улучшению его вкусовых качеств [Общие структурные параметры кулинарного текста // https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4471].

В основном блоке кулинарного рецепта содержится информации о последовательности действий и манипуляций. Текст, обычно, состоит из 1-2 абзацев, которые являются структурно-завершенными и выражают целостную мысль. Членение целого текста на абзацы отражает логическое движение от одной микротемы к другой.

Заключительный блок в тексте кулинарного рецепта, как правило, содержит рекомендации по сервировке или другому варианту приготовления пищи в случае замены нескольких компонентов, либо сообщает дополнительную страноведческую информацию: “Die Ucha ist eine der berühmtesten russischen Fischsuppen” (Kochkunst. Lukullisches von A bis Z.).

К лексико-семантическим особенностям текста кулинарного рецепта относятся: незмоциональная, безоценочная лексика, а также лексика с тенденцией к мало- и моносемантичности, термины и полутермины, заимствования, аббревиатуры.

В текстах немецких кулинарных рецептов также, как и в российских рецептах, есть сведения о том, на какое количество персон рассчитано данное блюдо. В большинстве случаев это количество составляет 4 – 6 персон, а иногда достигает 8 или 10 лиц. Это связано с тем, что авторы предлагают свои блюда с расчетом на семью или небольшую компанию друзей и близких.

В одном тексте кулинарного рецепта ингредиенты могут быть сгруппированы по некоторым категориям. Основной блок является наиболее важным, поскольку он состоит из алгоритмов действий и выполняет инструктивную функцию.

Заключительный блок (необлигаторный), выполняя рекомендательную функцию, включает в себя советы по улучшению вкусовых качеств блюда, небольшой комментарий о вариациях его приготовления, месте его приготовления и даже информацию о способе соответствующей сервировки.

Таким образом, структурная организация кулинарных рецептов, опубликованных в поваренных книгах, способствует облегчению восприятия текста и обеспечивает его максимальное понимание читателями. Вступительный и основной блоки кулинарных рецептов являются обязательными структурными элементами, при этом заключительный блок, который часто передаёт дополнительную

страноведческую информацию, является вспомогательным. Блоки отличаются друг от друга языковой реализацией.

Выявлено, что тексты кулинарных рецептов в поваренной книге, представляя собой последовательное изложение информации, доступное и понятное любому читателю, содержат ряд лексических, морфологических и синтаксических особенностей. Кулинарные рецепты в поваренной книге относятся к научно-популярному стилю, который предполагает доступное и понятное неспециалисту изложение информации. В научно-популярном тексте сочетается рациональное и эмоциональное, нейтральное и экспрессивно-оценочное. «Своеобразный языковой код научно-популярного текста предопределяется, прежде всего, коммуникативной функцией, выполняемой анализируемыми текстами в современном социуме» [Таюпова 2012:1552].

Обратимся к рассмотрению лексических особенностей текстов кулинарных рецептов, к которым относятся:

1) нейтральная лексика, эмоционально-окрашенные слова автора. Комментарии в рассмотренных нами примерах не встречаются.

2) Термины:

- термины кулинарного профессионального языка: Teig kneten – замешивать тесто, anschwitzen – обжарить; karamellisieren – карамелизировать;

- термины кулинарных понятий, которые употребляются и в профессиональной, и в бытовой речи: zerkleinern – размельчать, ofen – печь, выпекать;

- термины, применяемые исключительно в национальных кухнях: блины из картофеля с маринованной говядиной, миндальное печенье, брецель, белые колбаски (вайсвurst). Название колбасок означает – «отварная телячья колбаса») [Национальная немецкая кухня – что едят в Германии // <https://kuku.travel/country/germaniya/nacionalnaya-nemeckaya-kuxnya-chto-edyat-v-germanii/>].

3) В текстах кулинарных рецептов широко используются заимствования например, из латинского языка: Zucchini – кабачок, Spargel – спаржа, Oliven – олива, маслина; из французского языка: Karamellen – карамель, Suppe – суп, Spinat – шпинат; из итальянского языка: Spagetti – спагетти, Brokkoli – брокколи, Salami – салями, Mascarpone – маскарпоне (мягкий сливочный сыр); из испанского языка: Tomate – помидор, Chorizo – чоризо и др. (Kochen: 1680 Rezepte für Sie).

В ходе анализа употребления в текстах кулинарных рецептов слов разных частей речи было выявлено преобладание имен существительных, глаголов, прилагательных и числительных. В первом вступительном блоке существительные являются основными лексическими единицами, так как название блюда и список ингредиентов формируют имена

существительные. Также во вступительном блоке часто используются количественные числительные, которые обозначают пропорции ингредиентов, необходимых для приготовления блюда.

Что касается глаголов, то их преимущество характерно для основного блока текста кулинарного рецепта, в котором предлагается алгоритм действий для приготовления блюда. Инструктивная функция кулинарного рецепта в основном блоке реализуется повелительным наклонением глаголов. Определено, что в текстах кулинарных рецептов редко употребляются личные местоимения, а используются только в авторском комментарии (если таковой присутствует в тексте).

Доминирующей тенденцией для синтаксической организации текста кулинарного рецепта является преобладание простых предложений, которые последовательно выражают ход мысли его автора. При этом сложные синтаксические конструкции встречаются реже, что способствует устранению помех для актуализации прагматической установки автора.

Таким образом, логичность, четкость изложения немецкого текста кулинарного рецепта на лексическом уровне обеспечивается нейтральной лексикой, терминами, заимствованиями. Преимущество имён существительных, прилагательных, глаголов и количественных числительных над словами других частей речи характерно для морфологического уровня языка. Синтаксис текстов кулинарных рецептов обусловлен обилием простых предложений, что облегчает восприятие читателями текста рецепта, помогая выполнить инструкцию и успешно приготовить блюдо. Отличительной особенностью проанализированного вида текста является его незначительный объем, что достигается при помощи компрессии языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004. – 23 с.
2. Волкова А.Ю. Особенности английского кулинарного рецепта как типа текста (на материале англоязычных поваренных книг) // STUDIUM JUVENIS: Межвузовский сб. трудов молодых ученых. – 2011. – С. 39-42.
3. История кулинарии в мире. История возникновения и основания. Этапы развития // FB.ru: <https://fb.ru/article/379299/istoriya-kulinarii-v-mire-istoriya-vozniknoveniya-i-osnovnyie-etapyi-razvitiya>
4. Кулинарный рецепт как тип текста // https://knowledge.allbest.ru/languages/2c0a65635a2bd68a5c53a89421306d27_0.html

5. Кухня российских немцев сто лет назад // <https://www.proza.ru/2011/11/25/680>
6. Национальная немецкая кухня – что едят в Германии // <https://kuku.travel/country/germaniya/nacionalnaya-nemeckaya-kuxnya-chto-edyat-v-germanii/>
7. Лазерсон И.И. Немецкая кухня. Кулинария. – М.: Центрполиграф, 2005. – 520 с.
8. Общие структурные параметры кулинарного текста // https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4471
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «А ТЕМП», 2007. – 944 с.
10. Панова Е.А., Позднякова А.А. Русский язык: учеб-справ. пособие. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 462 с.
11. Таюпова О.И. Языковой код в научно-популярном тексте // Вестник Башкирского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 1550-1553.
12. Engel, U. Deutsche Grammatik. – 3. korrigierte Aufl. – Heidelberg: Groos, 1996. – 888 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Kochkunst. Lukullisches von A bis Z. – Leipzig: Verlag für die Frau, 1990. – 575 S.
2. Kochen: 1680 Rezepte für Sie // <https://eda.wikireading.ru/31185>

© Таюпова О.И., Равилова Р.Р., Салимьянова Г.Р., 2019 г.

УДК 81'23

А.С. Титлова (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа)

ЖАНРОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ МИКРОБЛОГА В РАМКАХ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

В статье рассматриваются основные точки зрения на относительно новый жанр текста – интернет-текст. Приводятся наиболее распространенные классификации жанров. Определяется место текста микроблога в интернет-дискурсе.

Ключевые слова: интернет-дискурс, жанр, микроблог, гипер-жанр, коммуникативный жанр, интернет-коммуникация.

The article considers main points of view on the relatively new text genre – the internet-text. The most accepted classifications of genres are observed. The place of the microblog text in the internet-discourse is defined.

Key words: *internet-discourse, genre, microblog, hyper-genre, communicative genre, internet-communication.*

В настоящий момент в сети Интернет возникает новая коммуникативная среда, так называемое «коммуникативное пространство», где интенсивно возникают новые жанры общения. Лингвисты говорят о «теории виртуального жанроведения». Это новая теория, которая появилась в среде Интернет-дискурса, описывает и структурирует все существующие Интернет-жанры и способы их классификации.

В современной лингвистике в теории виртуального жанроведения перед лингвистами стоят следующие задачи: определить единый термин, описывающий жанр в Интернет-коммуникации, и дать ему характеристику; изучить взаимодействие между традиционными «бумажными» и виртуальными жанрами; разработать подходы и критерии для классификации виртуальных жанров; описать специфику конкретного виртуального жанра [Рогачева 2007: 389].

После работы М. М. Бахтина, термин «жанр» стал использоваться не только по отношению к формам литературных текстов, но и по отношению к дискурсу. Знание жанров дискурса - важный компонент языковой компетенции человека, по мнению лингвиста. Под «жанром» М. М. Бахтин понимает «устойчивый тип текста, объединенный единой коммуникативной функцией, а также сходными композиционными и стилистическими признаками» [Бахтин 1986: 428-472].

В нашей статье мы рассматриваем «жанр» как устойчивую модель речевой деятельности в определенной сфере общения в зависимости от факторов коммуникативной ситуации, «жанр Интернет-дискурса» - как «форму коммуникативного выражения онлайн-личности (данный жанр содержит в себе черты коммуникативного характера и реализует отдельные намерения пользователя Интернет-дискурса)» [Селютин 2009: 138].

О.В. Лутовинова делит виртуальные жанры на дискурсообразующие и дискурсоприобретенные.

Дискурсообразующие жанры - это виртуальные жанры, которые различаются по двум критериям - структурность и композиционность. В данном случае лингвист рассматривает «жанр» в качестве «определенного типа высказывания в рамках определенного дискурса, который является своего рода текстом, вписанном в определенную коммуникативную обстановку».

Дискурсоприобретенные жанры - это «устойчивые типы высказываний в уже сложившихся формах общения, жестко обусловленных в виртуальной среде определенными техническими параметрами»

[Лутовинова 2009: 285]. К ним лингвист относит электронное письмо (e-mail), чат, форум и гостевую книгу, жанр мгновенных сообщений, блог, многопользовательскую ролевую игру онлайн, СМС, к дискурсоприобретенным - флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, креатифф, флуд, спам и послание [Лутовинова 2009: 169-281].

Л. Ю. Щипицина предлагает дискурсивный подход к классификации жанров Интернет-дискурса. В данном подходе «дискурс» определяется в качестве процесса осуществления интернет-коммуникации, в которой жанр определяется опосредованием «технологического фактора» - канала электронной коммуникации; а «виртуальный жанр» - это типовая форма речевой деятельности в коммуникации, опосредованной каналом связи [Щипицина 2010: 112].

Таким образом, классификация Л. Ю. Щипициной по типам дискурса включает в себя следующие виды дискурса:

1) «персональный дискурс: персональные чаты в межличностной (ICQ, IM) и групповой разновидностях (IRC, веб-чат), личные веб-страницы, личные веблоги, форумы, личные электронные письма, социальные сети;

2) политический дискурс: политические веб-страницы, политические веблоги, политический чат, политические форумы;

3) юридический дискурс: веб-страницы юридических фирм, форумы юридической тематики;

4) деловой дискурс: веб-страницы фирм, деловые электронные письма, Интернет-магазины;

5) рекламный дискурс: веб-баннеры, рекламные электронные письма, контекстная реклама, всплывающая реклама. Подробно классификация данного вида дискурса представлена в исследовании Я.И. Якиной [Якина 2018];

6) массово-информационный дискурс: веб-страницы сетевых СМИ и новостных агентств, списки, рассылки;

7) педагогический дискурс: академическая веб-страница (университета, школы и других образовательных учреждений), форумы, чаты, мультипользовательские миры образовательной направленности» [Щипицина 2010: 209].

Л. Ю. Щипицина также предлагает и другую классификацию виртуальных жанров, которую она выстраивает в зависимости от коммуникативных функций интернет-общения. Эта система состоит из шести типов виртуальных жанров:

1) информативные жанры, используемые для предъявления или получения информации (институциональные веб-страницы, веб-страницы новостных агентств и сетевых СМИ, поисковые системы, онлайн-энциклопедии, каталоги, списки рассылки, электронные библиотеки и

архивы);

2) директивные жанры, которые призваны побудить адресата осуществить какое-либо действие (веб-реклама, коммерческие и частные объявления, интернет-магазины и аукционы);

3) коммуникативные жанры, удовлетворяющие потребности в общении и соблюдения этикетных норм (чат, электронные письма, новостные группы, форумы, социальные сети);

4) презентационные жанры, служащие для самовыражения и представления данных о себе или своих произведений (личные веб-страницы, веблоги);

5) эстетические жанры, основная цель которых реализация художественно-творческого потенциала и эстетическое воздействие на партнеров с помощью создания мнимой реальности (сетевой роман, фанфикшн);

6) развлекательные жанры, основной целью которых - это получение удовольствия от выполнения определенных коммуникативных действий (многопользовательские миры и игры).

К.Ф. Седов отмечает, что «каждая разновидность дискурса нуждается в более дробном членении», такой классификации, которая включала бы в себя «представления о специфике той или иной социальной сферы общения и индивидуальных особенностей языковых личностей, принимающих участие в интеракции» [Седов 2009: 3]. Это утверждение, безусловно, относится и к интернет-дискурсу.

Многие исследователи отмечают необходимость изучения дискурса и текста с точки зрения теории речевых жанров. Это, в первую очередь, связано с необходимостью учитывать исторический, социальный, психологический, бытовой контексты речи. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью дать определение виртуальному жанру как составляющей интернет-дискурса.

Среди многочисленных определений одним из наиболее точных мы сочли определение Е.И. Горошко и Е.А. Жигалиной, которые предлагают подход к определению виртуального жанра как «вербально-знакового оформления типичной ситуации социального взаимодействия людей посредством сети Интернет» [Горошко, Жигалина 2011: 109].

В современной теории жанров кроме понятия «речевой жанр» выделяют также субжанр и гипержанр [Седов 2009: 33], понимая при этом под субжанром жанровую форму, представляющую собой одноактные высказывания, а под гипержанром форму, объединяющую все жанровое макрообразование, которое сопровождает социально-коммуникативные ситуации и объединяет в своем составе несколько жанров.

В медиалингвистике также начинает складываться собственная система жанров, выделяются при этом и отдельные речевые жанры, и

наджанровые образования. Так, Е.И. Горошко и Е.А. Жигалина говорят о собственно интернет-жанре (включая туда электронное письмо, форум, чат, доски объявлений, рекламные баннеры, коммуникацию с помощью программ мгновенного обмена сообщениями, виртуальную конференцию, пост, или заметку автора, комментарий) и гипержанре (относя к нему сайт, блог, социальную сеть, электронную библиотеку) [Горошко, Жигалина 2011: 116]. Среди перечисленных жанров авторы не упоминают микроблог, но мы позволим себе причислить его к категории гипержанров, так как микроблог, на наш взгляд, является многоуровневой коммуникативной ситуацией, представленной одноактным высказыванием в форме самого сообщения и подуровнем в форме реакций на текст микроблога, то есть комментариев к нему.

В поддержку данной точки зрения хотелось бы привести классификацию, предложенную П.В. Кошель. Автор также выделяет собственно интернет-жанр как отдельный речевой жанр, а понятие гипержанра заменяет макрожанром, который представляет собой «сочетание двух или более интернет-жанров, объединенных рамками одной речевой ситуации», и говорит о жанровой сочетаемости – способности «интернет-жанров в пределах единой речевой ситуации создавать между собой один макрожанр» [Кошель 2016].

Среди макрожанров П.В. Кошель выделяет две группы: гомогенные макрожанры (состоящие из одного вида жанров) и гетерогенные (включающие разные виды жанров, один из которых центральный, а другой (другие) – периферийные). Согласно такой классификации, микроблог является гетерогенным макрожанром, в котором сам текст микроблога представляет собой центральный жанр, а комментарии к нему – периферийный.

Автор выделяет также два типа жанровых связей: «горизонтальную» и «вертикальную». Два или более равноценных жанра в рамках одного макрожанра соединены горизонтальной связью. Нас же интересует вертикальная связь, реализуемая в многоуровневом макрожанре микроблога, состоящем из жанра записи в микроблоге и интернет-комментария, который занимает вторичную позицию по отношению к тексту микроблога. Текст микроблога, таким образом, составляет ядро макрожанрового единства. Однако, несмотря на тематически зависимое положение по отношению к центральному жанру, периферийный жанр играет немаловажную роль при определении типа жанра. Без интернет-комментария гетерогенный макрожанр микроблога становится гомогенным.

Центральный жанр, в свою очередь, несомненно, оказывает влияние на подчиненные ему периферийные интернет-жанры. Характер текста центрального жанра, в нашем случае, текста микроблога, влияет на объем,

структуру, особенности восприятия и понимания порождаемого «встречного текста»-комментария.

Итак, придерживаясь вышеупомянутой типологии интернет-жанров, микроблог можно отнести к гетерогенному макрожанру, являющемуся центральным жанром (представленным текстом микроблога) и связанному посредством вертикальной связи с периферийным жанром интернет-комментария.

Также следует отметить, что в вопросе классификации интернет-жанров необходимо учитывать, что среда интернет-коммуникации – одна из наиболее стремительно изменяющихся. С продвижением технологий меняется формат коммуникации. Приложения, используемые для общения и получения информации посредством сети, постоянно обновляются. По словам Л.А. Капанадзе, «жанры постоянно текут, следуют, переплетаются естественно и быстро» [Капанадзе 2005: 320]. Появляются новые форматы средств коммуникации, а, соответственно, и новые интернет жанры, которые, в свою очередь, могут стать периферийными или центральными, стать наджанровым образованием – макрожанром, или в сочетании с другими жанрами создать макрожанр. Поэтому вопрос о классификации интернет-жанров еще долго будет оставаться открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. С. 428-472.
2. Горошко Е.И., Жигалина, Е.А. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского [Текст]/ Е.И. Горошко Е.А. Жигалина. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Том 24 (63). – №1. – Ч.1. – С. 105-124.
3. Капанадзе Л.А. На границе письменного и устного текста: структура и тенденции развития электронных жанров [Текст]/ Л.А. Капанадзе// Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. – М., 2005. – С. 305-320.
4. Кошель П.В. Жанровая сочетаемость в интернет-коммуникации [Электронный ресурс]/ П.В. Кошель. – URL: http://tverlingua.ru/archive/036/06_36.pdf (Дата обращения: 06.02.2016).
5. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009. 477 с.
6. Рогачева, Н. Б. Новые приоритеты в русском Интернет-общении: на материале жанра блога // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Наука, 2007. Вып. 5. Жанры и культура. С. 389-403.

7. Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика [Текст] /К. Ф. Седов // Жанры речи: Сб. науч. статей. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – С. 23-40.
8. Селютин А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып.37. С. 138-141.
9. Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М.: Кранд, 2010. 296 с.
10. Якина Я.И. Процедуры смысловых интерпретаций рекламных слоганов// Перевод. Язык. Культура. 2018. С. 306-311.

© Титлова А.С., 2019 г.

УДК 81'42

А.Л. Фёдорова (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа)

НЕБОСЬ И НЕУЖЕЛИ КАК ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КОСВЕННОГО НЕОДОБРЕНИЯ

В статье рассматриваются семантические особенности дискурсивных маркеров косвенного неодобрения небось и неужели, используемых в русской коммуникативной культуре в речевой стратегии упрёка. На основе анализа художественных текстов проводится сравнение языковых реализаций стратегии упрёка в русской, немецкой и английской лингвокультурах.

Ключевые слова: дискурсивные маркеры, дискурсивные слова, частицы, косвенное неодобрение, упрёк

*The article presents semantic peculiarities of the Russian discourse words (discourse markers) *nebos'* and *neuzheli* used in the indirect speech act of reproach. Based on the fiction text analysis the article compares how the speech strategy of reproach is realized in the Russian, German and English communicative cultures.*

Key Words: discourse markers, discourse words, particles, indirect disapproval, reproach

Значимую роль среди констант коммуникативного поведения играют речевые стратегии и тактики, представляющие собой наиболее типичные для того или иного этносоциума рефлекс коммуникативных ситуаций. Речевая стратегия как характеристика когнитивного плана общения отвечает за поэтапное планирование, последовательный контроль и ситуативно гибкую реализацию комплексного речевого воздействия на партнера по коммуникации. Выбором речевой стратегии обуславливается

репертуар языковых средств воплощения в жизнь коммуникативных намерений общающихся.

Рассмотрение косвенного неодобрения в русле стратегического подхода позволяет выявить и описать многослойное «языковое полотно» данной коммуникативной ситуации, сотканное витиеватым переплетением чувственного и разумного, негативной этической оценки и позитивного личностного отношения к упрекаемому, эмоциональной реакции на проступок партнера и необходимости вуалирования эмоций средствами косвенного выражения. Упрек как одна из вариаций косвенного неодобрения обнаруживает такие отличительные свойства, как конструктивно-позитивная нацеленность, дружелюбность, справедливость и обоснованность, сниженная категоричность и эмоциональная сдержанность, а также семейность и неофициальность выносимой негативной оценки. Анализ оригинальных русских, немецких и английских текстов художественной литературы выявляет наиболее типичные тактики упрека, среди которых можно отметить вопрошающие и усовещивающие упреки, тактику контрастного противопоставления и тактику напоминания, упрек-совет и упрек-пожелание, упрек-предположение и упрек-предостережение, ироничные упрек-благодарность и упрек-извинение и др.

Каждая из ситуаций косвенного неодобрения проявляет особые языковые средства выражения истинной интенции говорящего, часть из которых можно охарактеризовать как универсальные, другие же обладают ярко выраженной лингвокультурной спецификой. Особое место в реализации речевой стратегии косвенного неодобрения в русском языке и культуре занимают так называемые «мелкие слова» (термин Л.В. Щербы), или дискурсивные маркеры. В настоящей статье рассматриваются наиболее часто встречающиеся в русской коммуникативной культуре дискурсивные маркеры косвенного неодобрения *небось* и *неужели*.

В семантике русского *небось* закреплены значения знания, уверенности, предположения говорящего. Адресатом, к которому обращено *небось*, является сам говорящий, в случае вынесения самооценки, или собеседник в ситуации косвенного неодобрения. *Небось* может употребляться как в утвердительных, так и в вопросительных предложениях. Однако для коммуникативной стратегии упрека наиболее характерна вопросительная форма, предполагающая утвердительный или отрицательный ответ собеседника, подтверждающий или опровергающий истинность слов говорящего. Восклицательные предложения со словом *небось* отличаются явным характером выносимой негативной оценки и могут рассматриваться как языковая реализация прямого осуждения. Основная сфера использования анализируемого дискурсивного маркера – устная речь, диалог. Исследователями подмечается, что «это слово

выражает не последовательно-логическое, а импульсивно-эмоциональное (эмоционально-волевое) отношение говорящего к предмету сообщения» (цит. по [Буданова 2002: 323]). А.Д. Шмелев так описывает своеобразие семантики данного слова в русском языке: «Используя слово *небось*, говорящий не просто высказывает гипотезу о ситуации, к непосредственному знанию о которой у него нет доступа. Гипотеза высказывается довольно уверенно, однако эта уверенность не на рациональных общих соображениях, (...) а на опыте, который приписывает себе говорящий» (цит. по [Зализняк, Падучева 2018: 640]). Прибегая к использованию «интимного» *небось*, говорящий демонстрирует свое знакомство с ситуациями подобного рода ('я знаю, как в таких случаях бывает') и высказывает предположение о чем-то ему близко знакомом.

1. – Ты чего там елозишь? – хрипло спросила из темноты бабушка. – В речке небось опять бродил? Ноги небось опять болят?
– Не-е, – откликнулся я, – сон приснился... [Астафьев 1975: 55]
2. – Тихомиров? Где же ты шатаешься, Алексей Ильич, а? Все небось коньячок пьешь, за московскими бабочками ударяешь? А тут отдувайся за тебя.
– А что случилось, Лев Дмитрич? – он уже понял, что случилось, и старался сдержать волнение, говорить спокойно: – Я ведь не пью, а что касается...
– Ладно, знаем, как вы не пьете! Все вы, понимаешь, не пьете!.. (...) [Роцин 1987: 403]

Отметим, что таким образом строятся как фамильярные, так и шуточные упреки. «Интимное» *небось* как специфичный показатель упрека-предположения в русском языке отражает, по словам Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, «задушевность» русского человека и одновременно общую установку на фамильярность, противоположную западноевропейскому представлению о неприкосновенности личной сферы [Булыгина, Шмелев 1997: 492].

В английском языке стандартным средством выражения упрека-предположения выступают расчлененные вопросы (tag questions), а также общие вопросы в отрицательной форме (negative questions) (см., например, [Alexander 1999: 255-258]).

1. "You'd let me go out in public looking like a fool, wouldn't you?" she said. [Russo 1998: 186]
2. "I'd rather Doctor Wing came again – I don't feel satisfied." "Aren't you trying to imagine it worse than it really is?"
"You would say so, of course. But I shall write a postcard to Doctor Wing now." [Lawrence 2000: 164]

В немецком языке аналогичным образом используются общие вопросы (Satzfragen) с нетипичным для данной группы вопросов прямым порядком слов. Дополнительным дискурсивным маркером неодобрения в данном случае могут выступать негативно-оценочные обращения к собеседнику, например: *Du willst auskneifen, du Grünschnabel, was? Du glaubst, du kannst das nicht mehr aushalten, hm? Da oben, wie? Du bildest dir ein, du hast schon genug mitgemacht, du kleiner Stift. Wie alt bist du denn, du verzagter Anfänger?* [Borchert 1999: 11]

«Мелкое слово» *неужели* традиционно рассматривается в лингвистике как вопросительная частица, так как, наряду с другими частичными словами, например, *ли*, *разве*, служит «для внесения в предложение вопросительного смысла» [Пешковский 2001: 356]. Синтаксической особенностью данного типа вопросов в русском языке является отсутствие вопросительного слова. Вместе с тем, семантика вопросительного предложения с *неужели* включает не только запрос необходимой информации (как правило, о возможности или способности, необходимости, желательности совершения того или иного поступка и т.п.), но и эмоционально-оценочные компоненты сомнения, удивления, недоумения, недоверия и сигнализирует тем самым о неодобрительном отношении говорящего к происходящему.

– *Че это тебе приспичило?*

Люся не ответила, шила.

– *На похороны, че ли, черное-то приготавлиешь?*

– *Не понимаю: неужели об этом обязательно надо спрашивать?*

– *А че я такого сказала?*

– *Ничего.* [Распутин 1986: 11]

Как показывает анализ практического материала, говорящий обычно прибегает к использованию дискурсивных маркеров *неужели*, *разве* в тех случаях, когда напрасными оказываются аргументы или увещевания и единственным действенным средством видится обращение к чувствам собеседника, прежде всего к чувствам жалости, сострадания. Это своего рода «проверка на прочность» близких, дружеских, по-семейному теплых взаимоотношений между общающимися, ср.: – *Сашенька, родной мой, ты о нас-то подумай.* – *Вера взяла мужа за руку.* – *Неужели тебе нас не жалко?* [Шукин 1984: 478]

В немецком и английском языках трудно найти эквивалент дискурсивным маркерам *неужели* и *разве* в ситуации косвенного неодобрения. Языковой формой выражения упрека выступают, как правило, вопросительные предложения, в которых говорящий, как и в русском языке, выражает эмоцию удивления или недоумения по поводу поведения собеседника и обращается к его чувствам: *Haben Sie ein Herz, Frau Kramer?* [Borchert 1999: 49] // “You don’t know how I love you,” she

gasped. "I can't live without you. Have you no pity for me?" [Maugham 2000: 83]

Коммуникативная ситуация неодобрения тесным образом связана со способностью индивида распознавать качество поступков, собственных или чужих, с внутренним пониманием добра и зла. Неудивительно в этой связи, что значительное место среди дискурсивных реализаций данной стратегии занимают усовещивающие упреки в форме вопроса с частицами *неужели* или *разве*. Тонкую грань между косвенным неодобрением и прямым осуждением создает эмоциональная атмосфера общения, а «роли субъекта и объекта определяют тональность всего процесса оценивания» [Самигуллина, Дмитриева 2016: 393].

1. *Пустите, аль место перележим? Неуж креста на вас нету?* [Шолохов 1987: 144]

2. – *Посмотри-ка, Михаил, – показала Люся, пружиня голос. (...)*

Неужели ты не видишь, на каких простынях лежит у нас мама? Они же черные. Их, наверное, целый год не меняли. Разве можно больному и старому человеку, твоей матери, спать на таких простынях? Как тебе только не стыдно? [Распутин 1986: 36-38]

В заключение следует подчеркнуть, что верная интерпретация в коммуникативной ситуации косвенного неодобрения требует особенно пристального внимания к дискурсивным маркерам, не только обеспечивающим связность текста, но и задающим вектор иллокутивной силы, кодирующим эмоционально-экспрессивный пласт и отвечающим за перлокутивный эффект в общении. Многозначность и полифункциональность дискурсивных слов предполагает обращение исследователя-интерпретатора к более широкому контексту, а высокая частотность мелких, но одновременно метких слов в современных текстах разных стилей и жанров объясняет повышенный интерес к их всестороннему изучению в отечественной и зарубежной лингвистике, что открывает новые горизонты в понимании не только языка, но и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев В.П. Где-то гремит война. Повести и рассказы. – М.: Современник, 1975. – 624 с.
2. Буданова Т.А. Дискурсивное слово небось: семантика и функционирование // Предложение и слово. 2-ая межд. науч. конф.: межвуз. сб. науч. трудов. Под общ. ред. Э.П. Кадькаловой. – 2002. – С. 319-323.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

4. Зализняк А.А., Падучева Е.В. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: пожалуй, никак, все-таки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2018. – Том 22. – № 3. – С. 628-652.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении: учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.
6. Распутин В.Г. Последний срок; Прощание с Матерой; Пожар; Повести. – М.: Сов. Россия, 1986. – 384 с.
7. Роцин М.М. Полоса: Повести, рассказы, статьи. – М.: Современник, 1987. – 558 с.
8. Самигуллина А.С., Дмитриева Д.Ю. Опыт параметризации оценочного значения // Актуальные вопросы университетской науки: сборник научных трудов. Вып. II. / отв. ред. В.П. Захаров. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 390-395.
9. Шолохов М.А. Из ранних рассказов. – М.: Современник, 1987. – 188 с.
10. Шукшин В.М. Рассказы. – М.: Художественная литература, 1984. – 495 с.
11. Alexander L.G. Longman English Grammar. – London and New York: Longman, 1999. – 374 p.
12. Borchert W. „Draußen vor der Tür“ und ausgewählte Erzählungen. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1999. – 215 S.
13. Lawrence D.H. England, my England Things // English story Английский рассказ XX века. Сб. 3. Сост. Н.А. Самуэльян. – М.: Издательство «Менеджер», 2000. – С. 140-198.
14. Maugham W.S. The Painted Veil. – М.: Издательство «Менеджер», 2000. – 272 p.
15. Russo R. Buoyancy // High Infidelity: 24 Great Short Stories About Adultery by Some of Our Best Contemporary Authors / ed. by J. McNally. – New York: Quill, 1998. – P. 177-200.

© Фёдорова А.Л., 2019 г.

УДК 159.9 + 81'23

ББК 88.3 + 81.002.3

С.В. Щербаков (к. псих. н., доц. БашГУ, г. Уфа)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ЖЕСТОВ

В статье рассматриваются психологические особенности понимания иллюстративных и метафорических жестов, описываются исследования, посвященные изучению роли мануальных жестов в процессе восполнения дефицита вербальной информации. Анализируется предложенная Д. Мак-Нилом гипотеза «точки роста» (growth point), согласно которой в основе мышления и понимания лежит тесная

взаимосвязь жестов и вербального дискурса. Описываются взаимосвязи между идеями Мак-Нила, когнитивной теории метафоры и концепцией перцептивно-символической системы, предложенной Л. Барсалу.

Ключевые слова: жест, иллюстратор, коммуникация, метафора, перцептивно-символическая система, точка роста

The article examines the psychological features of understanding illustrative and metaphorical gestures, describes studies on the role of manual gestures in the process of making up for the deficit of verbal information. The "growth point" hypothesis proposed by D. McNeil is analyzed, according to which thinking and understanding is based on a close relationship between gestures and verbal discourse. The relationship between McNeill's ideas, the cognitive theory of metaphor and the concept of the perceptive symbolic systems proposed by L. Barsalou is described.

Key words: gesture, illustrator, interpersonal communication, metaphor, perceptual symbol system, growth point

Как указывает Г. Ю. Крейдлин, термин жест восходит к латинскому слову «gestus», производному от латинского слова «gerere», означающего действовать, то есть делать, носить, нести ответственность, контролировать, выполнять, исполнять и др. Этот автор отмечает, что жесты, как и другие языковые единицы, по большей части являются символическими знаками. При помощи жестов, как и при помощи слов, можно выражать мысли и чувства, передавать идеи, мысли и эмоции. Аналогично словам и более крупным единицам языка, жесты способны выступать в разных контекстах и играть разные роли в коммуникативном акте [Крейдлин 2002].

Связанные с речью жесты, иногда называемые «иллюстраторами», прямо соотносятся с речью или сопровождают ее. Как отмечает Ю. В. Николаева, они являются наиболее обширной разновидностью жестов, направленных на передачу информации и выполняющих коммуникативную функцию [Николаева 2013]. Параллельное существование и взаимодействие языка тела и языка слов в коммуникативном акте позволяет высказать предположение о принципиальном сходстве психологических механизмов, лежащих в основе невербальной и вербальной коммуникации человека [Нэпп, Холл 2007].

Основываясь на тесной связи жестов и речи, американский психолог и кинесиолог Дэвид МакНил выдвинул и попытался обосновать интересную, хотя и весьма спорную гипотезу, по которой мануальные жесты являются компонентами мышления и понимания. Этот ученый проводил исследования, в которых испытуемые знакомились со слайдами

(виньетками), на которых изображались куклы, перемещавшиеся в пространстве в ходе взаимодействия с различными предметами окружающей среды

В экспериментах, проводимых под его руководством, сравнивались описания двух вариантов винеток, в которых куклы взаимодействовали с простыми объектами. Первый вариант предусматривал, чтобы словесному описанию сопутствовала жестикация, а второй вариант был беззвучным, и испытуемые могли использовать только жесты. В последнем случае обнаружилось, что у испытуемых появилась необходимость в использовании дополнительных жестов, восполняющих дефицит вербальных референций, а сами добавочные жесты интегрировались в дополнительные описания.

Например, один из участников исследования МакНила демонстрировал сцену, в которой кукла кувырывается в пепельнице. Испытуемый использовал две руки для создания круга (иллюстрация пепельницы), затем обозначил куклу с помощью указательного и большого пальцев правой руки. Далее он поднял вышеуказанные пальцы правой руки, покрутил ими и переместил их на место воображаемой пепельницы. В результате образовалась последовательность (предложение), состоящее из трех жестов, обозначающих соответственно стационарный объект, движущийся объект и само действие, обладающее своей семантикой.

Этот исследователь важное значение придает изучению так называемой точки роста (growth point). Точкой роста является минимальная единица идеи говорящего индивида, которая может превратиться в полное высказывание вместе с жестом. Содержание точки роста, как правило, является новым отходом мысли от предполагаемого фона [McNeil 2005].

Понятие точки роста объединяет изображение, слово и прагматичное содержание в единое целое. Мак-Нил, ссылаясь на работы Л. С. Выготского по связи между внутренней речью и мышлением, определяет точку роста как минимальную идею, как наиболее ранний момент между появлением высказывания, в котором объединяется зачатки подражательного жеста и вербальным выражением мысли. Он поддерживает идею Выготского о важной роли минимальной психологической единицы, сохраняющей качественные особенности целого [Выготский 1999]. При этом он указывает на процессуальный динамический характер возникновения мышления, связанного с сочетанием жестов и речи.

Для иллюстрации своих теоретических положений автор использует иллюстрации юмористических историй про Сильвестра и Твитти. Твитти сидит у окна в отеле, а Сильвестр хочет добраться до нее в кулинарных целях по водосточной трубе. На первом слайде он делает неудачную

попытку добраться наверх снаружи трубы, а на втором – изнутри трубы. Автор проводил сопоставительное исследование жестикуляции, которую делают группы испытуемых в обеих (внешней и внутренней) версиях. Он обнаружил, что характер сопутствующей жестовой синхронизации отражает специфику контекста.

МакНил, подчеркивая важнейшую роль жестов в механизмах понимания мышления, ссылается на идеи французского философа Мориса Мерло-Понти. Как известно, Мерло-Понти утверждал, что человеческий разум и тело всегда взаимосвязаны. Быть человеком – значит являться одновременно и разумом, и телом [Мерло-Понти 1992].

Идеи выдающегося философа повлияли не только на деятельность МакНила, но и на развитие современной когнитивной психологии. Напр., на важнейшую роль так называемого «воплощенного, телесно-ориентированного познания» указывает один из ведущих современных психологов Лоуренс Барсалу. Предлагая понятие «перцептивно-символической системы» (*perceptual symbol system*), Барсалу подчеркивает принципиально невербальную природу мышления и указывает на тесную связь перцептивно-когнитивных репрезентаций с моторикой. По мысли Барсалу телесные состояния не просто сопутствуют когнитивным проявлениям, а являются непосредственной причиной социально-когнитивных феноменов. Даже отдельные фрагменты ситуаций, включающих в себя экспрессивные элементы (жесты, позы, выражения лица) запускают ассоциативные механизмы, дополняющие воображаемую ситуацию до целостных социальных эпизодов [Barsalou, 2009].

Критикуя традиционные представления современной науки об амодальном характере когнитивных репрезентаций, Барсалу опирается на когнитивную теорию метафоры [Лакофф, Джонсон 2004]. В этой связи важную роль в мыслительных процессах играют метафорические жесты, служащие для отображения абстрактных идей и понятий [Волкова 2016; Cartmill and Goldin-Meadow 2016]. Напр., в ходе детального и последовательного анализа дискурса Алан Сьенки пришел к выводу о полимодальном «вербально-жестовом» характере используемых в ходе эксперимента метафор [Cienki 2008].

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова А. Я. Жестовые знаки в деструктивном общении // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал, 2013, 1(31). – С. 64-72.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 296 с.
3. Крейдлин Г. Ю. Невербальная семиотика. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

4. Лакофф Х. Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Мерло-Понти. Око и дух. – М.: Искусство, 1992. – 63 с.
6. Николаева Ю. В. Значение и функции жестов-иллюстраторов в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006». – М.: Изд-во РГГУ, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2409/nikolaeva.pdf> (дата обращения: 23.10.2019).
7. Нэпп М., Холл Дж. Невербальное общение. Полное руководство. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 512 с.
8. Barsalou L. W. Perceptual symbol systems // Behavioral and brain sciences, 1999, vol. 22. – P. 577-660.
9. Cartmill E. A. and Goldin-Meadow S. Gesture // APA handbook of nonverbal communication / D. Matsumoto, H. C. Hwang, and M. G. Frank (Editors-in-Chief). – Washington, DC: American Psychological Association, 2016. – P. 307-333.
10. Cienki A. What gestures reveal about the nature of metaphor // Metaphor and gesture / ed. by A. Cienki, C. Müller. – Amsterdam- Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. – P. 219-245.
11. Goldin-Meadow S. and Alibali M. W. Gesture's role in speaking, learning, and creating language // Annu. Rev. Psychol, 2013. Vol. 64 – P. 257-83.
12. McNeil D. Gesture and thought. – Chicago: The University of Chicago Press, 2005. – 318 p.

© Щербаков С.В., 2019 г.

УДК 80

Я.И. Якина (ст. преп. БашГУ, г. Уфа)

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ И ИКОННОГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОДУКТА В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ

В статье рассматриваются приемы использования аудиовизуальных и иконографических включений в англоязычных рекламных слоганах. Особое внимание уделяется сочетанию вербальных и невербальных компонентов, изобразительным средствам передачи информации, а также их взаимодействию, поскольку сочетание разнокодовых сообщений дополняют и поясняют друг друга.

Ключевые слова: аудиовизуальные и иконографические включения, рекламный слоган, креолизованный текст, код.

The article considers the methods of audiovisual and iconographic inclusions in English advertising slogans. Particular attention is paid to the combination of verbal and non-verbal components, the visual means of

transmitting information, as well as their interaction, since the combination of multi-code messages complement and explain each other.

Key words: *audiovisual and iconographic inclusions, advertising slogan, creolized text, code.*

В современной лингвистике создание креолизованных текстов стало обычным явлением для многих печатных средств массовой коммуникации, особенно в сфере рекламы. Поскольку изобразительный ряд оказывает значительное воздействие на сознание и воспринимается как нечто цельное с меньшим напряжением, чем вербальный текст, не подкрепленный картинкой, то он может обеспечить реципиенту наиболее благоприятные условия для восприятия текста. Учитывая характер и назначение текста, копирайтер может варьировать свое обращение к тем или иным средствам выражения. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект, поскольку сочетание разнокодовых сообщений дополняют и поясняют друг друга. Рекламное сообщение правомерно также рассматривать как социально и эстетически значимый текст с его цельностью, связностью его элементов и формально-содержательным единством. Кроме того, рекламное сообщение представляет собой семиотически неоднородный текст, включающий вербальную и визуальную информацию, что отражается в представлении рекламного сообщения как креолизованного текста.

Как отмечают исследователи, этот виток синтеза единиц разных семиотических систем был неизбежен. Он связан с обращением лингвистики к проблеме коммуникации в полном объеме, что и предполагает «синтез языковых средств общения с неязыковыми, исследование их организации в едином процессе и тексте как его результате» [Бернацкая 2000: 107].

Креолизованные тексты могут быть текстами с частичной креолизацией и с полной креолизацией. В первой группе вербальные и иконические компоненты вступают в автосемантические отношения, когда вербальная часть сравнительно автономна и изобразительные элементы текста оказываются факультативными. Большая спаянность, слияние компонентов обнаруживается в текстах с полной креолизацией, в которых между вербальным и иконическим компонентами устанавливаются синсемантические отношения: вербальный текст полностью зависит от изобразительного ряда, а изображение выступает в качестве облигаторного элемента текста [Елина 2010: 15]. Такая зависимость обычно наблюдается в рекламе.

Структура рекламного текста складывается из вербальных и невербальных компонентов. К невербальным компонентам относятся

изобразительно-графические: размер, цвет, звук, композиция и т.д. Они выполняют информативно-экспрессивную функцию, выступают в тесной взаимосвязи с вербальными компонентами – слоганом, названием предмета рекламы, коммуникативно-адресным сообщением, аргументами и основным блоком рекламы. Эти особенности креолизованного текста рекламы в широком смысле определяют необходимость при разговоре о ней держать в поле зрения многие компоненты произведения. Иногда смысл выражается не только вербальными знаками, но и изображением, звуками, внешними характеристиками участников рекламной коммуникации [Анищенко 2018: 37].

Контент рекламного слогана в целом можно считать символически организованным пространством, в котором копирайтер имеет дело со знаками различных семиотических систем. В данном пространстве интерпретатору приходится манипулировать предоставляемыми ему культурными смыслами, конвенциями, заданными в вербальной или невербальной форме [Елина 2010: 45].

Основная знаковая система в рекламном пространстве создается текстом и изображением, которые рассматриваются как два различных типа знаков: «визуальный» и «языковой». В визуальном знаке вслед за Р. Бартом выделяют два уровня сообщения: денотативный (уровень фактического сообщения, воспринимаемого органами чувств) и коннотативный (дополнительные смыслы, возникающие в конкретном идеологическом, культурном, эмоционально-ценностном контексте) [Барт 2003: 36]. Визуальный знак, как утверждает У. Эко, воспроизводит не сам объект, а некоторые условия его восприятия, которые затем превращаются в иконический знак. Выбор условий для образования знака определяется кодами узнавания. Существует множество иконических кодов, пользуясь которыми можно воспроизвести в сознании зрителя-интерпретатора любой предмет (штрихами, игрой светотени, цветовыми пятнами, обвести объект контурной линией и т.д.) [Эко 2016: 115].

При написании рекламных слоганов зачастую используются фрагменты из широко известных песен, зарифмованных стихов, изречений, образующих своего рода текстовые реминисценции. В целом, рифма призвана не только повышать запоминаемость, но и суггестивность текста рекламы. Ироническая фразеологизация также повышает запоминаемость и одновременно располагает адресата к некритическому восприятию рекламного продукта.

Просодическими признаками рекламного слогана являются интонационное оформление речи (от стихосложения до речевых нарушений типа дислексии), супraseгментные звуковые особенности, рассматриваемые с функциональной точки зрения.

Экспрессивность может достигаться за счет фонетических преобразований известной идиомы, что приращивает новый смысл к известному, который побуждает реципиента принимать ожидаемое решение. Данная техника основывается на принципе восприятия материала «от известного к неизвестному» в основе рифмующихся структур, создающих особую интонацию напористости и экспрессивности. Также она обеспечивает ритмико–интонационную сторону речи, связанную с ударением, высотой тона, длительностью, силой звука подачи или прочтения рекламного слогана [Якина 2018: 424].

Lick the lid of life. Muller (аллитерация)

More gobble, less wobble. Mattesons Turkey Rashers (смысловое противопоставление единиц в рамках анафоры)

Grace...space...pace. Jaguar car (ритмичная рифмовка элементов парцелляции)

Данная рекламная техника обеспечивает цель главным образом приковать внимание реципиента орфографическими или графическими особенностями оформления слогана (слогоделение, разбивка по слогам, написание с дефисом, изменение шрифта, использование заглавных букв, многократное повторение одной и той же буквы, использование графонов). Такое повышенное внимание к оформлению отдельного знака предполагает усиление значимости выделяемой лексической единицы (в том случае, когда в рекламном сообщении присутствует название самого бренда) или всего слогана и более глубокое и прочное проникновение в память адресата.

R–O–L–A–I–D–S spells Relief. Roluids

Piston engines go *boing*(x7). But the Mazda goes *hmmmmmmmm*. Mazda Milk's gotta lotta bottle. Milk Marketing Board

Итак, креолизованный текст определяется как особое лингвовизуальное явление, в котором словесные и иконические компоненты образуют одно визуальное целое, оказывающее комплексное прагматическое воздействие на реципиента. По нашему мнению, термин «креолизованный текст» неслучаен по отношению к рекламному дискурсу, поскольку он отражает сущностную природу и условие успешного функционирования рекламного сообщения. В целом в рекламном объекте ощутима диалогичность всех составляющих компонентов, функционирующих как единое целое и подчиненных главной цели: вызвать положительную реакцию покупателя и стимулировать его к приобретению рекламируемого товара или сделать популярным имидж фирмы и упрочить ее позиции на потребительском рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко А.А. Вербальная эмпатия как способ установления контакта / А.А. Анищенко // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С.35-40.
2. Барт Р. [Статьи по семиотике культуры](#) // пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. — М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 69 с.
3. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А.А. Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; Под редакцией А.П. Сковородникова. Вып. 3 (11). – Красноярск: Красноярский университет, 2000. – С. 104-110.
4. Елина Е.А. Семиотика рекламы. – М.: Русслит, 2010. – 254 с.
5. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / пер. О. Поповой-Пле. – М.: Академический проект, 2016. – 559 с.
6. Якина Я.И. Роль культурного кода в текстовом пространстве рекламного слогана / Я.И. Якина // Сопоставительно-типологический ракурс в исследовании разноструктурных языков. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 422-426.

© Якина Я.И., 2019 г.

УДК 81'42

Ю.С. Ясакова (асп. БашГУ, г. Уфа)

ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Статья рассматривает применение метода фрактального моделирования при изучении языковой игры в современном политическом дискурсе (на примере инаугурационной речи Дональда Трампа). Использование модели фрактального древа помогает увидеть глубинные смыслы выступления, распознать повторяющиеся элементы и скрытые манипулятивные приемы. В статье также даются основные теоретические определения, связанные с темой.

Ключевые слова: языковая игра, политический дискурс, фрактал, фрактальное древо, точка бифуркации, диссипация, синергетика.

The article studies the issue of language game in the political discourse with the help of the fractal modelling. Implementation of the fractal tree helps to observe deeper meanings in Donald Trump's inauguration speech, recognize repeated elements and covert manipulation. The article also gives the most

important theoretical definitions connected with this issue.

Key words: *language game, political discourse, fractal, fractal tree, bifurcation point, dissipation, synergetics.*

В последние годы наблюдается значительный рост синергетических исследований в лингвистике. Это связано со становлением новой научной парадигмы, предполагающей сближение точных и гуманитарных наук.

В ядре новой картины мира находится синергетика, которая понимается как взаимодействие и совместное действие. Она изучает системы, состоящие из большого множества подсистем и элементов, которые функционируют друг с другом.

Синергетические исследования в лингвистике возникли как результат ее давнего стремления занять свое место среди серьезных научных дисциплин и связаны с тем, что она продолжает впитывать в себя методологию точных наук.

Таким образом, лингвосинергетика возникла на стыке лингвистики, математики и информатики. Лингвосинергетика опирается на представление о языке как об открытой динамичной и самоорганизующейся системе. В изучении систем речи и языка исследователь старается найти скрытые механизмы самоорганизации систем языка и речи. Лингвосинергетические исследования являются актуальными на данный момент, поскольку они дают возможность по-новому исследовать язык и процессы, происходящие в языке.

В настоящее время в целом ряде работ развивается идея того, что дискурс может быть организован по фрактальному принципу, а современная научная парадигма рассматривает дискурс как нелинейную, открытую и динамичную систему, организованную по принципам самоорганизующихся системы. Дискурс является речемыслительным процессом, объединяющим общение, языковое поведение и собственно речь. Он проявляется в некотором количестве текстов, которые имеют общие когнитивные стратегии порождения и понимания речи. С ними согласуется внутренняя организация текста. Объектом лингвистического анализа в дискурсе является текст и социокультурная информация. Следовательно, при моделировании посредством фрактального метода возможно изучение связей языка и мышления, которые остаются незамеченными при использовании других методов лингвистики.

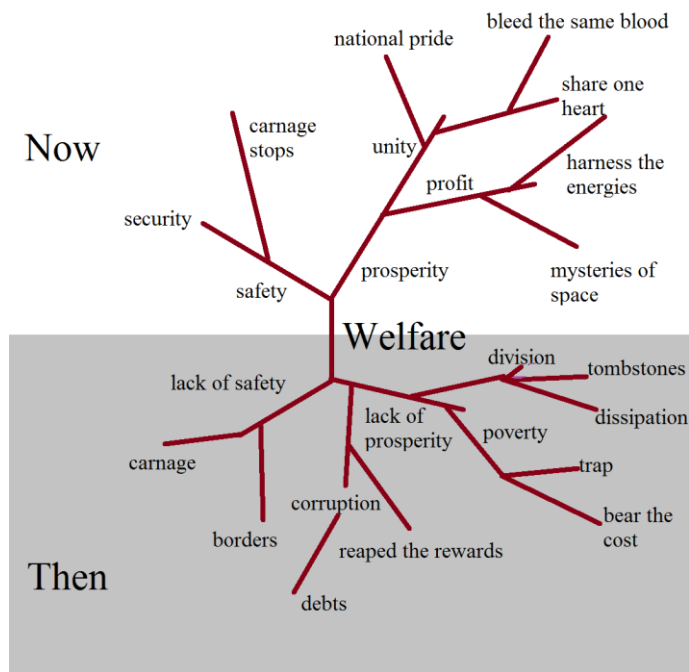
Одним из наиболее распространенных явлений в современном американском политическом дискурсе является языковая игра, которая понимается как такой тип речевого поведения адресата, когда системные отношения языка целенаправленно нарушаются. Таким образом, возникают неканонические языковые структуры или формы, имеющие экспрессивное значение и вызывающие у адресанта эстетический эффект.

По мнению исследователей, дискурс концентрируется вокруг опорного концепта, одним из которых в рамках американского политического дискурса является концепт «welfare/благосостояние». Проиллюстрируем фрактальную самоорганизацию концепта «welfare» на примере инаугурационной речи Дональда Трампа 20 января 2017 года (рис.1).

Исследователи выделяют следующие виды фрактальной самоорганизации: спираль, ризома, концентрические круги и древо [Олизько 2009: 89]. В данном случае предлагается использовать фрактальную модель «древа».

Рисунок 1

Реализация концепта «welfare» по модели «древо»

Фрактальная модель «древо» позволяет проиллюстрировать развитие смысла таким образом, что из единого начала (смыслообразующего концепта) развиваются ветви, связанные с предыдущими. Каждое симметрично-асимметричное ветвление смысловых компонентов является одним из потенциальных вариантов развития системы политического дискурса, чутко реагирующим на смысловые воздействия внешней среды, но сохраняющим при этом модель развития системы.

Помимо надземной части фрактального дерева, где направление движения смысловых компонентов идет от ядра к периферии, может существовать также и подземная часть, где смысловые компоненты двигаются от периферийной области к ядру концепта, сопровождаясь при этом диссипацией некоторых смысловых компонентов. Подземная часть дерева почти зеркально отражает надземную часть и позволяет более полно рассмотреть смысловое развитие системы политического дискурса.

Данное выступление Дональда Трампа связано с его вступлением в должность Президента США, поэтому в своей речи он во многом противопоставлял прошлое страны («then») и будущее, в которое она вступает в день его инаугурации («now»).

Смысловые компоненты в данном случае почти зеркально отражают друг друга. Движение системы начинается от разбросанных в подземной части компонентов *debts*, *borders*, *cost*, а также метафорически выраженных компонентов *dissipation*, *tombstones*, *trap*, *carnage* к аттракторам, которые являются основными компонентами концепта «welfare». В данном случае, так как мы двигаемся из темного и тяжёлого прошлого, то ими будут являться антиподы основных компонентов:

Prosperity —————> lack of prosperity;

Safety —————> lack of safety;

Unity —————> division.

Именно эти три компонента наиболее ярко проявляются в политическом дискурсе, в частности, в данном выступлении Дональда Трампа:

Strength and confidence of our country has dissipated over the horizon;

Rusted out factories scattered like tombstones across the landscape of our nation;

People have borne the cost.

В своем выступлении Дональд Трамп называет фабрики ржавыми и сравнивает их с могилами, разбросанными по стране. Это говорит о смерти промышленности, которую необходимо возродить.

Слово *scattered* имплицитно подразумевает не только разбросанность различных производств по стране, но также разрозненность людей. Это приводит нас к одному из локальных концептов – отсутствию общности, разделению общества (division).

Он говорит о том, что люди несут расходы, они находятся в ловушке долгов (trap), а сила и уверенность страны растворилась в воздухе. На другой ветви мы видим коррупцию (corruption) и долги (debts), в которые ввергли страну предыдущий лидер и его последователи, в то время, как они пожинали плоды и забирали себе все награды:

...a small group in our nation's capital has reaped the rewards of government;

...an education system flush with cash.

Все это приводит к бедности (poverty) и в дальнейшем к отсутствию процветания (lack of prosperity).

Еще одним локальным концептом, к которому привлекаются смысловые компоненты, является отсутствие безопасности (lack of safety). Как и в своей предвыборной кампании, Дональд Трамп продолжает говорить о границах страны, о терроризме, о соперниках и о кровопролитии, к которому привела предыдущая власть:

This American carnage.

Таким образом, Д. Трамп манипулирует мнением аудитории, дискредитируя предыдущую власть, противопоставляя ее будущему успеху.

В надземной части древа основными аттракторами будут являться понятия, в политическом дискурсе напрямую связанные с благосостоянием: safety (безопасность от внешних угроз), prosperity (процветание) и unity (разделение общих интересов и ценностей).

Смысловое развитие локального концепта safety осуществляется через обещание прекратить кровопролитие:

This American carnage stops right here and stops right now.

От ветви prosperity отходит две ассиметричные ветви смысловых компонентов: unity и profit.

Процветание связано с прибылью, поэтому Дональд Трамп использует прием градации, чтобы показать, что будет с промышленностью страны завтра:

Unlock the mysteries of space;

Free the earth from the miseries of disease;

Harness the energies, industries and technologies of tomorrow.

Это зеркально отражает разрозненность ржавых фабрик, представленных в подземной части модели.

С другой стороны, процветание приводит к единению нации в стремлении к общему благу:

We share one heart, one home, and one glorious destiny;

A new national pride will stir ourselves, lift our sights and heal our divisions;

Whether we are black or brown or white, we all bleed the same red blood of patriots.

Трамп утверждает, что сделать Америку снова великой может только разделение общих взглядов и ценностей, единение всех жителей независимо от расы, пола и политической партии. Именно поэтому на самой верхней ветви фрактального древа расположен локальный концепт «unity».

Таким образом, на начальном этапе мы можем увидеть разделение

древа на подземную и надземную части, системы которых самоорганизуются относительно основного концепта «welfare». На первом этапе, каждая из двух частей древа разделяется на две части prosperity и safety, а также lack of prosperity, lack of safety. В дальнейшем, реципиент понимает, что процветание («prosperity») состоит из сплоченности («unity») и дохода («profit»), в то время в подземной части «произрастают» новые, противоположные надземным, «ветви»: «бедность» и «разделение». Дональд Трамп дает своим избирателям обещание изменить страну.

Таким образом, представляется возможным использование фрактального метода при исследовании языковой игры в политическом дискурсе. Использование данного метода позволяет раскрыть глубинные смысловые структуры, заложенные политиками в свои речи, что, в свою очередь, помогает правильно выстраивать политическую коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.
2. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 344 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Олизько Н. С. Интердискурсивность постмодернистского письма (на материале творчества Дж. Барта): монография. – Челябинск: Фотохудожник, 2009. – 162 с.
5. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. – 343 с.
6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (Общие проблемы, метафора): учеб. пособие. – Екатеринбург: Урал.гуманит.ин-т, 2003. – 194 с.
7. Inaugural address: Trump's full speech // CNN 21.01.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2017/01/20/politics/trump-inaugural-address> (дата обращения: 15.10.2019).

© Ясакова Ю.С., 2019 г.

**СЕКЦИЯ 2. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА,
СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ**

УДК 811.133.1.

З.А. Абдюкова (к.ф.н., доц. БашГУ, г.Уфа)

**ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ФРЕЙМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКЕ: ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
НЕПРОСТРАНСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ**

В статье рассматривается проблема структурирования категории пространства в языке. Предлагается краткий анализ особенностей активации объемно-пространственного фрейма в отдельных случаях метафоризации концепта «вместилище» во французском языке.

Ключевые слова: Лингвокогнитивная модель пространства, объемное пространство, локализатор-вместилище, объемно-пространственный фрейм, темпоральный фрейм

The present article is focused on spatial structuring problems in language. It offers a brief analysis of peculiarities of volume space frame activation in the French language in some cases of metaphorization of concept «container».

Key words: Linguistic-cognitive model of space Volumetric space Localizer-container Volume space frame Temporal frame

Одной из ключевых характеристик пространства является его способность выступать в качестве вместилища, то есть пространство обладает объемом.

В качестве вместилища для франкоговорящих лиц, как и для всех остальных людей, выступают, прежде всего, те предметы, которые созданы человеком для подобных целей, то есть для того, чтобы содержать в себе другие предметы или субстанции.

В данной же статье остановимся на метафорическом осмыслении объемного пространства

Прежде всего отметим, что мы опираемся на понятия “вместилищных метафор” Дж.Лакоффа и М.Джонсона, посредством которых люди понимают события и их результаты в терминах физического состояния содержания чего-либо внутри себя [Ср., Lakoff G. and Johnson M. 1980]. Говоря иначе, человек также рассматривается в качестве вместилища. Для франкоязычной когнитивной системы этот феномен особенно характерен.

Объемно-пространственный фрейм активируется в большинстве случаев, когда речь заходит о человеческих чувствах, переживаниях или душевном состоянии. При этом возможны два случая метафоризации: либо

сам человек вмещает эти чувства и переживания, либо он погружается в них, то есть в качестве вместилища выступают сами чувства или состояния.

Первый случай – случай, когда сам человек рассматривается как своего рода “контейнер”, в свою очередь, может распадаться на два возможных варианта:

- человек рассматривается, прежде всего, как носитель души, разума, сердца, и именно там и “живут” его ощущения, таким образом, человек выступает в качестве вместилища с двух сторон: во -первых, посредством того, что обладает (здесь *обладает* – значит, содержит в себе) душой, разумом, сердцем и т.д., а во-вторых, способностью этих органов вмещать разнообразные чувства;

- человек рассматривается в качестве единой неделимой сущности, то есть чувства помещаются непосредственно в нем, как во вместилище.

Трудно сделать однозначный вывод о том, какая концептуализация человека является преобладающей, что, впрочем, не имеет решающего значения - и в том, и в другом случае происходит активация одного и того же объемно- пространственного фрейма, различия существуют исключительно на уровнях заполнения его терминалов. Можно, однако, сделать вывод о том, что в языковом выражении будут наблюдаться различия в употреблении предлогов, в зависимости от первого или второго типа концептуализации понятия “человек как вместилище”. Так, для первого случая характерно употребление предлога **dans**, в то время как для второго – предлога **en**.

“Elle était si fantastiquement heureuse dans son coeur et dans son corps qu’elle lui eût, peut-être, offert une part de ce festin, sans que ce dernier fût pour cela entamé ou souillé [Barjavel 1998: 35].

“C’est la forme qu’a prise en toi la rancune” [Maurois 1975: 44].

Объединяющим моментом выступает тот факт, что и в том, и в другом случае для указания на возможность положения **вне** “человека-вместилища” указывается при активации объемно-пространственного фрейма, содержащего в языковом выражении предлог *hors*, исключающий возможность судить о подобных нюансах восприятия без дополнительного уточняющего знания ситуации сообщения:

“La vérité jaillit hors d’elle-même comme, d’une ampoule, la lumière” [Barjavel 1998: 34].

“Le colonel, frémissant, se leva et tenta d’écarter de lui cette femme hors d’elle-même” [Maurois 1975: 149].

Второй случай метафоризации понятия “вместилище” – тот, когда человек “помещается” или погружается в определенные чувства, состояния, настроения и т.д. Например:

“Je ne peux pas te laisser dans l’ennui” [Druon 1964: 62].

“J’écris dans la joie, dans l’abondance”[Maurois 1975: 93].

В первом, равно как и во втором примерах такие чувства как *ennui*(печаль), *joie*(радость), *abundance* (изобилие, достаток) воспринимаются как всеобъемлющие, доминирующие в данной ситуации, человек поглощен ими, он заключен внутри их рамок.

Продолжая тему наделения пространственными характеристиками понятий, не несущих в себе прямого пространственного значения остановимся на некоторых, наиболее интересных с данной точки зрения моментах. Так, в качестве объемного пространства для франкоговорящих субъектов видится такое ключевое понятие как *жизнь*.

“A Caen, Laure serait à sa place, dans la vraie vie, pas comme ici dans un décor qui ne lui allait pas” [Courtade 1981: 294].

Нам кажется очевидным, что такое осмысление жизни вполне объяснимо с той точки зрения, что человеческая жизнь, равно как и сам человек, также вмещает в себе разнообразные события, чувства и т.д. Недаром, подобно всякому вместилищу, для субъектов, говорящих на различных языках, в частности на французском и русском, она может быть наполненной или “полной”, а может быть “пустой”. Так, во французском языке существует такое устойчивое словосочетание как *une vie pleine* – полнокровная (содержательная) жизнь, а для русскоговорящего субъекта вполне понятно и привычно выражение “пустой человек” – здесь “пустой” означает “несерьезный, духовно ограниченный”.

Объемно-пространственный фрейм выступает на первый план и тогда, когда речь идет об определенных этапах человеческой жизни, таких как детство, юность, старость и т.д.

“Parce que, dans ta jeunesse, tu as été humiliée par des parents maladroits, tu demandes à la vie des revanches”[Maurois 1975: 42].

“Dans le cours d’une vie humaine se présentent quelques rares moments où tout se décide, pour longtemps”[Ibid: 165].

Мы не случайно приводим здесь именно эти примеры. Если рассмотреть их более внимательно, то из первого можно сделать вывод о том, что, будучи ограниченными по своей сути, то есть изначально призванные уточнять определенные возрастные рамки, периоды жизни обладают временными характеристиками. Второй же пример прямо подводит нас к мысли о том, что в качестве объемного пространства мыслится такая ключевая категория, как время.

Мы полагаем, что нередко пространственные отношения выступают в качестве базисных при выражении темпоральных отношений, что находит свое отражение в языке. При этом во франкоязычной когнитивной системе время мыслится, чаще всего, в терминах пространства, обладающего объемом. Например:

“Les convives de Léon Laurent, charmés, exaltés, vaincus, avaient l’impression de vivre, hors du temps, une heure enchantée” [Maurois 1975: 118].

Мы также считаем, что такие понятия, служащие для представления временной ограниченности как час, сутки, неделя, месяц, год и т.д. представляются для франкоговорящих субъектов, как обладающие способностью вмещать в себя как другие отрезки времени (в сутках – 24 часа, в неделе – семь дней и т.д.), так и события, действия, самих субъектов, совершающих эти действия и пр. К тому же, как показывает практика, во французском языке такие временные понятия прямо определяются через понятие пространства. Например:

- “**Heure.** *n. f.* • 1. Espace de temps égal à la vingt-quatrième partie du jour solaire” [Micro-Robert 1987: 523];
- “**2. Jour.** *n. m.* • 1. Espace de temps entre le lever et le coucher du soleil” [Ibid: 590];
- “**Mois.** *n. m.* • 2. Espace de temps égale à trente jours” [Ibid: 678].

Очевидно, что ключевым в определениях выступает термин *espace*, понимаемый как пространство вообще или отдельный его участок, промежуток. Этот факт подтверждает справедливость точки зрения Е.В.Падучевой, которая полагает, что «в принципе, любое обозначение отрезка времени может иметь, помимо собственного значения, метонимическое значение отрезка реальности, занимающего определенное положение в пространстве» [Падучева 2000: 240].

В нижеприведенных высказываниях, таким образом, активируется объемно-пространственный фрейм.

“Il lui demande de rappeler d’Algérie et de mettre à sa disposition dans les quarante-huit heures un commando de parachutistes” [Barjavel 1998: 46].

“Fabert ne travaillait pas souvent; il faisait, chaque année, une seule pièce et l’achevait en trois ou quatre semaines” [Maurois 1975: 115].

“Ménétrier, si vous n’avez pas écrit cette pièce dans un mois, vous n’êtes pas digne du théâtre” [Ibid: 13].

“Mes sentiments pour lui, dans les dernières années, furent plutôt ceux d’une mère indulgente que ceux d’une femme amoureuse” [Ibid: 46].

Вместе с тем, существует также такая точка зрения, что в случаях, аналогичных процитированным выше, мы имеем дело с темпорально-пространственным фреймом [Ср., Хайруллин 1997]. Полагаем, что это не противоречит нашей теории, согласно которой, отдельные случаи активации объемно-пространственного фрейма позволяют относить его, подобно любому из пространственных фреймов, к четвертой, выделенной нами в рамках лингвокогнитивной модели пространства, особой группе фреймов, описывающих через термины пространства непространственные понятия и отношения [Ср., Абдюкова 2016]. Следовательно, мы считаем возможным рассматривать темпорально-пространственный фрейм как

аналог объемно-пространственного фрейма, входящего в четвертую группу.

Отметим, что время суток во франкоязычной когнитивной системе также может мыслиться в терминах пространства, но тут есть ряд особенностей.

При упоминании о *ночи(nuit)* в сознании франкоговорящих рецепторов происходит активация объемно-пространственного фрейма, что также находит свое выражение в использовании языковых конструкций с предлогом *dans*.

“Comme il a l’air triste, ce gros monsieur, dans la nuit...” [Modiano 1982: 132].

Что касается остального времени суток, то, за редким исключением, таким, например, как:

“Dans l’après-midi, le vent tomba un peu” [Maurois 1975: 148],

при указании на *утро(matin)*, *день (journée, jour)* или *вечер(soir)* франкоговорящий субъект воспользуется не пространственным, а темпоральным фреймом. Причем в высказывании при активации таких темпоральных фреймов во французском языке будут использоваться, как правило, беспредложные конструкции:

“Un soir, dans un restaurant, il mourut d’un infarctus” [Modiano 1982: 153].

Однако, когда *вечер* понимается как *званный ужин, вечеринка(soirée)* французы видят его как некий ограниченный тесный круг гостей в замкнутом объемном пространстве:

“Dans une soirée comme celle-ci où vous avez tous rappelé très gentiment mon oeuvre, où j’ai essayé de vous répondre, comment ne verrait-il pas qu’il n’y a rien à dire à lui?” [Maurois 1975: 88].

Здесь же уместно будет указать на аналогичное видение всякого рода увеселительных заведений, домашних салонов и т.п.

“Dès que l’un des nous pénétrait dans un salon nouveau, il y faisait un éloge si vif des quatre autres qu’on le priait de les y amener” [Ibid: .85].

“Souvent, par conscience professionnelle, il apparaissait dans les boîtes de nuit, revêtu de son ancien uniforme” [Modiano 1982: 155].

Возвращаясь к особому представлению о темном времени суток, то есть об интерпретации понятия *ночь*, нельзя не заметить, что иногда при указании на него в памяти франкоговорящего субъекта также всплывает не объемно-пространственный, а темпоральный фрейм:

“La nuit, je fus poursuivie par la vision de la toile inachevée” [Fleutiaux 1982: 232];

“La nuit, au fond d’un cauchemar, je pleurait pour Hector” [Ibid: 233].

На наш взгляд, такое различие может быть истолковано следующим образом. Если для русскоговорящего субъекта *ночь* – “часть суток от

захода до восхода солнца, от вечера до утра // Темнота, мрак во время этой части суток” [Словарь русского языка, т.2: 512], а для англоговорящего индивида *night* - “1 the period of darkness from dusk to dawn caused by the earth’s daily rotation 2 an evening characterized by a specified event or activity 3a darkness b a state of affliction, ignorance, or obscurity” [The Penguin Pocket English Dictionary: 594], то в понятие *nuit* вкладывается следующее содержание: “I. Obscurité résultant de la rotation de la Terre sur la moitié qui n’est pas exposé aux rayons solaires. II. (Temps où il fait noir). Espace de temps qui s’écoule depuis le coucher jusqu’au lever du soleil” [Micro-Robert 1987: 717]. Несмотря на то, что французская словарная статья не отражает тех нюансов, что указаны в английской интерпретации, мы считаем, что и для франкоязычной когнитивной системы характерна такая концептуализация *nuit*, когда имеется в виду не только темное время суток, но и то, с чем оно ассоциируется в сознании говорящего, а именно, с темными сторонами человеческой души, с неясным пониманием определенных событий, с неизвестностью, “заполняющей” ночь. Когда речь заходит о таком видении данного концепта, и происходит активация объемно-пространственного фрейма, что убедительно иллюстрирует следующий пример:

“Nous en sommes sûrs car, comme dit l’évangéliste – tout homme dans sa nuit s’en va vers sa lumière” [Modiano 1982: 152].

Вышеприведенный анализ языкового материала позволяет нам сделать следующий вывод. Объемно-пространственный фрейм как представитель четвертой группы фреймов может иметь практически неограниченное число вариантов своей активации, поскольку в качестве вместилища для отдельных франкоговорящих субъектов могут выступать самые разнообразные сущности. Здесь мы имеем в виду, во-первых, тот факт, что всякий фрейм состоит из ограниченного количества частей и отношений, позволяющих ему структурировать неограниченное множество образов, событий, восприятий; а во-вторых, все фреймы постигаются людьми в процессе когнитивного развития и меняются под воздействием приобретаемого опыта и новой информации. Насколько может быть уникальным и индивидуальным когнитивное развитие, настолько возможны варианты метафоризации понятия пространства вообще и пространства как вместилища, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдюкова З.А. Лингвокогнитивная модель пространства // Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения первого ректора БашГУ Шайхуллы Хабибулловича Чанбарисова: в 2 частях. – Уфа, 2016. – С.138-146.

2. Падучева Е.В. Пространство в облиии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка: Языки пространств / Ред. Арутюнов Н., Левонтин И.; РАН.Ин-т языкознания. – М.: Языки рус.культуры, 2000. – С. 239-254.
3. Хайруллин В.И. Перевод и когнитология. – Уфа, 1997. – 80 с.
4. Lakoff G. and Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
5. Barjavel 1998: R. Le grand secret. – Paris: Presses de la Cité, 1998. – 384 p.
6. Courtade 1981: P. La fin de l'Italie // Современная французская новелла XX века: Сборник / Сост. Т. Балашов. На франц. яз. – М.: Прогресс, 1981. – P.288–304.
7. Druon M. Les grandes familles. – Paris: Calmann – Lévy, 1964. – 384 p.
8. Fleutiaux 1982: P. L'Histoire du tableau // Французская повесть – 70-е годы: Сборник / Сост. Н.Ф. Ржевская. – М.: Радуга, 1982. На франц.яз. – P.210–338.
9. Maurois A. Nouvelles. – Л.: Просвещение, 1975. – 184 с.
10. Modiano P. Les boulevards de ceinture // Французская повесть – 70-е годы: Сборник / Сост. Н.Ф. Ржевская. – М.: Радуга, 1982. На франц.яз. – P. 123-209.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
12. Micro-Robert. Dictionnaire du français primordial. – Paris: Le Robert, 1987. – 1211 p.
13. The Penguin Pocket English Dictionary. Second Edition. – London: Penguin Books in association with Longman Group Limited, 1985. – 1066 p.

© Абдюкова З.А., 2019 г.

УДК 811.511.15

**Л.А. Абукаева (д.ф.н., доц. МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола)**

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ЮМО ‘БОГ’

Статья посвящена анализу представления базового для марийской лингвокультуры концепта юмо ‘бог’ в пословицах, поговорках, загадках и фразеологизмах. Специфика концепта определяется особенностями марийской традиционной религии. Паремии с компонентом юмо ‘бог’ демонстрируют также следы марийско-русских и марийско-тюркских культурных и языковых контактов.

Ключевые слова: концепт, паремии, языковая картина мира мари

*The article is devoted to the analysis of the presentation of the basic concept for the Mari linguistic culture of *jumo* 'god' in proverbs, sayings, riddles and phraseological units. The specificity of the concept is determined by the characteristics of the Mari traditional religion. Proverbs with the *jumo* 'god' component also show traces of Mari-Russian and Mari-Turkic cultural and linguistic contacts.*

Key Words: concept, paremias, linguistic picture of the world of Mari

При работе с паремиологическим фондом необходимо учитывать, что культурные коды, заложенные в пословицах, поговорках, фразеологизмах, не всегда доступны для понимания носителями иной культуры, если переводчик работает лишь с их эквивалентами. Буквальный перевод в некоторых случаях также не может дать ясного представления о картине мира, отраженной в паремиях. Поэтому важно обращаться к культурно-фондовой информации. Данная статья посвящена анализу представления базового для марийской лингвокультуры концепта *юмо* 'бог' в пословицах, поговорках, загадках и фразеологизмах. Материалы исследования были взяты из десятитомного словаря марийского языка, словаря марийских пословиц А.Е. Китикова, фразеологического словаря марийского языка Ф.Т. Грачевой, а также из картотеки автора статьи.

В марийском языке слово *юмо* (горномарийское *йымы*) является многозначным: 1. *рел.* бог; верховное существо, управляющее миром, или одно из таких существ. *Мланде юмо* бог земли; *сандалык юмо* бог вселенной; *кугу юмо* всевышний (букв. великий бог); *изирак юмо* малый бог; *пұрышб юмо* бог-предопределитель; *кұдырчб юмо* бог грома. 2. перен. небо; видимая над землёй атмосфера. *Юмышто шұдыр пешак шуко.* <...>. В небе очень много звёзд. 3. в поз. опр. божий, бога; относящийся к богу, связанный с богом; божественный, религиозный. *Юмо йұла* религиозные традиции. 4. межд. боже, бог мой, боже мой; выражает удивление, восхищение, негодование, огорчение и т.д. [Словарь 2002: 174]. В словаре В.И. Вершинина «Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь)» даны также следующие значения слова *юмо*: бог, воздушное пространство, небо, свет, рассвет, время, сезон [Вершинин 2018: 726].

Согласно основам марийской традиционной религии, *Ош Поро Кузу Юмо* 'Светлый Всемиловитый Великий Бог' – бог всемогущий, вездесущий, всеправедный и вечный. Он проявляет себя в материальном и в духовном облики, имеет девять божеств-ипостасей. *Туня юмо* (Бог светлого мира), *Илян юмо* (Животворящий Бог) и *Агавайрем юмо* (Бог творческой энергии) даруют спокойствие, процветание и энергию.

Пұрышō юмо (Бог судьбы и предопределения жизни), *Кугу серлагыш* (Всемилолюбивый Бог) и *Мер юмо* (Бог согласия, примирения) наделяют людей милостью, праведностью и согласием. *Шочынава* (Богиня рождения), *Мланде ава* (Богиня земли) и *Перке ава* (Богиня изобилия) являют себя во всеблагодати, возрождении и неиссякаемости жизни [Справка].

В пословицах, поговорках, загадках, фразеологизмах мари функционируют компоненты *юмо* ‘бог’ и *пұрышō* ‘предопределятель’. Компонент *пұрышō* употребляется лишь в составе междометного фразеологизма *юмашне-пұрышашне* ‘упаси (сохрани) боже, упаси (сохрани) предопределятель’.

Анализируемый концепт, согласно классификации М.В. Пименовой, является базовым, т.е. фундаментальным, определяющим картину мира, и относится к разряду социальных, а именно религиозных концептов [Пименова 2013: 129].

Такой функционально значимый для марийской лингвокультуры признак концепта, как милость бога отображает пословица *юмо йōнан* ‘бог милостив (букв. бог с пользой / с возможностью)’. Это редуцированный вариант пословицы *комбо – мамыкан, юмо – йōнан* ‘гусь с пухом, бог с милостью’, которая указывает на то, что из любой ситуации, какой бы трудной она ни была, можно найти выход. Первую часть пословицы следует прокомментировать: гусь приносится марийцами в дар богам при проведении молений. В эту же группу следует отнести идиоматические выражения *юмо серлаге* ‘господи помилуй; храни боже’; *юмо саклыже (сакле)* ‘господи помилуй (букв. бог пусть бережет (боже сохрани))’, которые функционируют как междометные восклицания, выражающие опасения по поводу нежелательных событий.

Признаки денотата «всемогущий, вездесущий» находят свое выражение в идиомах *юмо ужеш* ‘бог видит’; *юмо (гына) пала (шинча)* ‘(только) бог ведает / знает’; *юмо налын* ‘бог взял’. Последнее устойчивое выражение является эвфемизмом, возникшим в результате табуирования слов тематической группы «смерть». К эвфемизмам этой же группы относится выражение *юмо дек каен* ‘ушел к богу’. Признак, указывающий на всемогущество *Юмо*, передается также пословицей *Юмо ок пұрō гын, кокшат ок шоч* ‘Если богом не суждено, даже чирей не выскочит’.

Согласно воззрениям мари, у *Ош Поро Кугу Юмо* всего в изобилии, отсюда и пословица *Юмо пуа гын, кұсын ок пу* ‘если бог дает, то дает не взаимы’.

Устойчивое сочетание *Юмо (юмын) ончылно* ‘ей богу (букв. перед богом)’ используется для выражения уверения в целях убеждения собеседника. В мировоззренческой системе марийцев закрепились клятвы: *Юмо – кинде* ‘Бог – хлеб’. Обычай клясться на хлебе есть и у татар

[Абукаева 2018: 115]. Одним из проявлений марийско-тюркских культурно-исторических и языковых контактов является пословица *Юмын малымыж годым шайтан кузе ок шаяре* ‘Когда бог спит, как не бесноваться шайтану’.

Пословица *Тулыкым чаманет гын, Юмо ок кудалте* [Китиков 1991: 252] ‘Пожалеешь сироту – Бог тебя не оставит’ поощряет проявление милосердия.

В пословицах *ача-ава кумыл – юмын кумыл* ‘воля родителей – божья воля’, *икшывын кумыл – юмын кумыл* ‘желание ребенка – желание бога’ выражение *юмын кумыл* ‘желание / воля бога’ используется в значении «высшее, непреложное».

Бог в марийских пословицах представляется как начало, которое выше смерти. Так, в пословице отмечается: *азырен юмо деч изи, кугыжа деч кугу* ‘смерть младше бога, старше царя’. Персонаж марийской мифологии *азырен* – дух смерти, посланник владыки загробного мира.

Пословица *юмын кылымдым кучаши* имеет значение ‘добиться желаемого результата, достичь заветной цели (букв. держать божий стержень)’. Человека, достигшего вершин духовного служения, называют *юмын кылымде кучышо* ‘державший божий стержень’.

Пословица *Аралалтышым юмыжат арала* ‘береженного бог бережет’ проникла в среду мари из евангелия и текстов молитв и практически утратила свой религиозный смысл [Китиков 1991: 27]. Синонимична данной пословице *Шкенжым саклышым юмат сакла* ‘кто себя бережет, того и бог бережет’.

В словарь марийских пословиц включены такие устаревшие пословицы, как *йорло енгын юмыжат йорло* [Китиков 1991: 92-93] ‘у бедняка и бог беден’, *улан енгын юмыжо – икте, нужна енгын – весе* [Китиков 1991: 258] ‘у богача – один бог, у бедняка – другой’, которые являются отражением реликтовых представлений древних мари, согласно которым у каждого человека есть свой бог.

Пословица *каваши (юмыш) кўзаши шопшар уке, тенгыз гоч вончаши кўвар уке, ош варашын шўржў уке* ‘Чтобы подняться в небо (к богу) лестницы нет; чтобы перейти море, моста нет; у белого ястреба молока нет’ является отгадкой к загадке *Тўняште (юмышто) кумыт уке* ‘На свете нет трех (вещей)’. Каждая из трех ее частей может функционировать в речи самостоятельно в одном из значений: 1) есть выход из любой затруднительной ситуации; 2) есть дела, которые невозможно совершить.

В качестве этикетных формул вежливости употребляются выражения *юмо дене пырля* ‘с богом (букв. вместе с богом)’ как пожелание доброго пути; *юмо полишыжо* ‘бог в помощь (букв. бог пусть поможет)’; *юмылан тау* ‘слава богу (букв. богу спасибо)’. Выражение *юмо савырыже* ‘букв.

пусть бог вернет' служит благопожеланием для тех, кто отправляется в путь.

Кальками с русского являются пословицы *Örgedylliŋe uŋkaŋlan юмо тукым ок пу* 'Бодливой корове бог рога не дает'; *Пылвомышто – юмо, мланде ўмбалне – кугыжса* 'На небе – бог, на земле – царь'

Для экспрессивного выражения просьбы в марийском языке используется фразеологизм *юмо гай лий (лийза)* 'пожалуйста (букв. будь (будьте) как бог)'. Устойчивое сочетание *юмо да тый лий* 'ради бога (букв. бог(ом) и ты будь)' употребляется при усиленной просьбе, мольбе.

Фразеологизм *Юмо (савырен) конден* 'букв. Бог (вернув) привел' [Грачева 1989: 295-296] выражает удивление, выступает как вопрос-восклицание при неожиданной встрече, при неожиданном появлении кого-либо где-либо.

Компонент *юмо* 'бог' входит также в состав междометных фразеологизмов: *юмо утаре* 'боже упаси (сохрани), упаси (сохрани) бог, избави бог, не приведи господи'; *юмо ынже нўрō* 'не дай бог (букв. бог пусть не определит (судьбу))'; *юмашине-нўршашине* 'упаси (сохрани) боже, упаси (сохрани) предопредетель'.

Таким образом, специфика репрезентации концепта *юмо* 'бог' отражает особенности марийской традиционной религии. Паремии с компонентом *юмо* 'бог' содержат реликты древних представлений мари о боге, демонстрируют следы марийско-русских и марийско-тюркских культурных и языковых контактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абукаева Л. А. Запреты в системе воззрений мари: монография. – Йошкар-Ола, 2018. – 204 с.
2. Вершинин В.И. Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь): в 2 т. Т. 2: Н – Я. Йошкар-Ола, 2018. – 394 с.
3. Грачева Ф.Т. Марий фразеологий мутер = Фразеологический словарь марийского языка. – Йошкар-Ола, 1989. – 328 с.
4. Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер = Словарь марийских пословиц и поговорок. – Йошкар-Ола, 1991. – 336 с.
5. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – Т. 2. – С. 127-131.
6. Словарь марийского языка. – Йошкар-Ола, 2002. – Т. 10. – С. 174-175.
7. Справка об основах вероучения Марийской традиционной религии «Марий кумалтыш». URL: <http://mariuver.info/rus/soc/relig/pagan/osnovymtr.html>

© Абукаева Л.А., 2019 г.

АНТРОПОНИМЫ В СКАЗКАХ РОАЛЬДА ДАЛЯ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются антропонимы в произведениях британского детского писателя Роальда Даля. В работе обосновывается значимость использования окказиональных антропонимов для раскрытия образов персонажей, передачи оценочных коннотаций. Предлагается классификация антропонимов, исходя из их семантических особенностей.

Ключевые слова: антропоним, авторская сказка, Р. Даль, семантика

This article considers the use of anthroponyms in the works of Roald Dahl. The role of fairy proper names in disclosing the character's personality and rendering stylistic connotations is analysed. The anthroponyms are grouped according to their semantic features.

Key words: anthroponym, author's tale, R. Dahl, semantics

Произведения Роальда Даля, богатые авторскими окказионализмами и каламбурами, оказали значительное влияние на формирование современной волшебной литературной сказки XX века. Согласно Н. Хортон, сказки Даля относятся к жанру «низкого фэнтези», характерной особенностью которого является интегрирование элементов волшебства в обстановку реально существующего мира; в его сказках мир волшебный и мир реальный сосуществуют и тесно переплетены между собой [Кобзева 2017:124]. Произведения Даля соответствуют особенностям жанра фольклорной сказки и следуют её законам, а сюжеты развиваются по схеме, разработанной В.Я. Проппом [Кобзева 2017: 124]. С лингвистической точки зрения произведения Даля представляют собой особый интерес в связи с наличием языковой игры и авторских окказионализмов.

Неотъемлемым компонентом поэтики писателя являются смысловые имена, выполняющие в художественном тексте определенные функции и служащие средством индивидуализации персонажа сказки. В сравнении с общеупотребительными именами окказиональные антропонимы обладают большой эмоциональной нагрузкой. Их особенностью является то, что они сохраняют новизну, раскрываются в контексте и не претендуют на закрепление в узусе [Колтышева 2017: 306].

Смысловые антропонимы зачастую используются для дополнительной характеристики персонажа. Кроме номинативной функции, в тексте они также выполняют и денотативную функцию.

Обычно они образованы от лексем, содержащих в своей структуре определенные коннотации, которые могут быть как положительными, так и отрицательными, что вызывает у читателя определенные ассоциации. В процессе создания авторского антропонима осуществляется переход значения исходного слова-прототипа во внутреннюю форму окказионального антропонима, в результате чего возникает лексическая единица, которая содержит в себе скрытую характеристику героя [Котов 2015: 24].

В художественном тексте смысловые имена, выполняя характерологическую функцию, способны более ярко и полно раскрыть образ носителя имени. Основной задачей окказиональных антропонимов в художественном тексте является передача скрытых авторских интенций, раскрывающих информацию о референтах, выраженную имплицитно.

В результате семантического анализа антропонимической системы сказок Роальда Даля нами были выделены следующие группы антропонимов на основе характеризующего признака:

1. Антропонимы, указывающие на внешние характеристики референта. Данные антропонимы, ввиду их мотивированности, способны вызывать ассоциации с различными словами, предметами или явлениями. Семантика таких имен релевантна внешним качествам носящих их персонажей. Например, имена тетюшек главного героя сказки «James and the Giant Peach» *Aunt Spiker* и *Aunt Sponge*, основанные на метафорическом переносе, отражают внешние характеристики персонажей. Второй компонент имени *Aunt Spiker* используется для обозначения длинного, острого предмета, что в результате ассоциаций помогает воссоздать образ злой, тощей женщины («*Aunt Spiker... was lean and tall and bony*»), в то время как второй компонент имени *Aunt Sponge*, означающий «губка», ассоциативно соответствует образу пышной женщины невысокого роста («*Aunt Sponge was enormously fat and very short*») [Dahl 1961: 7].

Имена фермеров из сказки «Fantastic Mr.Fox» – *Boggis* и *Bean* также раскрывают внешние характеристики носящих их персонажей. Реально существующая фамилия *Boggis* произошла от слов «bog» или «bogeys» и изначально использовалась как прозвище, обозначающее толстого человека («*Boggis was very fat*»). Антропоним *Bean* строится на метафорической транспозиции. Кроме того, фамилия *Bean* имеет несколько источников происхождения; согласно одному из них, она произошла от прозвища "Bain", распространённого на севере Англии, которое давалось исключительно высокому, худому человеку. Данная характеристика вполне соотносится с внешностью референта, описанной автором произведения («*He was as thin as a pencil*») [Dahl 2007: 8].

2. Антропонимы, раскрывающие когнитивные способности референтов. Данные антропонимы зачастую ироничны и носят

сатирический подтекст; при этом в большинстве случаев они обладают негативной коннотацией. Например, антропоним *Kranky* из сказки «George's Marvellous Medicine», являясь графическим искажением слова «cranky» (сумасшедший), даёт краткую и ёмкую характеристику персонажа, который решил создать безумное лекарство для своей бабушки. Фамилия героев *Mr. And Mrs. Twits* используется для именования персонажей, не блещущих умом («foolish, stupid and ineffectual person»), что и находит подтверждение автором в тексте сказки («Mr. Twit was a twit...Mrs. Twits is the hideously ugly») [Dahl 2004: 4].

3. Антропонимы, раскрывающие особенности характера носящих их референтов. Использование таких имен неслучайно и обосновано наличием мотиваторов в тексте сказки. К тому же, для смысловых имен, отражающих темперамент персонажей, характерным является наличие в их семантике определенных, ярко выраженных коннотаций, благодаря чему мы можем прийти к умозаключению о положительной или же негативной функции референта ещё до знакомства с текстом сказки.

Так, художественная окраска антропонима *Mrs. Honey* строится исключительно на положительной коннотации компонента «honey», основанного на использовании метафорического значения данной лексемы, к которой прибегает автор для создания эмоционально-позитивного образа учительницы, обожаемой своими учениками. («Miss Jennifer Honey was a mild and quiet person ... she possessed that rare gift for being adored by every small child under her care») [Dahl 1990: 62].

Окказиональный антропоним *Mrs. Trunchbull*, образовавшийся в результате словослияния, очевидно имеет крайне негативную коннотацию. Препозиционный компонент данного антропонима «truncheon» (дубинка) отражает суровый характер директрисы («She was a gigantic holy terror, a fierce tyrannical monster who frightened the life out of the pupils and teachers alike») [Dahl 1990: 63]. Компонент «bull», находящийся в постпозиции, строится на метафорическом переносе и используется для описания внешности героини («You could see them (muscles) in the bull-neck, in the big shoulders, in the thick arms, in the sinewy wrists and in the powerful legs») [Dahl: 1990 78]. Даже название школы, в которой данная героиня является директрисой, содержит в своей структуре определенные смысловые ассоциации, так как препозиционный компонент сочетания «*Crunchem Hall*» является омофоном фразы «crunch 'em» (грызи их, дави их). Таким образом, благодаря использованию в тексте антропонима, в котором преобладает информативная функция, можно дать субъективную оценочную характеристику референта.

Многие антропонимы в сказках Р. Даля образованы от названий цветов. Антропоним *Wormwood*, номинирующий персонажей с отрицательной эмоциональной окраской, используется в значении

«горькая полынь, желчь, источник горечи». Семантика данного имени соотносится с функцией носящих его персонажей, которых можно охарактеризовать как родителей, отравляющих жизнь своей дочери Матильды и приносящих ей лишь горечь. Им противопоставляются положительные по своей семантике антропони́мы, принадлежащие подругам Матильды, такие как *Lavender* и *Hortensia*, вызывающие у читателей положительные ассоциации. С этой же целью используется антропоним *Birdseye* («первоцвет») в сказке «*Danny, the Champion of the World*»: «...she was a really nice person» [Dahl 1977: 85]. Таким образом, семантически мотивированные антропони́мы могут служить средством оценочной характеристики персонажей.

Многие окказиональные имена, которые принадлежат эпизодическим персонажам, являются единственным средством их описания и создания образа. Например, антропоним *Mrs. Clonkers*, принадлежащий суровой директрисе детского дома, мотивирован существительным «clonk», используемым в значении «тяжелый удар». В произведении данный персонаж упоминается лишь однажды, и единственным средством его характеристики является данный антропоним, несущий в своей семантике определенную смысловую нагрузку и благодаря которому воссоздается целостный образ референта.

4. Антропони́мы, отражающие особенности поведения референтов. Благодаря данным смысловым именам ещё до ознакомления с произведением читатель может дать оценивающую характеристику персонажу, выделить некоторые свойства его личности. Антропоним *Mr. Норру*, принадлежащий персонажу, безнадежно влюбленному в свою соседку, является окказиональным дериватом глагола «to hope». Образ референта формируется при воссоздании ассоциативных связей, подкрепленных мотиваторами в тексте («He had always been a lonely man, had never been able to give her even the smallest hint of his love») [Dahl 2000: 9].

Автор не даёт развернутой характеристики книжного героя с антропонимом *Mr. Snoddy*, директора школы из сказки «*Danny the Champion of the World*», однако не раз упоминает, как данный персонаж употребляет алкоголь (*Mr Snoddy standing by his desk refilling his famous glass of water from a bottle labelled Gordon's Gin*) [Dahl 1977: 87]. Об этом красноречиво указывает и имя, которым его наделил автор – *Snoddy*, которое обозначает несчастного человека с особым пристрастием к алкоголю.

5. Антропони́мы, семантика которых указывает на род деятельности референта или его социальный статус. Постпозиционный компонент антропонима *Mr Victor Hazell*, номинирующего персонажа, владеющего лесом, представляет собой

графическое искажение лексемы «hazel», используемой для обозначения орешника, лесного ореха. Имя *Bunce*, принадлежащее богатому и успешному фермеру, используется в значении «выгода» («Bunce was a duck-and-geese farmer. He kept thousands of ducks and geese») [Dahl 2007: 7]. Антропоним *Mrs. Spring*, номинирующий персонажа-уборщицу из сказки «The Witches», является сокращением от «spring cleaning», что переводится как «генеральная уборка».

Зачастую в художественных произведениях внутренняя структура смыслового имени легко раскрывается путём создания ассоциаций. Явной является семантика антропонимов великанов из сказки «The BFG»: Bonecruncher, Bloodbottler, Fleshlumpeater, Meatdripper, Gizzardgulper, Childchewer, Maidmasher, Manhugger [Dahl 2016]. Образованные в результате объединения двух и более слов, обладающих негативной коннотацией, они вызывают у читателя только неприятные ассоциации.

Компонент «Samways» антропонима *Sergeant Enoch Samways* является фонетическим искажением фразы «someways» и используется для описания сержанта, который *каким-то образом* всегда оказывался в нужном месте, где требовалась его помощь («Sergeant Samways could sniff out trouble wherever it was») [Dahl 1977: 141]. Имя *Enoch* выбрано неслучайно: данное имя принадлежало библейскому персонажу, старшему сыну Каина; кроме того, с иврита «Enoch» переводится как «посвященный». Имя браконьера *Mr. Kinch* из сказки «Danny the Champion of the World», охотившегося на фазанов, также является мотивированным. «Kinch» обозначает аркан или лассо (a noose or loop in a rope), которые могут быть использованы при охоте на птиц.

Таким образом, в результате лексико-семантического анализа антропонимов, обладающих смысловой нагрузкой, можно прийти к выводу о том, что они являются важнейшим текстообразующим средством. Поскольку в именах смысловых преобладает предметно-логическое значение и большинство окказиональных имен образовано путем метафорического переноса, они вызывают определенные ассоциативные и аллюзивные связи. Внутренняя форма окказиональных антропонимов способна раскрыть личностные и поведенческие особенности персонажей и, кроме того, служить источником дополнительной информации при декодировании текста, раскрывая интенции автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяченко В.В. Основные способы образования субстандартных антропонимов в английском и русском языках // Вестник Ставропольского Государственного Университета, 2007, № 48. – С. 58-65.
2. Кобзева Е.В. Жанровая специфика и типология персонажей произведений Роальда Даля для детей (на материале литературных сказок «Матильда»,

- «Ведьмы», «Чарли и шоколадная фабрика») // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы, 2017. – С. 124-129.
3. Колтышева Е.Ю., Смирнова Д.А. Особенности перевода окказиональных антропонимов в произведении Р. Даля «Чарли и шоколадная фабрика» // Социальные и гуманитарные знания, 2017, № 3. – С. 306-310.
 4. Котов А.А., Крыжановская А.С. Окказиональные антропонимы как элемент идиостиля С.Д. Кржижановского // Наука и мир, 2015, № 11. – С. 24-26.
 5. Dahl R. Danny, the Champion of the World. – London: Penguin, 1977. – 159 p.
 6. Dahl R. Esio Trot. - Scholastic, 2000. – 62 p.
 7. Dahl R. Fantastic Mr. Fox. - N.Y.: Puffin Books, 2007. – 96 p.
 8. Dahl R. James and the Giant Peach. – N.Y.: Puffin Books, 1961. – 72 p.
 9. Dahl R. Matilda. - N.Y.: Puffin Books, 1990. – 233 p.
 10. Dahl R. The BFG. – London: Penguin Books, 2016 – 224 p.
 11. Dahl R. The Twits. – London: Penguin Books, 2004. – 96 p.
 12. Dahl R. The Witches. - N.Y.: Puffin Books, 2008. – 199 p.
 13. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения 08.11.2019).

©Безменова Л.Э., Санжаровская К.Ю., 2019 г.

УДК 81'374

Г.В. Гафарова (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа)

ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОГО СЛОВАРЯ

На современном этапе когнитивно-сопоставительное направление в лингвистике проявляет себя как наиболее эффективная исследовательская программа. В статье рассматриваются исходные теоретические и практические положения создания функционально-когнитивного словаря. Когнитивные исследования обосновывают принципы отбора и описания словарных единиц, преобразовывая лексикографию в открытую для новых, разноаспектных поисков систему.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, лексикография, идеографический словарь, функционально-когнитивный подход, функционально-когнитивная сфера, концепт, макроконцепт.

At the present stage cognitive-comparative linguistics manifests itself as the most effective research program. The article deals with theoretical and practical issues of compiling the functional-cognitive dictionary. Cognitive studies justify selection and description principles of lexical units, making lexicography apt to new multi-faceted searches.

Key words: *comparative linguistics, lexicography, thesaurus, functional-cognitive approach, functional-cognitive sphere, concept, macroconcept.*

В современном мире контакты между носителями разных языков и условия двуязычия и многоязычия стимулируют практический интерес к сопоставительному изучению языков, связанный с обучением языкам, составлением словарей, проблемами перевода с одного языка на другой, и необходимостью теоретических разработок в области межъязыковой коммуникации.

Первые попытки сопоставления языков осуществлялись уже в давние времена. В качестве источника донаучного сравнения языков выступала бытовая практика в лице переводчиков (толмачей), дипломатов, торговцев, путешественников. Основным методом данного направления является сравнение фактов языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что можно сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними, подобного рода сравнение языков служит основанием для самых обширных лингвистических обобщений [де Куртенэ 1963: 371]. Очевидно, что сопоставление языков помогает полнее и глубже осмыслить явления и категории каждого отдельного языка, в то же время дополняя принципы составления словарей.

У истоков развития сопоставительной лингвистики стояли И.А.Бодуэн де Куртенэ, Л.В.Щерба, И.И.Мещанинов. Пионером применения сравнительного метода считается Е.Д.Поливанов, который исследовал многочисленные бинарные соотношения: русско-японские, русско-корейские, русско-китайские, русско-узбекские, русско-английские, русско-французские, русско-немецкие – и заложил таким образом основы широкомасштабных сопоставлений [Кильдибекова, Гафарова 2013].

Лингвофилософская концепция В.Гумбольдта подтолкнула развитие идей сопоставительного изучения языков, новый этап которого связан с функционально-когнитивной научной парадигмой, исследующей языковые закономерности в деятельностном аспекте с опорой на типы знаний, которые заложены в лексической семантике и используются носителем языка в речевой коммуникации [Гафарова, Кильдибекова 2003].

Исходные позиции сопоставления языков излагаются в работах А.Вежбицкой. По мнению автора, в основе всех языков лежат изоморфные множества семантических элементов, т.е. семантических примитивов, что позволяет сравнивать различные семантические системы. Ведь для любого сравнения требуется *tertium comparationis*, некая общая мерка, чем являются универсальные семантические примитивы, идея которых восходит непосредственно к мыслителям XVII в. (Декарт, Арно, Лейбниц).

Именно семантические примитивы выступают в качестве лексических универсалий. Элементарные концепты могут быть обнаружены путем тщательного анализа любого естественного языка. Они являются врожденными, т.е. частью генетического наследства человека, и нет никаких оснований полагать, что они будут различаться от одного человеческого сообщества к другому. При этом врожденными являются не культуроспецифические концепты, такие как *bureaucrat* или *аппаратчик* или *boomerang* или *know-how*, но только те, которые обнаруживаются во всех языках, такие как лицо (person) и вещь (thing), делать (do) и произойти (happen), где (where) и когда (when) или хороший (good) и плохой (bad). Все другие концепты должны быть благоприобретенными через посредство языка как орудия культуры [Вежбицкая 1999: 24].

Поиски путей классификации лексической системы характеризуют более чем полуторавековую историю идеографической лексикографии. Словарь английского языка П.М. Роже (1852 г.), словари немецкого языка Ф. Дорнзайфа (1934 г.), испанского языка Х. Касареса (1941 г.), французского языка Р. Халлига и В. фон Вартбурга (1952 г.) строились на чисто интуитивной основе, поскольку теория идеографии не была развита, тем не менее, они являются своего рода классикой идеографии, научное значение которых сохраняется и до наших дней. Несмотря на то, что их понятийные схемы являются абстрактно-умозрительными, уже в первых идеографических словарях были выделены основные понятия картины мира. Именно в них была осуществлена систематизация полного словарного состава и показана возможность членения лексики сверху донизу. При этом рубрики словарей на каждой ступени иерархии наполнились колоссальным фактическим материалом.

Опора на концепты составляет главную типологическую характеристику идеографических словарей. Идеографический способ описания словарного состава является самым древним. Словарь Амаракоша (санскрит) относится к II – III в.н.э., однако в нем уже отражаются основные рубрики картины мира, ориентированные на соответствующую эпоху. Расцвет концептуальной лексикографии наблюдается с середины XX в., когда появляются классические идеографические словари европейских языков: английского – П.М.Роже (1852), французского – Ш.Балли (1932), Р.Халлига и В.фон Вартбурга (1952), немецкого – Ф.Дорнзайфа (1933-34), испанского – Х.Касареса (1941). Отечественные идеографические словари были созданы позднее – Ю.Н.Караулов (1976; 1982), А.К.Мельчук-И.А.Жолковский (1984), В.В.Морковкин (1984), О.С.Баранов (1995), Ю.С.Степанов (1997), Н.Ю.Шведова (1998; 2003), Л.Г.Бабенко (1999; 2005).

Идеографические изыскания стараются быть на одной волне с общими тенденциями развития лингвистики. Идеография, базирующаяся

на строгих научных основаниях, начинается с работ И.А. Мельчука, А.К. Жолковского, Ю.Д. Апресяна, Ю.Н. Караулова, В.В. Морковкина, А. Вежбицкой, О.С. Баранова, Н.Ю. Шведовой, Л.Г. Бабенко и др. В их творениях происходит разработка концептуального аппарата словарей нового типа с учетом инноваций теоретической лингвистики и практической словарной работы, наблюдается переориентация лексикографических исследований на когнитивную и деятельностную параметризацию словарного состава языка [Кильдибекова, Гафарова, Абдюкова 2010: 138].

Когнитивный подход к описанию лексической системы позволил предложить новую модель идеографического словаря, в котором основным объектом описания является глобальный концепт (макроконцепт), выступающий в качестве организующего центра в представлении знаний и предполагающий различные аспекты актуализации общего понятия в процессе речевой деятельности. Он полностью реализуется через комплекс типов знаний, которые позволяют систематизировать лексику с новых позиций.

В основу создания «Функционально-когнитивного словаря русского языка. Языковая картина мира» (под руководством Т.А. Кильдибековой) заложены идеи известных лингвистов, ориентированные на коммуникативную деятельность человека и когнитивный потенциал языковых единиц.

Став создателем научной школы функционально-когнитивного сопоставительного изучения языков (русского, башкирского, английского, французского), Т.А.Кильдибекова открыла путь к созданию грамматики нового типа – активной и многофункциональной [Хисамова 2017: 157]. Главным итогом ее деятельности явились словари нового типа – более 30 словарей, которые используются в практике изучения различных языков – Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера *жить*). – Уфа, 1997; (сфера *двигаться*). – Уфа, 1998; (сфера *говорить*). – Уфа, 2000; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Валиахметова Э.К. Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сфера *жить*). – Уфа, 2000; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Абубакирова З.Г. Русско-башкирский функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера *жить*). – Уфа, 2001; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Миргаязова Э.М., Юлдашева Д.А. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера *деятельность*). – Уфа, 2001; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Кинзябаева Н.Н., Усманова М.Г. Русско-башкирский функционально-когнитивный учебный словарь (сфера *думать* и *говорить*). – Уфа, 2002; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Миниярова И.М. Русско-башкирский функционально-когнитивный словарь (сфера *двигаться*). – Уфа, 2002; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В.,

Фахретдинов Р.М. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера *жить*) (на французском языке). – Сибай, 2002; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Яныбаева Г.Я., Миниярова И.М., Усманова М.Г. Русско-башкирский учебный функционально-ситуативный словарь. – Уфа, 2003; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Яныбаева Г.Я., Усманова М.Г. Русско-башкирский учебный функционально-когнитивный словарь (сфера *жить*). – Уфа, 2003; Кильдибекова Т.А., Валиахметова Э.К., Гафарова Г.В., Миргаязова Э.М., Юлдашева Д.А. Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сфера *деятельность*). Ч. 2 – Уфа, 2003; Кильдибекова Т.А., Абдюкова Л.А., Валиахметова Э.К., Гафарова Г.В., Тимошенко Л.О. Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сферы *жить*, *двигаться*). – Уфа: РИО БашГУ, 2003; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Яныбаева Г.Я., Миниярова И.М., Усманова М.Г., Исмагилова Х.Н. Русско-башкирский учебный функционально-ситуативный словарь. – Уфа, 2004; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Исмагилова Х.Н. Русско-башкирский учебный функционально-ситуативный словарь (сфера «*Видеть*»). – Уфа: РИО БашГУ, 2004; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Шарипова В.А., Хакимова Г.Ф., Валиева Л.Ю. Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сферы «*Говорить*», «*Слышать*», «*Видеть*»). – Уфа: РИО БашГУ, 2004; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Газизова Р.Ф., Силиванец А.В., Хакимова Г.Ф. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сферы «*Видеть*», «*Слышать*»). – Уфа: РИО БашГУ, 2004; Т.А. Кильдибекова, Г.В. Гафарова, З.Г. Шайхисламова Русско-французский функционально-когнитивный словарь (сфера *двигаться*). – Сибай, 2004; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сферы «*жить*», «*двигаться*»). – ч. 1. – Уфа: РИО БашГУ, 2005; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Газизова Р.Ф., Силиванец А.В., Хакимова Г.Ф., Колоколова Л.П. Функционально-когнитивный словарь русского языка («*Окружающий мир и его восприятие*»). Ч. 2 – Уфа: РИО БашГУ, 2005; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Якупова Л.Н. Русско-башкирский учебный функционально-ситуативный словарь (сфера «*слышать*»). – Уфа: РИО БашГУ, 2005; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Миргаязова Э.М., Юлдашева Д.А. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сферы «*Говорить*», «*Мыслительная деятельность*»). Ч. 3. – Уфа: РИО БашГУ, 2006; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Миргаязова Э.М., Юлдашева Д.А. Функционально-когнитивный словарь русского языка («*Деятельность*»). Ч. 4. – Уфа: РИО БашГУ, 2006; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Абдюкова Л.А., Тимошенко Л.О., Хакимова Г.Ф., Анохина С.З. Русско-английский функционально-ситуативный словарь. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2006; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Газизова Р.Ф., Миргаязова Э.М.,

Силиванец А.В., Юлдашева Д.А. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Человек в языке). – ч. 5. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Усманова М.Г., Миниярова И.М., Исмагилова Х.Н. Русско-башкирский учебный функционально-ситуативный словарь. – Уфа: Китап, 2007; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Миргаязова Э.М., Юлдашева Д.А., Хакимова Г.Ф., Силиванец А.В., Газизова Р.Ф., Колоколова Л.П. Функционально-когнитивный идеографический словарь русского языка (Языковая картина мира). – в 2-х ч. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Абдюкова Л.А., Анохина С.З. Русско-башкирско-английский учебный функционально-ситуативный словарь. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009; Т.А. Кильдибекова, Г.В. Гафарова, Ш.Р. Сайфуллина, З.Г. Шайхисламова Русско-французский функционально-ситуативный словарь (сферы «Видеть», «Двигаться», «Работать»). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Усманова М.Г., Миниярова И.М., Исмагилова Х.Н. Русско-башкирский учебный функционально-ситуативный словарь. – Уфа: Китап, 2010; Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / под общ. ред. д.ф.н., проф. Т.А.Кильдибековой. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010; Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / под общ. ред. д.ф.н., проф. Т.А.Кильдибековой. – СПб., 2011; Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / под общ. ред. д.ф.н., проф. Т.А.Кильдибековой – 2-е изд., дополн. и перераб. – М.: Гнозис, 2013.

Для систематизации материала в словаре, работа над созданием которого началась в 80-е годы XX в., выделены функционально-значимые макроконцепты, которые покрывают основные аспекты жизнедеятельности человека и играют главную роль в познании мира и практике общения: 1) жизнь человека, 2) движение, 3) восприятие окружающего мира (видеть, слышать), 4) речемыслительная деятельность и образование, 5) общее понятие и разные виды деятельности, 6) человек в языке и его характеристика (внешность, характер, поведение, чувства). Языковая картина мира раскрывается в словаре в соответствии с перечисленными макроконцептами, которые разворачиваются ступенчато в соответствии с аспектами конкретизации в каждом языке. В качестве языка-источника выступает русский язык. Все речевые ситуации (контексты) русского языка подвергаются сопоставлению с параллельными контекстами в английском, башкирском, французском языках.

Композиционной единицей словаря определена функционально-когнитивная сфера, которая является самой крупной системообразующей единицей языка и представляет собой многомерное образование,

позволяющее вычленить из словарного состава языка наиболее объемный фрагмент. Каждая сфера многоступенчато делится на более мелкие разряды. Например, в сферу «жить» включаются жизненно важные для человека понятия: *место проживания, время жизни человека, родственные отношения, качество жизни, материальное положение, здоровье, жизненный путь, жизненные потребности*. На следующих уровнях иерархии ступенчато выделяются тематические блоки лексем меньшего объема: *место жительства – планета Земля, континент, страна, населенный пункт, жилище; населенный пункт – город, деревня, село, поселок и др.; жилище – дом, квартира, коттедж, особняк, изба, хата и др.* Подобная последовательная градация блоков лексем выступает в качестве главной классифицирующей схемы словаря. Многоступенчатая иерархическая структура функционально-когнитивной сферы предопределяется разнообразием типов знаний, которые выражаются в многочисленных парадигматических группах [Функционально-когнитивный словарь русского языка. Языковая картина мира].

В словаре реконструируется наивная картина мира, отражающая обиходные, бытовые представления о действительности. Лексический состав языка описывается с опорой на речевую деятельность и типы знаний, которые усредненный носитель языка использует в речевой коммуникации.

Основным принципом составления двуязычного словаря является когнитивность, поскольку сопоставление материала двух языков производится на уровне концептов и макроконцептов, а не лексических значений слов. Как отмечает стокгольмский ученый Е.Ривелис, «лексикограф – стихийный когнитивист, он стремится описать лексическую единицу так, чтобы во всех ее значениях и переводных реализациях она по возможности не распадалась на несоединимые осколки, но сохраняла смысловое единство. Такое единство может быть только концептуальным ... Лексикографу необходимо научиться выявлять концепт – сознательно и методически. В противном случае легко подчиниться диктату традиции и укоренившегося объективистского взгляда на природу значения, в результате чего в словарных статьях возникают бессмысленные тематические разбиения» [Ривелис 2008: 24].

При составлении функционально-когнитивного словаря учитывается уровень эквивалентности, который соотносится с базовыми понятиями, допускающими как бы передвижение и «примеривание», наложение на различные общества и ареалы [Степанов: 1997]. Именно этот уровень анализа предполагает выявление и фиксирование функциональных параллелей эквивалентов, которые выводят исследователя на языковые универсалии. Культурологические эквиваленты предполагают «более продвинутое» описание языков и вряд ли могут использоваться в словарях,

дающих параллельное описание семантических пространств языков – функционально адекватных в силу действия общечеловеческих факторов. Так, ярко выраженную функциональную ориентированность имеют обозначения жилища, которые выступают в качестве ключевых в сфере «жить». Прототипичными наименованиями при этом являются *дом, квартира*, которые представляют собой языковые универсалии и имеют тождественные функциональные параллели в других языках. Ср.: башкир. *йорт, өй, фатир*; франц. *maison, appartement*; англ. *house, flat, apartment, lodging, room*. Кроме того, в каждом языке есть особые, идиоэтнические обозначения. Например, англ. *pent-house* «роскошная квартира на последнем этаже небоскреба», русск. *изба, хата*.

В функционально-когнитивном словаре большое место отводится сочетаемостным характеристикам разных частей речи. Сочетаемость глаголов реализуется в рамках синтаксических моделей «глагол + существительное», «глагол + наречие»: *жить в городе, в деревне / to live in a town; ехать по шоссе / to go on a highway; жить богато, бедно / to live high, cheaply; двигаться быстро, медленно / to go quickly, slowly*. Для существительных существенны синтаксические модели «существительное + прилагательное»: существительное + существительное: *квартира однокомнатная, удобная; квартира с удобствами / one room comfortable flat, a flat with all the conveniences*.

В словаре приводятся фразеологические сочетания, которые выступают как экспрессивно-оценочные номинации: *жить на краю света, жить душа в душу, жить как за каменной стеной, жить чем бог послал*. Богатой коннотацией обладают и в русском, и в английском языках параллельные фразеологизмы, выступающие в семантическом поле «Материальное положение» и включающие в свой состав обозначения денежных единиц (*грош, деньги / bean, money*), наименования одежды (*рубашка / shirt*), домашней утвари (*корыто, лопата / basket* “корзина”, *bag* “мешок”), зоонимы (*рыба*). Ср.: *ломаного гроша за душой нет, при деньгах, грести деньги лопатой, остаться без рубашки, оставить без рубашки, биться как рыба об лед, остаться у разбитого корыта*; в английском языке *not (to have) a cent, made of money, sting of money, not to have a shirt to one's back, a bag of bones, live on the alms-basket* и т.д.

Рассматривая функционально-когнитивную сферу словаря, представляющую собой самый обширный фрагмент лексической системы, в качестве языковой универсалии можно заключить, что эквивалентными в большинстве случаев являются глубинные структуры функционально-когнитивных сфер. При отборе и формировании словника учитывается функционально-когнитивная ценность слова, предполагающая набор его смысловых связей, т.е. потенциал лексемы в полном объеме, что позволяет реализовать идею переводимости без ощутимых потерь.

В связи с интенсивным развитием сопоставительного языкознания становится возможным исследование универсальной языковой картины мира параллельно с национальными картинами мира. Языковые картины мира объединяются общечеловеческими концептами, обусловленными единством реальной действительности и жизнедеятельности человека как объекта познания. Однако различные народы выработали свои нормы поведения, традиции и обычаи, обусловленные особым образом жизни и национальной культуры и отраженные в языках [Функционально-когнитивный словарь русского языка. Языковая картина мира].

В основу работы над «Функционально-когнитивным идеографическим словарем» – под руководством проф. Т.А.Кильдибековой положены идеи известных лингвистов, ориентированные на коммуникативную деятельность человека и когнитивный потенциал языковых единиц. Словарь можно охарактеризовать как «порождающий словарь» по аналогии с «порождающей грамматикой» Н.Хомского. Концептуальный аппарат словаря опирается на важнейшие принципы современной лингвистики – функциональный и когнитивный. Словарь является функциональным, потому что он отражает главные функции языка – номинативную, когнитивную, коммуникативную, интерпретирующую, коннотативную и функции языковых единиц в процессе порождения речи: обозначение событий, ситуаций; наименование денотатов, выступающих в качестве конкретизаторов событий; выражение свойств объектов и их оценки, дифференциации и т.д.

При составлении словаря использовался принцип когнитивности, который раскрывает, как человек познает мир, как формируются знания и как передается информация в процессе общения. В основе когнитивного подхода лежит базовая категория семантики – концепт, который реализует ментальные сущности разного объема и выступает как основная единица обработки, хранения и передачи знаний. Концепт может выступать, с одной стороны, как содержательная репрезентация одного слова и реализоваться в представлениях, схемах, сценариях (собственно концепт, или микроконцепт); с другой стороны, служит для выявления и идентификации больших по объему разрядов лексики и проявляется в сложных когнитивных связях (макроконцепт). Для составления словаря принципиальное значение имело выделение глобальных понятий – макроконцептов, обладающих большим систематизирующим потенциалом и организующих вокруг себя обширные разряды слов.

Функционально-когнитивный словарь имеет ситуативную ориентированность, поскольку в нем с максимальной полнотой отражаются наборы ситуаций на всех уровнях анализа, которые связаны, с одной стороны, с базовым глаголом, выступающим в качестве исходного

слова функционально-когнитивной сферы, с другой стороны, с глагольными лексемами, которые фиксируются на более низких ступенях иерархической структуры сферы. Как отмечает Л.Витгенштейн, чтобы овладеть значением любого «языкового атома», надо овладеть его функционированием в языке, допустимыми сочетаниями с выражениями других категорий и способами формирования на основе атомарного значения производных значений. Мир – это совокупность фактов, но не вещей. Мир раскладывается на факты. Реально существуют не вещи, а вещи в их соединениях с другими вещами: это и есть факты. Самостоятельность, которую имеет слово в словаре, это мнимая самостоятельность. Как слово (имя) реально функционирует не в словаре, а в предложении, так и вещь, денотат имени, реально существует не в семантическом инвентаре мира, а живом факте.

Предметы содержат в себе возможность всех ситуаций. Это позволяет представить предмет, как некий прообраз кибернетического устройства с заложенной в нем программой всех возможных действий, включая взаимодействия с другими предметами (Чайник кипит, чайник стоит на плите и т.д.) [Витгенштейн 2005: 20-25].

Ситуативность выступает в качестве внутреннего стержня словаря. Она способствует наиболее полной интерпретации процессуальных глагольных классов и субстантивных именных блоков. В глагольных блоках ситуации, события, положения дел передаются непосредственно через актантные синтаксические модели слов (*работать где, работать кем, работать как*). При этом каждый тип валентности отражается в особом блоке лексем (субъект, объект, локальность и т.д.). В именных блоках ситуативное наполнение получают сочетания ключевых существительных с глаголами, обозначающими разнообразие самих ситуаций или разнообразие их интерпретации и восприятия. Например: *власть* иметь, получить, завоевать, захватить, узурпировать, потерять; бороться за власть, стремиться, рваться к власти; отстранить от власти, делить власть с кем-либо и т.д.

Важнейшие концепты, находящие отражение в словаре, описаны с достаточной полнотой в функционально-когнитивном словаре русского языка, который переиздавался несколько раз в Уфе, Санкт-Петербурге и Москве. Словарь экспонировался на крупных международных выставках и получил признание читателей России, Германии, Китая, Чехии, Украины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т. II. – М, 1963. – 391 с.
2. Витгенштейн Л. Избранные работы. Логико-философский трактат / Перевод с нем. и параллельные комментарии Р.Руднева. – М.:

- Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
 4. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. – Уфа, 2003. – 302 с.
 5. Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В. Инновации когнитивно-сопоставительной научной парадигмы // Проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 47-56.
 6. Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Абдюкова Л.А. Презентация языковой картины мира на основе идеографических словарей // Концептуальные исследования в современной лингвистике. СПб-Горловка, 2010. – С. 136-141.
 7. Ривелис Е. Как возможен двуязычный словарь. – Stockholm University, 2008. – 387 с.
 8. Степанов Ю.С. Изменчивый “образ языка” в науке XX века// Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С.7-34.
 9. Хисамова Г.Г. Новые подходы в обучении русскому языку // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире. – Уфа – Велико Тырново, 2017. – С. 151-157.
 10. Функционально-когнитивный словарь русского языка. Языковая картина мира / Под общим руководством Т.А.Кильдибековой – СПб., 2011; М. «Гнозис», 2013. – 670 с.

© Гафарова Г.В., 2019 г.

УДК 811.111

ББК 81.2

Ф.Р. Имамутдинова (к.ф.н., доц. УГНТУ, г. Уфа)

КОГНИТИВНЫЙ ОБРАЗ ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА ПРИ ОВЛАДЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

В статье рассматриваются вопросы формирования знаний об иностранном слове в процессе овладения им. Восприятие образа слова регулируется определенными механизмами. Когнитивный образ слова содержит в себе знания различного рода. При изучении иностранного языка важен не только когнитивный образ слова, но и отрезок действительности окружающего нас мира, зафиксированного с помощью этих слов.

Ключевые слова: когнитивный образ слова, категоризация, лингвистический фрейм, лемма, категория, образ мира

The article deals with the formation of foreign word knowledge in the process of mastering it. The perception of the word image is regulated by certain mechanisms. The cognitive image of the word contains knowledge of various kinds. When learning a foreign language, not only the cognitive image of the word is important, but also the segment of the reality of the world around us, fixed with the help of these words.

Key Words: *cognitive image of the word, categorization, linguistic frame, lemma, category, image of the world*

Языковые и речевые лексические навыки являются обязательными компонентами основных коммуникативных умений говорения, слушания, чтения и письма. Они составляют семантическую основу любого высказывания на иностранном языке.

Из психологии обучения иностранным языкам хорошо известно, что слово в неродном языке «имеет две стороны чувственную и умопостижимую» [Беляев 1965: 19]. Взаимосвязь и единство этих двух сторон создают когнитивный образ слова.

Когнитивный образ слова содержит в себе знания различного рода. Знания — это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему [Кубрякова 1996: 68]. Языковые единицы (слово, высказывание, языковые категории) проецируются на определенные пласты знания.

Знания об образе иноязычного слова обучаемый получает по различным информационным каналам. Информация поступает по различным каналам, и впоследствии складывается когнитивный образ лексической единицы соответствующего языка.

Информация хранится в нашем сознании в виде так называемых «ментальных репрезентаций». В уме человека ментальные процессы могут быть опосредованы не только языком, то есть вербальными формами, но и воображением, то есть образами. В мозгу обучаемого, таким образом, представлены эталоны /образцы/, схемы и признаки иноязычного слова. Образную природу знаний поддерживают и многие другие зарубежные исследователи [Брунер 1977: 412], [Панкрац 1992: 78].

Как формируются у обучаемых знания об иноязычном слове в процессе овладения им? В языковых элементах могут быть представлены знания о концептах жизнедеятельности человека, событий или классов ситуаций, последовательности событий, об объектах, признаках и количестве [Гафарова, Кильдибекова 1998: 28]. Знания имеют иерархическую структуру. Их можно охарактеризовать как знания первого порядка/чувственные/ и знания второго порядка/теоретические/. Процессы образования этих знаний идут параллельно, независимо друг от друга.

Знания первого порядка — это знания, полученные на основе информации, которая поступает к нам по зрительному, слуховому и тактильному каналам. Чувственный образ слова, писал Б.В. Беляев, «содержит в себе слуховые, зрительные и два двигательных представления» [Беляев 1965: 119]. Эти представления в комплексе создают перцептивный образ иноязычного слова. Образ слова, особенно иноязычного, создается в результате его правильного восприятия. Восприятие, по мнению Дж. Брунера, это процесс категоризации, в ходе которого воспринимающий «осуществляет логический вывод, относя сигналы к определенной категории» [Брунер 1977: 23]. Правильное восприятие основано на способности человека соотносить приходящий раздражитель с соответствующей системой кодирования. Обработка новых данных осуществляется с применением содержащегося в памяти заранее накопленного опыта. Опыт организуется с помощью стереотипных моделей, уже имеющихся у нас в уме. В обозначении таких моделей У. Чейф употребляет термин «схема» [Чейф 1983: 35].

Дж. Брунер считает, что обучаемых нужно научить воспринимать образ иноязычного слова. Перцептивное научение обучаемых, по его мнению, «состоит не в увеличении тонкости различения /.../, а /.../ в усвоении надлежащих способов кодирования окружающей среды /учитывающих ее предметный характер, связанность, избыточность и т. а/ и последующей категоризации доходящих до субъекта раздражителей с помощью кодовых систем» [Брунер 1977: 19].

Восприятие образа слова происходит не само по себе, а регулируется определенными механизмами. Психологи среди таких механизмов называют:

- а) механизм группировки и интеграции;
- б) механизм упорядочения доступа;
- в) механизм процесса совпадения и несовпадения;
- г) механизм процесса регуляции чувствительности.

Информация о чувственном образе слова достигает наших органов чувств. Затем она проходит через длинную цепь процессов, обеспечивающих сложнейший анализ. Здесь мы наблюдаем отражение свойств слова, выделение его существенных признаков. На выходе такого процесса переработки информации мы наблюдаем отнесение данного слова к определенной категории [Лурия 1979: 43].

В результате таких сложных преобразований создаются символические образования. Эти репрезентации, закодированные особым образом, передаются в наш мозг.

Кроме чувственной стороны иноязычное слово имеет еще идеальную, умопостигаемую сторону [Беляев 1965: 119]. Эта сторона слова содержит в себе еще больший объем информации, чем чувственная.

Умопостигаемую информацию с полным правом можно отнести к информации более высокого порядка. Она имеет в большей части теоретический характер. Эта информация передастся затем, по мнению М. Шварн, на другие более высокие уровни переработки, например, на уровень переработки предложения или даже целостного текста [Беляев 1965: 149].

Из лингвистики хорошо известно, что каждое слово может выражать понятие, иметь свое значение и что в каждом акте коммуникации свой смысл.

Понятие — это способность слова отражать в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений. Значение предполагает отображение предмета действительности в сознании, становящегося фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием. Любое иноязычное слово имеет в принципе несколько значений, то есть оно многозначно. Так, в английском языке слово *to tell* имеет 5 значений. Семантическая структура слова *to tell* состоит из ряда значений, или ЛСВ, которые образуют внутри слова семантическую парадигму. В связанной речи значение слова воспроизводится в одном из своих ЛСВ, определяемых задачами коммуникации. Чем больше у слова ЛСВ, тем подробней и многосторонней охарактеризован тот класс предметов, который выражается данным словом, и чем меньше у слова значений, тем менее определена характеристика этого класса предметов [Имамутдинова 2014: 54].

В определенном контексте реализуется одно из значений слова. В этом случае говорят о смысле слова. Смысл слова — это то содержание, которое слово получает в данном контексте употребления, в данной конкретной речевой ситуации.

Теоретическая информация об иноязычном слове тоже перерабатывается в сознании обучаемого, кодируется определенным образом и передается на хранение. Эта информация хранится во внутреннем (ментальном) лексиконе.

Внутренний лексикон рассматривается некоторыми когнитивными лингвистами не как «склад» или «хранилище» единиц, а как структура, которая организована определенным образом. Эта организация обеспечивает быстрый поиск и нахождение для данной речевой ситуации нужную лексическую единицу. Внутренний лексикон — это скорее всего функционирующая система. Каждая единица «записана» в ней с инструкцией об ее использовании, с данными об ее оперативных возможностях по всем линиям ее употребления, включая прагматические, формальные и семантические характеристики.

Наши знания о лексических единицах хранятся в ментальном лексиконе в виде фреймов [Ришар 1998: 126]. Фрейм представляет в голове человека определенную стереотипную ситуацию. Лингвистический фрейм — это структура сознания, отражающая языковое знание говорящего. По мнению М. Минского, сличение ситуации с фреймом быстро выявляет их соответствие или же несоответствие друг другу, что позволяет связать одни фреймы с другими, более подходящими для интерпретации конкретной ситуации. Фрейм может, кроме того, выступать не только как застывшая структура /хранилище/ информации, но и как структура, предполагающая получение новых знаний в ходе обработки конкретных данных. С каждым фреймом связана информация разных видов: одна относится к использованию данного фрейма, другая предупреждает, что может произойти потом, третья предписывает, что следует предпринять, если эти ожидания не подтверждаются [Минский 1988: 281-309]. Минский представляет фреймы в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними.

Ментальный лексикон рассматривается некоторыми исследователями как часть долговременной памяти человека, связанной с хранением лексических единиц и лексической информации. Некоторые психологи называют это семантической памятью. В семантической памяти представлена информация исключительно о словах и их составляющих, информация о способах хранения единиц, о правилах доступа к этим единицам и об их связи с другими единицами.

Одни исследователи считают, что слова хранятся в нашей временной памяти в виде «решетки фонем и морфем» (Н.И. Жинкин). Другие утверждают, что лексические единицы хранятся в виде схем. Третьи предполагают, что в ментальном лексиконе находятся как бы две единицы. Это «лемма» и «адрес формы» [Levelt 1993: 143] - «Лемма» накапливает и хранит семантические и синтаксические свойства лексической единицы. А «адрес формы» специализируется на хранении морфологической и фонологической информации. М. Шварц научно доказывает этот факт на примере анализа языковых ошибок и оговорок в речи обучаемых. Организационная форма хранения таких знаний в нашей семантической памяти может быть самая разнообразная. Это может быть «кластерная модель», «групповая модель», «модель сравнительных семантических признаков», «сетевые модели» [Салсо 1995: 215].

Когнитивный образ слова выполняет как бы две функции. С одной стороны, он является носителем лингвистической информации о слове. С другой - этот образ способен отражать окружающий нас мир и общечеловеческие знания.

Понятие «образа мира» было введено А.А. Леонтьевым. Образ мира, по его мнению, это «отображение в психике человека предметного мира,

опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1997: 268].

Усвоение лексических единиц иностранного языка выступает как переход на новый образ мира. Этот новый образ мира так необходим для понимания и сотрудничества с носителями другого языка, представителями другой культуры, другого образа мысли /менталитета/ [Сафонова 1996: 87]. А.А. Леонтьев считает, что обучение новому иностранному языку состоит в том, чтобы научиться осуществлять ориентировку в окружающем нас мире так, как ее осуществляет носитель языка [Леонтьев 1997: 226].

З.А. Харитончик указывает, что сведения об окружающем нас мире, знания о событиях и состоянии человека, о действиях и процессах, происходящих вокруг человека, создают базу знаний для коммуникации [Харитончик 1992: 101]. Вот почему для изучающего иностранный язык важен не только когнитивный образ слова, участвующий в порождении высказывания или в восприятии информации из текстов для аудирования и чтения, но и тот отрезок действительности, окружающего нас мира, зафиксированного с помощью этих слов. Такая информация составляет общефоновые знания. Этот вид знаний накладывается на лингвистические знания. Тогда они позволяют человеку с помощью языковых знаков адекватно действовать в этом мире, адекватно его воспринимать. Высказывания становятся адекватны поставленным коммуникативным задачам. Эта же информация позволяет глубже понимать и интерпретировать содержание текстов, которые предлагаются в учебном процессе по иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев Б.Б. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1965. – 227 с.
2. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977. – 412 с.
3. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Когнитивные аспекты лексической системы языка // Издание Башкирск. ун-та, 1998. – 180 с.
4. Имамутдинова Ф.Р. Функционально-когнитивный потенциал глаголов речи в русском и английском языках (на материале ядерных компонентов сферы [Текст] монография /Ф.Р.Имамутдинова. –Уфа УЮИ МВД России, 2014. – 110 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Н.С. Кубряковой. - М.: изд-во Моск.ун-та, 1996. – 245 с.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: СМЫСЛ, 1997. – 287 с.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

8. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып.23. С281-309.
9. Панкрац Ю.Г. Препозиционная форма представления знаний // Язык и структура представления знаний: Сборник научно-аналитических обзоров. – М.: РАН ИНИОН, 1992. – С. 78-97.
10. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Наука. 2010. – 336 с.
11. Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. – М.: Инет психологии РАН, 1998. – 232 с.
12. Сафонова П.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж, Истоки. – 1996. 239 с.
13. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – М.: Тривола, 1995. – 600 с.
14. Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний: Сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1992. – С. 98-123.
15. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1998. Вып.23. – С.281-309.
16. Levelt W. J. M.(ed) Lexical Access in Speech Production. – Oxford, Blackwell, 1993.

© Имамутдинова Ф.Р., 2019 г.

УДК 81'37

Х.Н. Исмагилова (к.ф.н., доц. УГНТУ, г. Уфа)
Г.Ф. Хакимова (к.ф.н., доц. БашГУ, г. Уфа)

ОБЪЕКТЫ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ КАК ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ОБРАЗАМИ ВНЕШНЕГО МИРА И ОБЩИМ ПРОЦЕССОМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена объектам чувственного восприятия как непосредственному окружению субъекта, воздействующему на его органы чувств и определенным образом влияющему на его жизнедеятельность при постоянном взаимодействии с внешним миром. В работе рассматривается целостный образ объектов восприятия как совокупность инвариантных свойств предметов, значений и смыслов, создаваемых посредством нашего прошлого опыта, как взаимосвязь языка и сфер восприятия и один из основных факторов, ориентирующих человека в мире. В статье раскрывается применимая в лексикографии и практике преподавания модель описания объектов чувственного восприятия, которая позволяет представить когнитивную картину его различных аспектов.

Ключевые слова: чувственное восприятие, объект, объектный мир, объективная целостность, предмет или явление окружающего мира, зрительное, слуховое, обонятельное, осязательное восприятие, восприятие вкуса.

The article is devoted to the objects of sensory perception as the immediate environment of the subject, affecting his or her senses and in a certain way affecting his life in constant interaction with the outside world.

The paper considers the holistic image of objects of perception as a set of invariant properties of objects and meanings created through our past experience as the relationship of language and spheres of perception and one of the main factors that orient a person in the world.

The article reveals the model of description of objects of sensory perception applicable in lexicography and teaching practice, which allows to present a cognitive picture of its various aspects.

Key Words: sensory perception, object, object world, objective integrity, object or phenomenon of the surrounding world, visual, auditory, olfactory, tactile perception, perception of taste.

Познавательная, или когнитивная, активность связана с приобретением и использованием знания. Всякое объективное знание является результатом восприятия, которое участвует в построении своего рода копий объектов и связей между ними. С обыденной точки зрения окружающая действительность обособлена от объекта восприятия. Однако нельзя интерпретировать акт познания как чисто пассивный акт. Воспринимая окружающую действительность – предметы, события, все многообразие красок, звуков, запахов, человек не только получает информацию, но и взаимодействует с миром.

Традиционно в любом перцептивном акте принято выделять основные составляющие: субъект, объект, процесс восприятия и перцептивный образ или представление об объекте.

Восприятие – совокупность процессов построения образа окружающего мира, непосредственное отражение предмета в совокупности его свойств, в его объективной целостности. Человек воспринимает окружающий мир, в частности объекты восприятия во всех его проявлениях и отношениях, объемно и многоаспектно: его форму, размеры, цвет, расположение, качество, взаимосвязь с другими предметами и т.д.

Ситуация восприятия включает двух основных участников: того, кто *видит, слышит, ощущает* (пассивный субъект), *смотрит, слушает* (активный субъект), и то, что *видится, слышится, ощущается*, а также отношения между ними. Субъект восприятия может не только пассивно

видеть, слышать, ощущать, но и активно *смотреть, слушать, трогать рукой, нюхать, щупать* и т.д.

В образе восприятия в качестве единицы взаимодействия представлен обычно весь предмет в совокупности его инвариантных свойств, значения и смыслы, создаваемые посредством нашего прошлого социального и культурного опыта. «Объект восприятия – функциональное образование, проявляющееся сквозь призму активности субъекта» [Барабанщиков 2006: 112].

Объекты познания имеют различные названия – «вещь», «факт», «событие», «ситуация», «референт» и др. Обозначение предмета как единицы целого класса или одного из целой совокупности обладающих тем или иным свойством или взаимосвязи соответствующих предметов, в которых вычленяется какое-то одно звено процесса – все это, как утверждает Г.В. Колшанский, в гносеологическом плане должно рассматриваться как факты материального мира [Колшанский 2005: 77].

Репрезентирует объект восприятия в языке объемный ряд лексических единиц: Ср.: *видеть радугу, туман, снег, дождь; смотреть на поле, лес, закат; смотреть фильм, концерт; осмотр помещения, осмотреть больного; слышится песня, гром; слушать музыку, доносится бой барабанов, далекий гул самолетов; чувствовать прикосновение холодных рук, щупать пульс, нащупать выключатель; издавать, испускать, источать запах; нюхать табак, нашатырный спирт; потянуло сыростью; ощущать вкус вина, чувствовать жжение горького перца* и т.п.

Объект видения представляет собой какой-либо не только отдельный предмет или явление окружающего мира. Объектом видения могут служить все предметы и явления окружающей действительности, доступные зрению, то, что непосредственно наблюдается с помощью зрения [Исмагилова 2008: 74]: *Мы заглянули в шалаш, – там, конечно, все как полагается: красная подушка и затертый, ссохшийся от старости полушубок на соломе, ржавая одностволка в уголке, обрубок широкого пня при входе, а на нем горбушка черного хлеба, толстая чайная чашка, самодельный ножичек...* (И. Бунин).

Объект зрительного восприятия может **отражать** целую картину. Субъект при этом воспринимает все, что может охватить взгляд: и конкретные предметы, и фон, заканчивающийся на горизонте [Исмагилова, Хакимова 2017: 112]: *Князь подвел гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки по натянутым парусам и мелкие рыбацьи лодки... За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли окрестность...* (А. Пушкин).

Если большинство объектов зрительного восприятия (за исключением источников света) пассивны и несамодостаточны, то звучащий объект активен и самодостаточен для восприятия [Носуленко 1988: 127].

Объектом слухового восприятия могут выступить различные шумы, голоса, звуки, музыка и др. Он представлен самыми разнообразными лексическими единицами. Мы слышим звуки, издаваемые людьми, животными, птицами, машинами, механизмами, природными явлениями: *слышать / слушать пение птиц, шум воды, сигнал автомобиля, свист ветра, вой волков, скрип двери, шум шагов* и др.: *На мгновение все затихло, но снова погнулось дерево, снова **послышался треск в его стволе... Звуки топора и шагов затихли*** (Л. Толстой).

Объект слухового восприятия выражается также абстрактными существительными: *тишина вокруг, сонливость в голосе*; отглагольными существительными: *гудение машин, плеск волн, тревожный голос, грохот поезда, хруст веток, завывание ветра*. Ср.: *Среди звуков можно выделить гудение далеких машин, вой маневрового тепловоза на сортировочной, голоса и смех, гул самолетов в небе, шум, порождаемый ветром, и, наконец, лай собак* (В. Пелевин).

Наиболее разработанной в словарях является группировка лексем, представляющих звуки, которые издаются при соприкосновении предметов: *звук удара, скрип калитки* и др. [Кильдибекова, Гафарова, Исмаилова и др. 2013: 301]. В данном случае звуки сопутствуют какому-либо действию, значит являются компонентом ситуации.

Звук – прототипический объект слухового восприятия. Однако звук может выступать не только как объект восприятия, но и как источник.

Ситуационные модели являются формой представления личного опыта. Наблюдатель видит ситуацию, событие или слышит звуки, сопровождающие какие-либо действия в данной ситуации, т.е. фрагмент мира. [Хакимова 2017: 220]. Объектный распространитель, выраженный дополнительным придаточным предложением, разворачивается в ситуацию, событие, включающее объемную информацию: *Сначала из кабинета доносился только глухой однотонный звук низкого командирского баса. Слов не было слышно, но по сердитым раскатистым интонациям можно было догадаться, что полковник кого-то распекает с настойчивым и непреклонным гневом, это продолжалось минут пять. Потом Шульгович вдруг замолчал; послышался чей-то дрожащий, умоляющий голос, и вдруг, после мгновенной паузы, Ромашов явственно, до последнего оттенка, услышал слова, произнесенные со страшным выражением высокомерия, негодования и презрения: – Что вы мне очки втираете?... Опять задрезал робкий, молящий голос, такой жалкий, что в нем, казалось, не было ничего человеческого* (А. Куприн).

Менее развита у человека осязательная, или контактная, чувствительность, при которой объяснима оппозиция между тактильными и болевыми ощущениями, а именно: тактильные ощущения являются сигналами активных движений, болевые – пассивно-оборонительными [Исмагилова, Хакимова 2016: 95]. Ср.: *бить/побить, трясти/потрясти, щипать/ущипнуть, пинать/пнуть, втыкать/воткнуть; стукнуться, ушибиться, ошпариться, порезаться, удариться, натереть (ногу), обгореть* и др.

Ядерную зону сферы осязательного восприятия определяют прилагательные *твердый, мягкий, холодный, теплый, густой, жидкий, острый*. Осязание может быть репрезентировано также в семантике существительных *твердость, мягкость, шероховатость, колючесть* и др., прилагательных *сырой, мокрый, гладкий, зубчатый, ребристый, тягучий* и др. Будем считать, что поверхность в вышеуказанных примерах выполняют роль объекта осязательного восприятия. Механические и термические воздействия предметов на поверхность кожи в виде прикосновения, давления, боли, температуры или воздействия на кожу сил природы: *ветра, воздуха, снега, дождя, воды, снега с дождем* вызывают кожные ощущения.

При пассивном восприятии субъект видит окружающее, не прилагая особых усилий, так как приложение силы не подвластно какому-либо контролю и осуществляется за счет функционирования органов чувств. Оно осуществляется автоматически. Значение пассивного восприятия при осязательном восприятии выражена глаголами: *ощущать/ощутить (прикосновение), чувствовать (боль, укусы)* и др.: Доктор, подойдя к ней, *взял ее за руку. Пульс заметно бился слабее и слабее* (Л. Толстой). Целенаправленное восприятие предполагает осознанность получения той или иной информации при помощи органов чувств. Соприкосновение руки или тела с водой, ветром, огнем, снегом, дождем, льдом как объектами восприятия выражены следующими глаголами осязательного восприятия: *колоть/уколоть, касаться/коснуться, ударить, трогать/потрогать, гладить/погладить, шарить/пошарить, хлопать/хлопнуть, щупать/пощупать* и др.

Результатом действия при осязательном восприятии является обнаружение объекта и его свойств. При этом используются глаголы *касаться, трогать, ощутить что-либо кончиками пальцев, ощупать, шарить, пробовать на ощупь, пальпировать*. Вышеперечисленные глаголы ближе к глаголам целенаправленного действия, в значении которых ясно прослеживается цель действия, номинация объекта, место или время действия. Глаголы контактно-направленного действия обозначают действие, с помощью которого между субъектом и объектом устанавливается контакт: *прижаться щекой к теплomu тельцу ребенка,*

цепляться за руки, сжать в объятиях, цепляться за подол платья, гладить по голове и др. Данные глаголы передают сильное воздействие на объект или изменение объекта.

Информацию о состоянии поверхности объекта можно получить через различные каналы сенсорного восприятия: тактильного (*колючий, ребристый, шероховатый, мягкий, пушистый, горячий*); визуального (*сухая кожа, влажный песок*); аудиального (*скрипучий снег*,). В данном случае важно комплексное чувственное восприятие объекта, основанное на опыте предшествующего взаимодействия с подобными объектами. Причем информация об одном и том же признаке объекта может поступать одновременно через несколько сенсорных каналов восприятия. Например, восприятие отдельных тактильных признаков наслаивается на визуальный образ: *Слышать запах свежего постельного белья, высушенного на морозе, и чувствовать его прохладу; шлепать по мокрому песку, чувствовать влагу, видеть этот песок и слышать шлепанье и чувствовать запах мокрого песка и др.*

Знания об объектах, их форме, качестве поверхности (*мягкий, твердый, скользкий шелковистый, пушистый, бархатный, гладкий, шероховатый, шершавый, ребристый, зубчатый*), консистенции (*воздушный, творожистый, мочалистый, губчатый, желеобразный, студенистый, гелеобразный* и т.п.), температурных характеристиках (*теплый, горячий, жаркий, холодный, греть, греться, ожог, солнечный ожог* и т.п.) человек получает в результате разнообразных действий с предметами действительности и в процессе перемещения по какой-либо поверхности. [Исмагилова, Хакимова 2016: 124].

В отличие от осязания и вкуса, действующих при прямом контакте с объектом восприятия, обоняние представляет дистантную связь. Ориентируясь в окружающей среде, человек больше следует зрительному и слуховому ощущениям, поскольку обоняние не является доминирующим. В русской языковой картине мира отсутствуют специальные слова для обозначения обонятельных ощущений, набор средств для описания запаха ограничен. Однако человек способен различать и удерживать в памяти огромное количество запахов. В количественном отношении они могут превзойти глаголы вкуса, уступая глаголам зрительного и слухового восприятия, и незначительно – глаголам осязания. Так, в повести А. Куприна «Поединок» мы обнаружили следующее соотношение модусов восприятия. **Зрительное восприятие** представлено **861** словоупотреблением, **648** словоупотреблений приходится на **слуховое восприятие**, лексических средств, содержащих **осязательные ощущения, 200, лексика восприятия запаха и вкуса** представлены **52 и 13** единицами. Соответственно и соотношение объектов чувственного восприятия примерно таково.

Запахи как объект восприятия ассоциативно вызывают и закрепляют в сознании человека определенные эмоции. Оценочность формируется, во-первых, за счет лексем, выражающих источник запаха, во-вторых, за счет определителей. Позитивные ощущения выражаются, в основном, оценочными лексемами *аромат, благоухание, парфюм, душистый, приятный* и др. Отрицательная оценка выражается номинациями *вонь, зловоние, перегар, смрад*, определителями *дурной, тухлый, зловонный, вонючий* и др.

Запахи имеют свои особые характеристики, связанные с эмоциональными признаками, что дает возможность восполнить бедность словаря, выражающего запахи, так как именно в определителях запах и получает свою оценку, либо эти определители конкретизируют оценку, которая отсутствует в предикате [Гейко 2014: 72], [Житков 1999: 34].

Известно, что объект восприятия проявляется сквозь призму активности субъекта. Объектом восприятия становится непосредственное бытие индивида, воздействующее на его органы чувств. Для обонятельного модуса характерна конструкция с отсутствием субъекта восприятия. Его отсутствие является нормой. Однако в предложениях, обозначающих восприятие запаха, субъект восприятия может быть просто имплицирован. Он может скрываться в лексическом значении глагола или в локативе: ***В нос ударил вонюченький уют** квартиры, пахучие изжитые кв. метры. Плюс свежий запах лекарств.* (В. Маканин).

Лексика источников запаха или объектов восприятия запаха показывает, что названия источников запаха обладают, как и при зрительном восприятии, широким выбором и что источником запаха может послужить любой предмет, одушевленный или неодушевленный, абстрактный или же конкретный. Ср.: *Тепло, мягко **пахнет** далеким полевым **дождем*** (Бунин).

Объектом вкусового восприятия выступают как предметы, так и среда, характеризующиеся запахом или источающие его. При этом важны эмоции и ощущения, которые составляют мотивационную основу человеческой деятельности при обонятельном восприятии. Они всегда оценочны, значит, субъектны: *сладкий, горький, кислый, вкусный, невкусный, приторный, пряный* и т.п.

Многие объекты имеют прямую языковую проекцию, т.е. признак объекта восприятия репрезентируется одной лексемой. Однако процент вкусовой лексики невелик, и часто она заимствована из лексики, обозначающей другие сферы восприятия. Этим и объясняется отсутствие соответствующих обозначений объектов, связанных с тактильными, вкусовыми и обонятельными ощущениями. В таких случаях они могут быть названы описательными словосочетаниями. Например, *вкус вишни, ключевой воды, подсолнечного масла, лекарств* и т.п.

В случае, если субъект не находит определенных слов для выражения отрицательной оценки объекта, он может прибегнуть также к сравнению: *пахнет как тухлятина, неприятный запах, как запах протухшей рыбы* и т.п.

Признаки объекта восприятия вкуса самые разнообразные. Ядерную зону сферы вкусового восприятия, помимо номинации *вкус*, составляют, общеизвестные обозначения конкретных вкусовых свойств: *кислый, сладкий, горький, соленый*. В периферийной зоне находятся лексемы, во-первых, нечастотные, во-вторых, нерегулярно употребляющиеся в этой функции: *медовый, полынный, терпкий, пряный, тонкий, нежный, жгучий, сердитый, прокислый, прокисший, сладенький, кисловатый* и т.п.

Вкусовые анализаторы отражают лишь «специфические свойства реалий окружающей действительности, но не целостное восприятие объекта», предопределяя место вкусовой лексики в чувственном фрагменте языковой картины мира [Ананьев 2001: 6].

Таким образом, в основе любого процесса познания лежит чувственное восприятие. Именно восприятие выступает в качестве непосредственной связи человеческого сознания с окружающим миром и организует поступающую информацию. Чувственное познание как непосредственный контакт с внешним миром и отражение свойств предметов и явлений в процессе их воздействия на органы чувств является прямо или косвенно источником всех наших знаний. Полученные знания определенным образом организуют процесс восприятия. Воспринимаемое – зримое, слышимое, осязаемое, обоняемое, осязаемое должно быть идентифицировано и интерпретировано.

Воспринимая окружающую действительность: предметы, события, все многообразие красок, звуков, запахов, – человек взаимодействует с миром. Жизнь и восприятие жизни неразличимы. Сущность восприятия заключена в отражении объективной действительности в виде непрекращающейся связи человека со средой, которая осуществляется в форме событий и ситуаций. Человек воспринимает окружающий мир, в частности самые разные объекты восприятия, объемно и многоаспектно: форму, размеры, цвет объекта, его расположение, качество, взаимосвязь с другими предметами. При этом чувственное содержание сознания не определяется однозначно объективными параметрами раздражителей. Человек строит свой образ мира на основании жизненного опыта, логического мышления, эмоций, мышления, фиксируя в нем связи между объектами и явлениями действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Сенсорная организация человека // Психология чувственного восприятия. – М.: Наука, 2001. – 277 с.

2. Барабанщиков В.А. Психология восприятия. Организация и развитие перцептивного процесса. Изд-во Когито-Центр – ИП РАН, 2006 – 462с.
3. Гейко Е. В. Метафорический потенциал компонентов пропозиции обонятельного восприятия // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. Вып. 2. – 150 с.
4. Житков А.В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И.А. Бунина: диссертация кандидата филологических наук. – Екатеринбург, 1999. – 190 с.
5. Исмагилова Х.Н. Функционально-когнитивная сфера «видеть/смотреть» в русском и башкирском языках: Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 138 с.
6. Исмагилова Х.Н., Хакимова Г.Ф. Функциональное назначение и концептуальное содержание языковых единиц восприятия и репрезентация их в языке (на примере осязательного восприятия) // Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А.К. Сулеймановой. – Уфа: изд-во УГНТУ, 2016. – 238 с.
7. Исмагилова Х.Н., Хакимова Г.Ф. Проблемы сочетаемости слов в функционально-когнитивном словаре (на примере сферы зрительно-слухового восприятия) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов / отв. ред. А.Р. Мухтаруллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – 324 с.
8. Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Исмагилова Х.Н. и др. Функционально-когнитивный словарь русского языка: Языковая картина мира / Под общей редакцией проф. Т.А. Кильдибековой. М.: Гнозис, 2013. – 676с.
9. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. / Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 128с.
10. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – 330с.
11. Носуленко В.Н. Психология слухового восприятия. – М.: Наука, 1988. – 127с.
12. Хакимова Г.Ф. Языковая репрезентация ситуаций слухового восприятия речи (когнитивный аспект). // Материалы международной научной конференции, посвященной 95-летию КубГАУ и 50-летию кафедры русского языка и речевой коммуникации «Дискурс в различных сферах коммуникации: современные тенденции и

перспективы» (г. Краснодар, КубГАУ им. И.Т. Трубилина, 11 сентября 2017г.) – Краснодар:2017. – с. 219-226.

© Исмаилова Х.Н., Хакимова Г.Ф., 2019 г.

УДК 81

О.П. Касимова (д.ф.н., проф. БашГУ, г. Уфа)

О КОГНИТИВНОМ ЕДИНСТВЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

В статье рассматриваются вопросы семантики слов, включенных в одно словообразовательное гнездо на примере слова Европа. Когнитивное единство проявляется в их ассоциативных связях и в семантической структуре многозначного слова. Смысловую структуру, объединенную одной лексемой, можно представить как состоящую из нескольких слоев, которые последовательно наслаиваются на базовый слой.

Ключевые слова: ассоциации, Европа, семантика, семантическая производность, словообразование

The article deals with the semantics of words, included in one family of words on the example of the word Europe. Cognitive unity is manifested in their associative relationships and in the semantic structure of a polysemantic word. The semantic structure, United by one lexeme, can be represented as consisting of several layers, which are sequentially layered on the base one.

Key Words: associations, Europe, semantics, semantic derivation, derivation

При рассмотрении словообразовательных связей слов обнаруживается их когнитивное единство, которое заключается в том, что в составе словообразовательных гнезд имеются слова с теми же производными значениями, которые присутствуют в их семантической структуре. Такое смысловое единство разноуровневых единиц признается лингвистами как «каркас картины мира», отраженный в языке: «... они взаимодействуют друг с другом, создавая непрерывность языка, которая «поддерживается» словообразовательными средствами» [Кильдибекова и др. 2007: 45].

Комплексный анализ словообразовательных единиц позволяет прийти к выводу, что специфика словообразования в том, что предмет его исследования многоуровневый: это не только морфемы, но и лексическое значение слова, и словосочетания, в которых реализуется то или иное значение (см. [Гафарова Г. В., Кильдибекова Т. А. 1998; Кильдибекова Т. А., Колокольникова, Л. П., Миниярова, И. М. 2007; Кильдибекова Т. А., Миниярова И. М. 2003]). Использование комплексного разноуровневого

подхода к исследованию производных слов позволяет составить более полную картину когнитивного единства многозначного слова, дать системную и диахроническую характеристику его понятийных связей и преобразований.

Системный семантический анализ слова включает, по нашему мнению, исследование лексического значения слова, его семантической производности по данным толковых словарей и по его употреблению, которое обнаруживает не зафиксированные словарем оттенки значения; исследование лексической производности на основе существующих в языке словообразовательных моделей; а также изучение ассоциативных связей слов [Касымова 2018]. Рассмотрим взаимодействие этих приемов на примере слова *Европа*.

Анализируя словарные дефиниции толковых словарей слова «Европа» и контексты его употребления по данным Национального корпуса русского языка, можно прийти к выводу, что семантика этого слова представляет собой сложный понятийный континуум, в котором на основе метонимических связей объединены 5 концептов: 1. часть света (*В шестнадцатом веке картофель завезли в Европу...* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]); 2. государства 3.Европы (*Европа традиционно считается оплотом благополучия* [Иван Ключев. Ампутация накоплений // «Эксперт», 2014]); 3. люди, проживающие в 3.Европе (*Европа устала обсуждать Калининград* [Елена Роткевич. Европа устала обсуждать Калининград (2002) // «Известия», 2002.09.30]); 4. правительства западных государств (*Европа начала задумываться о целесообразности санкций* [Петр Скоробогатый. Убийство на экспорт // «Эксперт», 2015]). В некоторых употреблениях значение слова *Европа* никак не связано с объектом номинации: газеты, радиостанции, гостиницы, рестораны, космическое тело и пр. (*Основатели клянутся, что каждый номер участвует в розыгрыше призов, а розыгрыш состоится 14 февраля в прямом эфире радио "Европа+"* [Стиляга в гостях у «Марийской правды» (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.21]).

По данным орфографического и толковых словарей можно сформировать словообразовательное гнездо с вершиной «Европа» в следующем виде.

европ-е(j)-ец → европей-к-а
Европа → европ-ей-ский
→ **европеизировать-ся**
европ-еизировать → европеиз-аци-я
→ **европеизорова-нн-ый**
европ-еизм
европ-еоид → европеоид-н-ый
Евро-видение

евро-зона
евро-ремонт
Евро-союз
(евро)

Как у большинства существительных с локальным значением, словообразовательный потенциал слово *Европа* отражает отношения между явлением и признаком (Европа → европейский), территорией и людьми, проживающими на ней (Европа → европеец, европейка), или трансформирует значение в процесс, а далее в абстрактное существительное и признак (Европа → европеизировать; европеизировать → европеизация; европеизировать → европеизированный). Специальные профессиональные значения имеют производные *европеизм* и *европеоид* и образованное от него прилагательное (*европеоид-н-ый*). В словообразовательной паре Европа → европеизм отражается отношение между названием реалии и абстрактным значением: идейным и общественно-политическим течением, научным и эстетическим учением (ср. *реализм, фанатизм, романтизм*).

Относительно новым является заимствованное слово *евро* (официальная валюта 19 стран Еврозоны). Автором названия новой валюты стал эсперантист из Бельгии Жермен Пирло. Название на банкнотах принято указывается латиницей («euro») и греческим алфавитом (Ευρώ). В каждом языке произношение этого слова определяется индивидуально, но идентично произношению слова «Европа». Включение его в словообразовательное гнездо условно, т.к. в русском языке оно появилось не в результате словообразовательного процесса (редукция производящей основы, минимализация морфем, как, например, в *бад – бадминтон, маг – магнитофон, нал – наличные, фан – фанат, мерс – мерседес*), а путем заимствования.

Сложные номинации (*Евровидение, еврозона, Евросоюз*) образуются по мере необходимости. Они представляют собой пример компрессии, при которой сложное слово заменяет словосочетание: европейский тур → евротур, европейская валюта → евровалюта, европейский ремонт → евроремонт).

Семантической основой словообразования преимущественно является второй лексико-семантический вариант значения слова *Европа*: государства Западной Европы. Третье значение (люди, проживающие в Европе) также реализуется в производных *европеец (европейка)*. На этих двух лексико-семантических вариантах основана деривационная активность слова *Европа*. Остальные ЛСВ не стали базой для словообразования, что указывает на доминирующую роль первого значения в структуре многозначного слова *Европа*.

Анализ ассоциативных связей слова *Европа* по данным словаря [Русский ассоциативный...Т.П 2002] также способствует формированию представления о «семантическом каркасе» этого слова. Первое значение «часть света» вызывает ассоциативные реакции со словами *Азия, Америка, континент, земля, глобус, Запад, карта, материк, огромная, океан, суша, часть материка, часть света*, которые связаны с географическими понятиями, с местоположением Европы на планете. Второе значение «государства Западной Европы» вызывает следующие ассоциации: *Англия, Россия, страны, государство, Париж, Старый Свет, Франция, Западная, Восточная*. В этих реакциях прослеживается сложившееся в нашем сознании прежде всего «географическая» компонента значения.

Часть реакций свидетельствуют о том, что слово «Европа» может быть семантически опустошено: *радио, плюс, плюс 106 2FM стерео, +, Plus*. Несколько реакций обусловлены фразеологизмами (*окно в Европу, галопом по европам*) и рифмой (*о-па*).

Таким образом, семантика слова *Европа* является многоуровневой, она включает несколько когнитивных слоев, которые последовательно наслаиваются на базовый слой – часть света.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Когнитивные аспекты лексической системы языка. – Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 1998. – 180 с.
2. Касимова О.П. Концепты *русские, запад* и *восток* в русской языковой картине мира. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – 160 с.
3. Кильдибекова Т.А., Колоколова Л.П., Миниярова И.М. Функциональный аспект словообразования русского языка. Учебное пособие для филологических факультетов вузов. – СПб.: «Борей-Арт», 2007. – 130 с.
4. Кильдибекова Т.А., Миниярова И.М. Когнитивный аспект словообразовательных гнезд // Теория поля в современном языкознании: Материалы науч.-теор. семинара. Ч. IV. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1997. – С. 26-31.
5. Кильдибекова Т.А., Миниярова И.М. Функциональный аспект словообразования русского языка. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2003. – 190 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 15 октября 2019 г.).
7. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н.Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. М.: АСТ-Астрель, 2002. 992 с. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения 15 октября 2019 г.).

© Касимова О.П., 2019 г.

ПОЛЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПАРЕМИОЛОГИИ

Статья посвящена изучению русской языковой картины мира. Исследование осуществляется путем построения полевой модели на основе анализа русских паремий, репрезентирующих стереотипные представления русских о деньгах, их роли в жизни человека. При анализе ценностной составляющей семантемы выявлена ее полярная оценочность, на основе которой формируются устойчивые менталитетные связки (деньги ценятся трудовые, их нужно беречь, нажить нелегко; любовь, счастье и близких на деньги не купишь; деньги идут к деньгам и умным людям; деньги могут поработать человека, менять; без денег часто нет друзей; большие деньги могут приносить несчастье).

Ключевые слова: полевая модель, моделирование, менталитет, языковая картина мира, паремия, лексико-семантическая система, лексема, деньги.

The article is devoted to the study of the Russian language picture of the world. Russian Russian paremias, which represent the stereotypical ideas of Russians about money and its role in human life, are analyzed by constructing a field model. When analyzing the value components of semanteme revealed its polar evaluation, based on which form stable mentalitete ligament (money valued employment, they should be protected, not easy to make; love, happiness and family for money can not buy; money goes to money and smart people; money can enslave a man, to change; no money, often no friends; big money can bring misfortune).

Key Words: field model, modeling, mentality, language picture of the world, paremy, lexico-semantic system, lexeme, money.

Исследование паремиологии обусловлено интересом современного языкознания к проблемам структурной организации, содержательной характеристики, типологической спецификации языкового образа мира [Иванова 2003]. Рассмотрение языковой картины мира этноса как сложно структурированной системы через ее моделирование отражает современные тенденции в развитии антропологической лингвистики.

Разнообразие методологических форматов и подходов к исследованию языковой картины мира свидетельствует о структурной сложности и содержательной объемности данного феномена [Булыгина

1997; Концептосфера 2010; Кузнецова 1963]. На этом основании адекватным диалектической сущности языковой картины мира следует считать практическое моделирование одного из ее фрагментов [Кочнова 2015б]. В исследовании используются следующие методы: наблюдение, сравнительно-типологический и структурный методы, метод идеографического описания (тезаурусный) с использованием приемов количественного анализа, компонентный анализ, приемы лексикографического описания и семантико-стилистический метод, опирающийся на контекстуальный анализ, полевой подход.

В науке существует несколько типов лингвистических моделей: разрабатываются модель-образец, модель-схема, полевая модель, модель типология и модель-эскиз. Моделью-образцом называется фиксация повторяющихся, типичных для того или иного языкового явления признаков его постоянной структуры. Модель-схема, типология строятся как обобщение фактического материала. В основе полевой модели лежит понятие лексико-семантического поля (группы) слов. Деятельность исследователя-лингвиста состоит в том, чтобы из суммы наблюдений над речевыми произведениями (текстами) извлекать некоторое представление о способе их организации, то есть системе.

Построение модели тесно связано с вербализацией инварианта (микротекста) употребления того или иного слова (семантемы). Анализируется семантика языковых единиц, особенности их употребления, сопоставляются ценностные суждения, зафиксированные в значениях слов, устойчивых выражениях, семантико-структурной организации паремий. Полученная модель раскрывает ценностное содержание семантемы, по которой строятся культурные стереотипы [Кочнова 2015а].

Полевая модель строится по следующим положениям: модель представляет собой набор элементов, связанных между собой структурными отношениями; компоненты модели имеют семантическую общность; в структуре модели выделяются оппозиционные связи семем, образующих микрополя; в составе поля выделяются ядерные и периферийные конституенты; ядро консолидируется вокруг семантемы (компонента-доминанты); граница между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии нечеткая, размытая.

Построим модель с семантическим центром «деньги». Ядерной лексемой является '*деньги*' и ее дериваты '*денежка*', а также родо-видовые репрезентанты: *алтын, грош, рубль, копейка* и др.

Структурно-семантически модель представлена связками-оппозициями [Кочнова 2016], когда народный опыт фиксирует в семантеме важные синонимические и антонимические связи.

Сверхкраткость структуры и семантики паремий приводит к сверхъемкости самой главной семантемы, в которой значимость каждой семы повышается в разы. Важное место в структуре паремий имеют бинарные отношения языковых единиц, на основе которых составляются связки. Каждая связка имеет особое значение и может разворачиваться в специфический микроконтекст.

Актуальна связка «деньги – труд». Русский человек утверждает: «Деньги под ногами не валяются» [здесь и далее цит. по: Сборник народной мудрости], «Деньги не щепки, на полу не подымешь», что означает 'деньги тяжело достаются, их нужно заработать'. «Трудовые деньги век кормят». «Заработанная копейка гвоздем прибита, а даровая не задержится». Здесь выстраивается оппозиция деньги «трудовые, заработанные – даровые, легкие».

Человека ценят за деньги («У Фомушки денежки – Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки – Фомка Фома», «При деньгах Панфил всем людям мил; без денег Панфил никому не мил», «Как у Сенюшки в кармане две денежки: Семен, да Семен! А у Сенюшки ни денежки, так и Сенькой не зовут»). Прослеживается закономерность: если есть деньги, тогда человека уважают, а если нет, то отношение к нему пренебрежительное.

В русском менталитете часто кроется надежда на нетрудовой доход, случайный: «Не было ни гроша, да вдруг алтын». «Деньги как навоз: сегодня нет, а завтра воз». «Деньги – гости: то нет, то горсти».

За деньги можно всё купить: «И слова не скажи, только грош покажи» (т.е. поймут), «Денежка есть, так и дядюшка есть», «Были б денежки в кармане, будет и тетушка в торгу».

Но близких, мать с отцом, счастье, любовь на деньги не купишь: «На деньги не купишь отца с матерью», «Деньги дело наживное, одежда тоже, а любовь всего дороже». «Не в деньгах счастье» – говорится, чтобы подчеркнуть, что одни только деньги не делают человека счастливым. Любовь и счастье оказываются превыше денег. «Деньгами чувства не купишь», «Деньги – прах, одежда тоже, а любовь всего дороже». В том числе и здоровье: «Здоровье – дороже денег». «Не с деньгами жить, а с добрыми людьми»: говорится при желании подчеркнуть, что добрые человеческие отношения дороже денег, богатства.

Актуальна связка «деньги – друзья»: без денег и друзья исчезают. «Деньги есть – друзья здесь, денег нет – пропал и след». «Денежки в кармане – все друзья с нами». «Кто платит, тот и заказывает музыку», что означает 'при тех или иных совместных действиях право диктовать свои условия, распоряжаться чем-л. и поступать по своему усмотрению имеет тот, кто располагает деньгами и оплачивает счета'.

Русский человек подмечает, что большие деньги – это хлопотно, к беде: «Больше денег – больше хлопот», «Грехов много, где денег вволю»,

«Деньги, что камень: тяжело на душу ложатся», «Много денег, много и забот», «Денежка беду творит».

Человеку с деньгами прощаются любые грехи: «Святые денежки умолят». «За свой грош везде хорош», так говорится с уверенностью, что деньги всесильны.

Деньги приносят с собой заботы: «Больше денег – больше забот».

Деньги идут к деньгам: «Денежки – что голуби: где обживутся, там и поведутся». «Деньги – дело наживное»: говорится с желанием подбодрить, когда кто-л. испытывает денежные затруднения, несет материальные потери. «Деньга деньгу наживает», «Деньга деньгу родит», «Деньги к деньгам льнут».

Деньги любят счёт: «Деньги счётом крепки», «Считанная сотня полна». Импликационал семантемы содержит семы 'счет', 'мера', 'крепкий', 'полный', 'надежный'. «Деньги счет любят». Говорится в оправдание бережливости или частого и старательного пересчитывания денег. «Денежка любит счет, а хлеб – меру», «Без счета и денег нет», «Дружба – дружбой, а денежкам – счет», «Чаще счет, дольше дружба», «Счет дружбы не портит».

Деньги нужно беречь, бережно сохранять: «Без копейки рубля не бывает», «Копеечка рубль бережет», «Береженная копейка рубль бережет», «Рубль цел копейкой».

Тесная взаимосвязь денег с умом, разумом прослеживается в связке «деньги – ум», где проявляется оппозиция «умный – дурак»: «Деньги умных любят», «Горе деньги нажить, а с деньгами и дураку можно жить», «Без рубля – без ума», «Денег палата, да ума-то маловато».

Важна связка «деньги – время»: «Деньги потерял – ничего не потерял, время потерял – все потерял», «Деньги потерял – ничего не потерял, время потерял – многое потерял, здоровье потерял – все потерял».

При этом деньги часто мимолётны: «Деньги – что вода», «Богатство – вода: пришла и ушла». Семантема «деньги» содержит сему 'вода'. Возникает метафора, когда деньги *убегают*, *утекают*, словно вода. Семантема содержит актуальные семы 'летать', 'крылья', 'птица', 'воробушек': «Деньги-то с крылышками – летают», «Денежки, что голуби: где обживутся, там и поведутся», «Денежки – воробушки, прилетели-улетели».

С другой стороны, имплицитно существуют семы 'плакать', 'слезы': «У Вас рубли плачут, у нас и копейки пляшут», «Плакали наши денежки», «По деньгам плакать – беса тешить».

Деньги порабащают человека: «Сила и слава богатству послушны», «И барину деньга господин».

Безденежье порицается: «У кого нет денег, тому и кошелёк не нужен».

Способы получения денег не индивидуализированы: «На деньгах нет знаку», т.е. не узнаешь, когда или кем они нажиты. Ср. «Деньги не пахнут». Неважно, что способ зарабатывания денег вызывает осуждение, они от этого не обесцениваются. Циничный ответ на упрек в том, что избранная кем-л. деятельность незаконна, предосудительна, унижительна и т. п.

Модель «деньги» репрезентирует стереотипные представления русских о деньгах, их роли в жизни человека. При анализе ценностной составляющей семантемы выявлена ее полярная оценочность, на основе которой формируются устойчивые менталитетные связки (деньги ценятся трудовые, их нужно беречь, нажить нелегко; любовь, счастье и близких на деньги не купишь; деньги идут к деньгам и умным людям; деньги могут поработать человека, менять; без денег часто нет друзей; большие деньги могут приносить несчастья, беды и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки славянской культуры, 1997. – 577 с.
2. Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): автореф. дисс. ... д. филол. н. – СПб., 2003. – 38 с.
3. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии). Под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2010. – 340 с.
4. Кочнова К.А. Лексико-семантическое поле как способ репрезентации языковой картины мира писателя // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2015а, № 6. – С. 125-130.
5. Кочнова К.А. Уникальные менталитетные связки слов в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2016, № 2-1. – С. 122-124.
6. Кочнова К.А. Языковая картина мира писателя: аспекты и методы исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, журналистика, 2015б, № 3. – С. 53-56.
7. Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. – М., 1963. – 58 с.
8. Сборник народной мудрости [Электронный ресурс]. URL: <http://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-pro-muzha/>

© Кочнова К.А., 2019 г.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОННЕКТОРА *НЕ ТОЛЬКО... НО И* В МЕДИАТЕКСТАХ

В статье рассматриваются семантика, вариативность и прагматические аспекты функционирования связки не только... но и в речевых реализациях медиа. Материалом анализа послужили критико-полемические статьи 2018-2019 гг. Коннектор относится к дискурсивным маркерам, обладающим в контекстах способностью наращивать стратегически важный смысл и моделировать разные текстовые ситуации.

Ключевые слова: коннектор, семантика, значение неединственности, прагматические аспекты, ситуация, отношение, медиа, дискурс

The article examines the semantics, variability and pragmatic aspects of the functioning of the connector not only... but also in the speech realizations of the media. The analysis was published by critic-polemical articles 2018-2019. Connector refers to discursive markers with the ability in context to build strategically important meaning and simulate different textual situations.

Keywords: connector, semantics, the meaning of non-singness, pragmatic aspects, situation, modality, media, discourse

Наблюдение за процессами порождения и понимания языковых сообщений обусловило пристальное внимание языковедов к служебным единицам, которые участвуют в построении ментальных моделей текста (моделей их понимания, или обработки текста), и, как выясняется, связаны с построением отдельных текстовых ситуаций. Большой интерес в этом отношении вызывает служебная связка *не только... но и*. Материалом анализа послужили критико-полемические статьи, опубликованные в журнале «Эксперт» и «Независимой газете» 2018-2019 гг.

Изучением двухместного коннектора *не только... но и* занимались многие лингвисты (Н. С. Валгина, Н. И. Формановская, О. Ю. Инькова, В. З. Санников и др.). Многочленные союзы подробно описаны в Русской грамматике. Единицы со связующей функцией, эквивалентные русскому коннектору, существуют и в других языках (ср. для англ. *not only... but also*, для итал. *non solo... ma anche*). С одной стороны, этот двухместный коннектор относится к дискурсивным маркерам, воспринимаемым как готовые к употреблению многокомпонентные единицы. С другой стороны,

коннектор *не только... но и* при устойчивости значения обладает вариативностью, имея такие аналоги в речевом контексте, которые свидетельствуют о дополнительных нагрузках в структурно-семантическом комплексе с этой смысловой связкой.

Показательны прагматические аспекты использования данной связки в медиа текстах – то есть там, где основой смыслового развертывания выступает диалогичность, взаимодействие и противоборство разных сторон. По нашим наблюдениям, связка *не только... но и* составляет признак ментально-речевых образований (дискурсов) с политико-аргументативной составляющей. С одной стороны, под наблюдением находился сам союз, его состав, его модификации. С другой стороны, внимание обращалось на соединяемые части, на единицы с такими функциональными свойствами, как актанты (существительные, местоимения) и предикативные слова (глаголы, прилагательные).

Прежде всего, отметим следующее. Исследователи говорят об интегрирующей функции союзов **но**, **и**, **а**, отмечая, что в полной форме компоненты *не только ...но и* взаимно связаны «по употреблению» для презентации определенным образом структурированного содержания [Валгина 2001: 281]. Обратим внимание 1) на семантику данного коннектора в языке и вариативность его в текстах 2) на отношение к субъекту и предикату высказывания, 3) на вклад коннектора в моделирование семантических ситуаций в тексте.

(1) В трактовке языковой СЕМАНТИКИ *не только... но и* существует немало разных точек зрения. Среди лингвистов нет единства в вопросе о том, к какой семантической группе союзов его следует относить: соединительные, противительные, отрицательно-утвердительные, сопоставительные союзы с оттенком градиционного значения. В то же время есть устойчивое мнение, что информация, содержащаяся во втором фрагменте, оказывается на правах более значимой: *Дмитрий Ярош призвал СБУ обращать внимание на деятельность не только внешних, **но и внутренних** врагов*. Согласно «Русской грамматике» [1980: 170-171] большая значимость второго компонента заложена в семантике самого союза *но*, которая проявляется в противительно-соединительных структурах. Однако и первая часть (*не только*) «обладает свойствами выделительной частицы, подчеркивающей то или иное слово», поэтому она может располагаться «при слове сопоставляемом, сравниваемом и при этом выделяемом» [Формановская 2007: 43]. Для смысла текста безразличен статус *только* как фокусной частицы высказывания: *Жестокость этих выступлений, как со стороны бастующих, так и со стороны полиции, шокировала **не только** французов*; или в качестве контрастивной частицы объединенной с союзом *но* (*шокировала **не только** французов, **но и** иностранцев*). С другой стороны, В. З. Санников,

признавая в целом формулировку о значимости второй части коннектора, связывает его значение с понятием нормы. С его точки зрения, правильное говорить «не о большей важности второго компонента, а о существенном отклонении от нормы» [Санников 2008: 314].

Нет сомнений в том, что семантике изучаемого коннектора свойственно отношение неединственности, или «отношение включения элемента во множество» [Инькова 2016: 46]. Его можно связать с функцией сочинения, когда сочинительный союз *но и* присоединяет синтаксически однородный компонент с нейтрализацией противительной семантики *не только*. Сравните заголовок «Московский бюджет – 2019 будет **не только** социальным, **но и** инвестиционным» и начало статьи: *Бюджет Москвы на 2019 год будет иметь две особенности – он будет **и** социально ориентированным, **и** инвестиционным*. О. Ю. Инькова предложила объединить весь тип отношений неединственности наименованием Ч. Пирса – «мереологические отношения» [Peirce 1981]. Вместе с тем отмечается, что частица *не только* маркирует всегда то положение вещей, которое уже известно слушателю, т.е. имеет статус "данного": *К радости устроителей, на приглашение откликнулись **не только** исследователи из большинства регионов России ("данное"), **но и** многие писатели и ученые из стран ближнего зарубежья – Германии, Франции, США, Израйля, Канады и многих других ("новое")*.

Порядок следования соединяемых фрагментов текста может быть обратным, когда *не только* сдвинуто вправо и маркирует второй фрагмент текста, который вводится союзом *а*, противопоставляя "новое" и "данное": *Россия создавалась как объединение народов на общих принципах жизни, на духовной общности народов, а не только территории*. Здесь при субъективном порядке следования частей сначала сообщается новое, а потом данное.

Коннектор *не только... но и* обладает высокой степенью в а р и а т и в н о с т и, поэтому приходится говорить о его модификациях.

К о л и ч е с т в е н н а я модификация – это сокращение числа элементов, входящих в исходную форму; это бессоюзный вариант, хотя союз легко восстанавливается. Количественные отношения сродни самому значению частицы *не только*, поэтому отношение неединственности не обязательно выражается полной связкой, возможна редукция второго союзного элемента. Частица *не только* всегда указывает на коммуникативную недостаточность вводимой информации, создавая у слушающего ожидание продолжения. Редукция состава коннектора способна выразить дополнительную экспрессию, а значит и смысл: введя бессоюзную 2-ю часть содержания, говорящий акцентирует приоритетное. Сравните: *Бюджет **должен быть не только** адекватен тем возможностям, которые есть. Нам **потребуется** ресурсы на*

достижение национальных целей развития. Без этого наша страна **не может**... идти вперед. Для политического дискурса характерны модально-предикативные реализации с редуцированным коннектором, при этом акцентированной и развернутой оказывается именно бессоюзная 2-я часть комплекса.

К а ч е с т в е н н о й модификацией коннектора называют замену замыкающего компонента: вместо *но и* ставится *а и*. С такой меной нередко связана полемическая составляющая медиа дискурса. Характерной чертой высказываний в рамках медиа дискурса выступает замена указанной частицы ее разговорным модификатором **не просто**. В виде ограничительной частицы эта лексема привносит в сообщение свободную тональность диалогичности и, в то же время, сохраняет отношение к наречию, образованному от прилагательного «простой» (т.е. ‘несложный’, ‘элементарный, не составной’). И тогда значение контрастивности, присущее союзам **но / а / и** в составе двухместного коннектора, осложняется в медиа включением полемической смысловой оппозиции «просто» / «сложнее» (ниже такая оппозиция отмечена у нас многоточием):

*Распад и царской, и советской империй вел **не просто** к независимой, а... к антирусской Украине;*

*[Это привело] к новой холодной войне, к опасному противостоянию России **не просто** с Западом, а... с современной глобальной цивилизацией;*

*Председатель правительства добавляет в этот перечень нечто новое: **не просто** ускоренное, но... прорывное научно-техническое развитие.*

Качественную модификацию коннектора создают «семантические приращения» ко второй части коннектора в виде лексем, выражающих в полемике добавление (*а еще*), обобщение (*вообще, а в основном*) или, наоборот, спецификацию (*например*), аналогию (*и, а также, тоже*).

(2) ОТНОШЕНИЕ К СУБЪЕКТАМ И ПРЕДИКАТАМ высказывания. По характеру передаваемой информации семантика распадается на две сферы: предметную и сферу понятий, или смыслов. Коннектор со значением неединственности, казалось, больше предрасположен связывать предметы объективного мира, называемые денотатами (или референтами). Другими словами, его функция – связывать в сознании человека то, что так или иначе легко опознается человеком. Для наблюдаемой связки это естественнее, нежели связывать понятия или представления о предмете, что входит в природу предиката. Но ведь и предикат не лишен признаков референции, хотя относится к мышлению о мире. В этом случае говорят об актантной рамке глагола. Сравните: *Турция, ужесточила подходы **не только** во внутренней политике, но и во внешней*. Интересно исследовать этот вопрос. Все же денотатная лексика является лексической проекцией субъектов, а сигнификатная лексика – лексической

проекцией предикатов. Существует и другая сторона анализа: с когнитивной точки зрения союзы, предлоги, кванторы и отрицания являются различными типами предикатов [см. Степанов 1981: 140]. Прагматическое значение высказывания в медиа – это содержащаяся в нем информация (включая ментальную) об условиях его употребления, о многообразных аспектах коммуникативной ситуации. В число таких аспектов входят модальные и квантитативные показатели положения дел.

Вернемся к логико-семантическому отношению «неединственности», одним из показателей которого является частица *не только*, «вокруг которой формируется структурно-семантический комплекс с системно упорядоченными языковыми единицами» [Инькова 2016: 56]. Семантика неединственности у коннектора заглушается, если ‘множественность’ относится не к субъектам высказывания (т.е. не к считаемой предметности), а к их состоянию. Ср.: *Они не просто хотят выполнять свою работу, они полны решимости изменить мир*. Здесь отношение включения элемента во множество переходит к предикативному признаку, выраженному глаголом. Через запятую происходит быстрая смена модальных предикатов с нейтрального на предикат, отмеченный градацией. В подобных фразах на фоне стандарта и синтаксического параллелизма велик шанс перехода градации в риторическое противопоставление (*не хотят, а полны решимости*).

Текстовые усилители эффекта градации и эффекта контрастивности в комплексе с коннектором *не просто... а / но* (т.е. качественная модификация) могут охватывать все части конструкции. Во-первых, действует закон синонимической замены частей коннектора; во-вторых, их инверсия, в результате которой частица *просто* легко переходит в наречие. Рассмотрим пример, где наряду с синонимическими усилителями конструкции (*вовсе не* вместо *не только не*; *а наоборот* вместо *а не*) наречие *просто* усиливает вторую часть сопоставительно-противительного комплекса. И тогда, в контексте сообщаемого, решение власти подается в оценке говорящего как политически безграничное (не знающее пределов): *Сталинская пропаганда вовсе не была бездумной машиной, а наоборот – создавала систему взаимопересекающихся символов, «изгоняя» в негатив или забвение те из них, которые были не только враждебными, но и просто (наречие-усилитель) не укладывались в этот набор*. Перед нами технически расхожий для медиа текстов механизм эмотивной подачи факта: эффект усиления градации с коннектором *не только... но и* возникает в контексте всегда, когда вслед за сопоставительно-противительной структурой вводится опорная оценочная: *Население побежало за деньгами. Причем «убегают» не только валютные, но и рублевые вкладчики. И это уже более серьезная тенденция, чем краткосрочная паника из-за неудачных заявлений главы*

ВТБ Андрея Костина. Очевиден также «референциальный статус» конструкции с *не только... но и* как «способа соотнесения языкового выражения с действительностью (или неким другим миром, в рамках которого оно интерпретируется)» [Кобозева 2004: 228].

В убеждающих идеологических контекстах коннектор *не только... но и* действует по двум направлениям: 1) как показатель неединственности субъектов отношения, 2) как усилитель значения модуса в предикате (обычно это глаголы ментального ряда с подключением оценки: *вписываться, выражать, видеть, утверждать, предполагать, сыграть важную роль*). Так, в аргументативных высказываниях подчеркивается либо приоритетный идеологический субъект оценки множественности (*Ведь у нас в истории русскую идею выражали не только скопцы и или подпольный человек Достоевского, **но и**, к примеру, Александр Невский*), либо приоритет предиката с идеей множественности (солидарности): *Русская / российская идея утверждает гармоничное сосуществование не только социальных, **но и** этнических групп, образующих российскую цивилизацию. Так, Владимир Соловьев видел Россию «с семьей народов»* (Работяжев Н. «Российская национальная идея: между прошлым и будущим». НГ 30.10.18).

(3) Вклад коннектора в моделирование общих СЕМАНТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ в тексте, шире – в медиа дискурсе. Речь пойдет о том аспекте содержания, который отражает ситуацию внешнюю по отношению к самому акту речи. Под общей семантической ситуацией понимается набор отношений, связывающих элементы смысловой структуры предложения. На уровне высказывания имя ситуации задает семантика предикативной части, куда входит и связка, а подчиняющий общий термин является названием определенной ситуации. Например, помимо ситуации «неединственности», это ситуация «коррекции», ситуация «отрицания», «проблемная» ситуация. На уровне медиатекстов, или социального дискурса, особое значение имеет моделирование «проблемной» ситуации наряду с диалогичностью как основой смыслового развертывания в журналистике. Как известно, с медиа дискурсом связан длящийся процесс социального смыслообразования, пронизывающий множество идеологических текстов по диагонали. Отметим две текстовых ситуации, в разработке которых участвует изучаемый коннектор: проблемная ситуация и ситуация коррекции, нередко осложненная полемическим отрицанием.

И. П р о б л е м н а я ситуация; ее аспектные показатели в индексах А, Б и В

А. Связка с семантикой неединичности служит для передачи (или постановки) трудно разрешимых задач действительности. Слово «проблема» входит в смысловой лексико-синтаксический комплекс, образованный коннектором *не только... но и*.

• ... по грузовому сообщению, по его словам, **«есть проблема не только в том, что «Укрзализныця» лишится существенных поступлений и ее бюджет, но и с международным законодательством, в частности, с теми обязательствами, которые Украина взяла на себя в рамках «Всемирной торговой организации»** (Башкатова А. «Между Киевом и Москвой назревает вагонная война». НГ 04.10.18).

• Самой главной **проблемой**, как отметили на обсуждении эксперты, **является отсутствие письма... Есть и проблема полифонии, когда не только происхождение, но и страна проживания разнится: мама говорит на одном языке, папа – на другом, а живут в третьей языковой среде** (Авдошина Е. «О чем плачут эмигранты». НГ 12.09.18)

Б. Связка с семантикой неединичности служит для последовательного описания ситуации, обозначенной градацией как проблема; она включается в существенные по замыслу части текстов – в заголовки, в зачин, в основную часть сообщения. Ср., фрагменты из публикации А. Оболонского «Госаппарат мягкой посадки» (НГ 25.09.18).

З а ч и н – обозначение проблемы с синонимической заменой коннектора (указывается в скобках): *В последние десятилетия повышенную актуальность и политическую остроту приобрели **проблемы** теории и практики бюрократии. Мир столкнулся с кризисом бюрократических форм правления. Кризисом – как эффективности (не только эффективности), так и общественного доверия (но и доверия).*

О с н о в н а я часть – описание проблемы с помощью синонимов-усилителей исходного вида связки: *Возникают и развиваются бюрократические деформации профессионального сознания служащих. При этом наличие необходимых для работы деловых качеств **отнюдь не компенсирует** личную нечестность или непорядочность чиновника, **а напротив, делает его более изощренным** и потому более опасным...*

Вышесказанное зачастую влияет **не только на образ действий и конкретный выбор** чиновником того или иного варианта, исходя из принципа «что понравится начальнику». *Меняется **и сам образ мыслей**, когда чиновник вольно или невольно старается думать и рассуждать, как бы имитируя логику своего начальника*

При описании осложнений в положении дел концепт «проблема» может выражаться предикатом иносказательно: модальностью именной части сказуемого и предикативно градационным значением связки *не только...но и:*

*...обе страны (США и Греция – Т. К.), как пишет газета, **разделяют беспокойство** по поводу того, как себя ведет их партнер по Североатлантическому альянсу – Турция, которая за последние два года ужесточила подходы **не только** во внутренней политике, **но и** во внешней*

(Субботин И. «Военное усиление США в Греции станет сигналом Москве». НГ 13.09.18).

В. Связка с семантикой неединичности акцентирует отклонение от нормы. Концепт «социальная проблема» связан с умножением отклонения от нормы, что как раз входит в компетенцию семантики *не только...но и* (мереологические отношения). Пример: *Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного, – всегда пасовал* (далее идет ссылка на мнение Ф. М. Достоевского).

II. Ситуация к о р р е к ц и и положения дел

Коррекция в медиа часто связана с проводимой в политическом дискурсе идеологией. Коннектор и его речевые реализации используются в статьях для правки содержания понятий или в русле тактической коррекции поведения субъектов политики. Здесь ведущую роль играет идеологическая оценка [Краснова 2011: 61]. Операторы *надо, необходимо, следует, нуждается, потребуется* создают совокупности оценочных отношений, которые базируются на политических взглядах и проводят их в контекст ментальностей дискурса. Стандартная модель коррекции указывает на неединственность возможного выбора и уточняет стратегию желаемого в известных условиях. Ниже приводится полемическое высказывание с присоединительной конструкцией, моделированное по принципу двойственной градации с полным и редуцированным коннекторами неединичности.

Следовательно, надо было работать не только с киевскими властями, но и с гражданским обществом, как это делали американцы, немцы и др. А еще надо было (не только) не сидеть на нефтяной тубе, а (а и) развивать страну, чтобы она была привлекательной для амбициозной молодежи стран СНГ (Кива А. «Страна невыученных уроков. России необходимо умерить свои геополитические амбиции». НГ 09.08.2018).

Двойственная конструкция неединственности работает как усилитель отрицания в модусе. В коррекции положения дел вся ситуация охвачена количественно-оценочным измерением и полемической интонацией.

Заключение

Конструктивная роль коннектора *не только ... но и* в выражении смыслов медиатекста и высокая степень востребованности конструкций с указанным коннектором связывается

- с «мереологическими» отношениями значимости в дискурсе,
- с интегрирующей функцией в данном смысловом комплексе,
- с отношением к понятию нормы явления,

- с выражением данного и нового,
- с риторикой убеждения,
- с текстовым ходом коррекции,
- с уточняющими реакциями на идентификацию явления в его проблемности.

Вокруг коннектора *не только...но* и в медиа формируется упорядоченный структурно-семантический комплекс, который имеет отношение к речевым реализациям в критико-полемиическом дискурсе. Можно говорить о количественной и качественной модификациях коннектора в составе структурированного им содержательного комплекса.

Выбор языкового оформления как первого, так и второго компонента связи (т.е. выбор союза или его отсутствие, выбор частиц, порядок следования соединяемых фрагментов текста) диктуется коммуникативным заданием говорящего и социальной динамикой текста, то есть законами дискурсивными.

Вероятно, можно говорить о "референциальном статусе" изучаемой связи в медиатекстах, или, во всяком случае, о конструктивном вкладе коннектора в моделирование проблемности дискурсных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н. С. Современный русский язык. Учебник для вузов. — М.: Логос, 2001. — 527 с.
2. Инькова О.Ю. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: не только, но и // Вопросы языкознания. — 2016. — № 2. — С. 37-60.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд.2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 352 с.
4. Краснова Т. И. Другой голос. Анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920(22) гг. СПб.: Северная звезда, 2011. — 588 с.
5. Русская грамматика / Т. 2 / Под ред. Шведовой Н. Ю. и др. М.: Наука, 1980. — 709 с.
6. Санников В. З. Русский синтаксис в формально-прагматическом аспекте. М.: Языки русской культуры. 2008. — 624 с.
7. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семасиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. — 360 с.
8. Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. М.: КомКнига. 2007. — 240 с.
9. Peirce C. S. On a method of searching for the categories. *Writings of Charles S. Peirce/ A chronological edition*. Vol. 1. Bloomington: Indiana University Press, 1981. - Pp. 515-528.

© Краснова Т.И., 2019 г.

ФРАЗЕОМАТИЗМЫ КАК РАЗРЯД ИДИОМАТИЧНЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

В статье характеризуются фразеоматизмы как особый вид устойчивых словосочетаний, выявляются категориальные признаки этого разряда языковых единиц, устанавливаются их отличия от фразеологизмов, с одной стороны, и от буквальных словосочетаний, с другой стороны, демонстрируется и характеризуется идиоматичность рассматриваемых устойчивых словосочетаний, приводится классификация фразеоматизмов по видам семантической транспозиции (переосмысления значения), дается обзор точек зрения советских и российских лингвистов на фразеоматизмы, проводится параллель со словами, обладающими идиоматичностью, показывается, что идиоматичные слова делятся на те же виды, что и фразеоматизмы. Исследование проведено на материале английского языка.

Ключевые слова: фразеоматизм, фразеологизм, семантическая целостность, семантическая транспозиция, семантическая осложненность.

The article contains a description of phraseomatic units as a special kind of set expressions, a list of their substantial features, their difference from phraseological units, on the one hand, and literal word combinations, on the other hand. The author proves their idiomaticity and offers their classification based on types of semantic transposition, and a review of Russian linguists' views on phraseomatic units. A parallel is drawn between phraseomatic units and idiomatic words. The author shows that idiomatic words can be subdivided into the same types as phraseomatic units. The research is based on the English language material.

Keywords: phraseomatic unit, phraseological unit, semantic integrity, semantic transposition, semantic complicatedness.

Из всех видов устойчивых словосочетаний отечественными лингвистами наиболее детально описаны фразеологизмы. Гораздо меньшее внимание уделено другому виду раздельнооформленных языковых единиц, обладающих свойством идиоматичности, – фразеоматизмам. Между тем они образуют обширный разряд идиоматичных единиц языка, выполняют важные функции и потому заслуживают тщательного изучения.

Одной из задач, входящих в описание тех или иных разрядов языковых единиц, является установление места рассматриваемого разряда в системе языка. Однако на деле лингвисты порой расходятся во мнениях на этот счет, равно как и в вопросе о категориальных признаках единиц данного разряда, о подразделениях внутри разряда и о функционировании единиц данного разряда в речи. Это приводит к тому, что языковеды делятся на группы в зависимости от своих воззрений на эти вопросы.

К числу понятий, не до конца устоявшихся в лингвистической литературе и по-разному определяемых авторами, относится понятие “фразеоматизм”. Хотя количество работ о фразеоматизмах заметно уступает обширному корпусу трудов о фразеологизмах, в современной лингвистике наблюдаются разногласия по важнейшим вопросам, связанным с анализом фразеоматических идиом. Остаются спорными такие вопросы, как семантические особенности этого разряда идиоматичных единиц языка, их грамматическая природа, статус их лексических компонентов, их классификация и др.

Задача предлагаемой статьи заключается в систематизации результатов имеющихся лингвистических исследований по проблемам фразеоматики, обзоре основных точек зрения ученых, презентации полученных данных в виде таблиц и схем, а также в расширении объема понятия “фразеоматизм”. В статье представлена общая картина фразеоматических изысканий в современной отечественной лингвистике и динамика развития научной мысли относительно данного понятия.

В ряде работ ([Дидковская 2000], [Молостова 2000], [Сафина 2012] и др.) фразеоматизмы рассматриваются на основе определения, данного А.В. Куниным. Это обусловлено тем, что именно он ввел термин *фразеоматизм* в научный обиход, понимая под фразеоматизмами разновидность фразеологизмов, а именно фразеологизмы неидиоматического характера [Кунин 1996: 27].

В своей более ранней работе он определил фразеоматизмы как устойчивые сочетания лексем с буквальным или связанным значением, семантически осложненные, немоделированные по схеме переменного сочетания слов. А.В. Кунин не относил фразеоматизмы к числу идиом [Кунин 1984: 7].

В.М. Савицкий ([2006], [2015]), посвятивший значительную часть своих научных работ идиоматике английского языка в целом и фразеоматизмам в частности, нашел в данном определении противоречие, подчеркивая, что значение словосочетания не может быть одновременно буквальным и целостным. С его точки зрения, словосочетание, которое состоит из лексических компонентов с буквальными значениями, и словосочетание, которое в целом имеет буквальное значение, – не всегда одно и то же. Бывает, что лексические компоненты имеют буквальные

значения, а всё словосочетание в целом имеет небуквальное значение. Таковы фразеоматизмы, согласно концепции В.М. Савицкого. Так, английское наименование *greensnake* буквально означает “зеленая змея”, но в рамках серпентологической терминосистемы оно обозначает не всякую змею зеленой окраски, а только африканского ужа. Это суженное по объему значение.

Под фразеоматизмами названный ученый понимает «фразовые идиомы с частично транспонированным значением» [Савицкий 2006: 98]. Главным критерием, дающим возможность отличить фразеоматизмы от фразеологизмов, является то, что фразеоматизм имеет суженное, расширенное или сдвинутое по объему значение, а фразеологизм – переносное.

Вслед за В.М. Савицким ряд лингвистов (К.Н. Мочалина, Л.В. Молчкова, Н.В. Ерохина и др.) придерживается аналогичных воззрений на фразеоматизмы, считая возможным расширить границы идиоматики за пределы фразеологии и отнести фразеоматизмы к числу «идиоматичных единиц из разряда неполных идиом» [Мочалина 2011: 270].

Фразеоматизм возникает в том случае, если в процессе переосмысления буквального словосочетания семантическое осложнение приводит к появлению нового значения, имеющего общую тематическую область с исходным (номинальным) значением. Например, *redbug* – действительно жук, и он в самом деле красный, но этими семантическими признаками не исчерпывается значение данного словосочетания, если рассматривать его как энтомологический термин. Он имеет приращенный смысл – набор признаков, характеризующих не всякого красного жука, а только определенный вид жуков красной окраски, а именно так называемых жуков-пожарников (лат. *Trombicula*).

В связи с тем, что лексемы, составляющие фразеоматизм, обладают своими отдельными значениями, семантическая целостность фразеоматизмов неполна. Так, в вышеприведенном примере значение фразеоматизма отчасти членимо (*red* – красный, *bug* – жук), а отчасти целостно (комплекс семантических признаков, характеризующих жука *Trombicula*, закреплён не за отдельными лексемами *red* и *bug*, а за всем словосочетанием как единым целым).

Л.В. Молчкова [2014] анализирует фразеоматизмы, которые она определяет как идиоматичные словосочетания нефразеологического характера, и лексемы, их составляющие – номинаторы, десигнаторы и дистинкторы, – различающиеся по степени их номинативной самостоятельности. С позиций семасиологического и ономасиологического подходов Л.В. Молчкова описывает функционирование фразеоматического кода – входящей в состав языка системы правил, по которым строятся фразеоматизмы.

Л.П. Жукова[1987] провела исследование структурных и функционально-семантических особенностей фразеоматизмов на материале английского газетного дискурса. Следует отметить, что детальному разбору в ее работе были подвергнуты фразеологизмы, однако в ней важно то, что на основе результатов проведенного анализа Л.П. Жукова установила: в английском газетном дискурсе фразеоматизмы встречаются гораздо чаще, чем фразеологизмы.

Н.В. Ерохина [1999] детально описала спектр функций субстантивных фразеоматизмов, в который входят аналогическая, комическая, криптолалическая, эвфемистическая, мнемотехническая, кумулятивная, характеризующая функции.

Представим в виде таблицы классификацию фразеоматизмов по характеру семантической транспозиции.

фразеоматизмы с суженным значением		фразеоматизмы с расширенным значением		фразеоматизмы со сдвинутым значением	
Лексемы-слова (номинаторы объектов) на втором ономасиологическом уровне сближаются с морфемами (десигнаторами значений).		Сочинительная связь между лексемами. Значения отдельных лексем «растворяются» в обобщающем значении. Лексемы утрачивают функцию десигнаторов, сохраняя лишь функцию дистинкторов.		Одна из лексем сохраняет самостоятельное значение и номинативную функцию на обоих ономасиологических уровнях, другая лексема получает сдвинутое значение. Ее номинативная самостоятельность значительно снижается. Происходит лексикализация словосочетания.	
номинальное значение	реальное значение	номинальное значение	реальное значение	номинальное значение	реальное значение
bluefish		old shoe		brown paper	
голубая рыба	луфарьви д окуня	старая туфля	всякий хлам	коричневая бумага	оберточная бумага
red caviar		plates and dishes		white alloy	

красная икра	лососевая икра	тарелки и блюда	посуда	белый сплав	антифрикци онный сплав
wise woman		beer and skittles		grey hound (greyhound)	
мудрая женщина	знахарка	пиво и кегли	праздни чные развлече ния	серая собака	борзая
public house		mice and men		brown goods	
публичн ый дом	пивная	мыши и люди	всё живое	коричне вые товары	бытовая техника под дерево
red heath		to know a thing or two		red gum	
красный вереск	новозелан дский красный вереск	знать пару вещей	много знать	красная жевател ьная резинка	сладкая жевательная резинка

Нами выявлены также разряды идиоматичных языковых единиц в сфере лексики, соответствующие разрядам фразеоматизмов:

слова с суженным значением		слова с расширенным значением		слова со сдвинутым значением	
номиналь ное значение	реальное значение	номиналь ное значение	реальн ое значен ие	номиналь ное значение	реальное значение
badlands		backstage		greenroom	
плохие земли	неплодородные земли	закулись е	в тени, на заднем плане	зеленая комната	артистическая уборная
well-day		overseas		bluebook	
хороший день	день ремиссии	за морской границей	за границей	синяя книга	путеводитель
weight-lifter				silverware	

поднимаю щий вес	штангист			серебрян ые приборы	столовые приборы
---------------------	----------	--	--	---------------------------	---------------------

Таковы, по нашим представлениям, основные признаки фразеоматизмов и их отличия от фразеологизмов, с одной стороны, и от буквальных сочетаний слов, с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дидковская В.Г. Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка: На материале глагольно-именных сочетаний: Дис. ... докт.филол.наук / 10.02.01. – Новгород, 2000. – 329 с.
2. Ерохина Н.В. Структура и функции идиом: На материале субстантивных устойчивых словосочетаний и сложных существительных английского языка: Дис. ... канд. филол. наук / 10.02.04. – Самара, 1999. – 198 с.
3. Жукова Л.П. Прагматический аспект функционирования фразеологизмов в языке английской газеты: Дис. ... канд.филол.наук / 10.02.04. – М., 1987. – 196с.
4. Кунин А.В. Предисловие / А.В. Кунин. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984. – С.7-13.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.
6. Молостова Е.П. Экспрессивный компонент семантики фразеологизмов-антропоцентризов русского и французского языков: Дис. ... канд. филол. наук / 10.02.20. – Казань, 2000. – 208 с.
7. Молчкова Л.В. Фразеоматизмы как продукт работы фразеологического кода // Современные проблемы науки и образования. – № 4.– 2014. – С. 484-485.
8. Мочалина К.Н. К проблеме определения фразовых и лексических идиом // Известия СНЦ РАН. – Том 13. – № 2 (4). – 2011. – С. 970-973.
9. Сафина З.М. Репрезентация концепта в семантике фразеологических единиц // Вестник Башкирского университета. – Том 17. – №1(1). – 2012. – С. 549-553.
10. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. – М.: Гнозис, 2006. – 208 с.
11. Савицкий В.М. Фразеоматизмы как вид идиоматичных языковых единиц //Тенденции развития науки и образования. Журнал изд-ва LJJournal. – №12. – 2015. – С. 1-5 [Электронныйресурс]. – URL:http://ljjournal.ru/wp-content/uploads/2015/12/savitsky_01_30.11.2015.pdf

© Нуртдинова Л.Р., 2019 г.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ

В статье рассматриваются негативные психологические аспекты рыночно-утилитарного восприятия времени, закрепленного в культурно-языковых представлениях

Ключевые слова: модели времени, метафоры времени, картина мира.

The article studies the negative psychological influence of monetary time metaphors fixed in language and culture

Key Words: time models, time metaphors, worldview

В картине мира любой культуры время является одной из фундаментальных смысловых категорий. Оно концептуально пронизывает все понятийные области, сопряженные с идеей изменения, развития, динамики. Смыслы времени не только отражают, но и дополняют любую языковую и понятийную отсылку к четвертой координате внешнего мира. Каждая культура адаптируется к феномену времени и адаптирует его под себя. Процесс и результаты этой двунаправленной адаптации закреплены в понятии антропоцентричности. Решение антропоцентрической проблемы времени в области языка и в области культуры мало чем уступает по своей сложности решению физической проблемы времени в общей теории относительности. Физическая теория находит надежную опору в уравнениях, но для антропоцентрических преобразований образа реальности математического аналога не существует.

Выходящее за пределы повседневной прагматики понимание времени всегда представляло собой тайну и концептуальный вызов для человеческого сознания. Перед культурой и перед отражающим культуру языком изначально стояла задача искать решение вопроса, регулярно ставящего в тупик и самых выдающихся мыслителей. Загадка этого вопроса отражена в известном высказывании Аврелия Августина: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему - нет, не знаю» [Августин 2014: 232]. Через 16 столетий после Августина Мартин Хайдеггер, поводя итог своей работе «Бытие и время» напишет: «Что остается сказать? Только это: событие сбывается. Тем самым мы говорим из того же о том же ради того же. По видимости это не говорит ничего» [Хайдеггер 1993: 406].

Философскую сложность проблемы времени неизбежно унаследовала языковая концептуализация, вынужденная отражать как исходную противоречивость времени, так и попытки человеческого разума найти выход из этих противоречий. Объективный и субъективный аспекты восприятия времени получили воплощение в концепции Н.Д. Арутюновой, разделившей формы языковой репрезентации времени на модели Потока времени (движение природных веществ) и модели Пути человека (линия времени, представляющая течение жизни человека, линию его судьбы) [Арутюнова 1997: 53]. В данной статье будет сделана попытка рассмотреть один из аспектов субъективного восприятия времени, при котором понимание его человеком становится сильно зависимым от социально-исторических условий, с побочным эффектом в виде мощного психологического воздействия на коллективное сознание, еще более осложняющего и без того проблемную антропоцентрическую адаптацию времени в культуре.

Образ времени в человеческом сознании тесно связан со структурой мировоззренческих представлений, а они, в свою очередь, эволюционируют в соответствии со значимыми культурными изменениями. В этой связи интересно проследить динамику концептуальных представлений о времени, отразившуюся в развитии современной модели времени в культуре и закрепившуюся в языковой картине мира.

Современная модель времени пришла на смену традиционному пониманию времени человеком – циклической модели. В циклической концепции время уподобляется кругу, возврату в исходную точку. Представление о цикличности времени, о завершенности, повторяемости цикла характерно для истории всех народов мира, для наиболее древних, мифологических этапов развития культур. Это представление естественным образом связано с природой, с ритмами суток и времен года. Первым шагом на пути к новой, уже не замкнутой, а линейной концепции времени стало воздействие на коллективное сознание идей христианства. Христианское понимание времени стало исходить из идеи уникальности и невозвратимости событий. Христианство необратимо разорвало цикличность и повторяемость, внося в развитие человечества идею фундаментальной новизны. Новизной, призванной навсегда изменить ход человеческой истории, было провозглашено пришествие Спасителя. Повторяемое спасение человечества, равно как и цикличность конца света в доктрине христианства невозможны.

Линейному пониманию времени естественным образом способствовал и технический прогресс, а именно изобретение механических часов. Представление о времени как независимой от человека линейной последовательности моментов было воспринято и

развито зарождающейся европейской наукой. Человек впервые столкнулся с тем фактом, что время, ход которого он замечал лишь тогда, когда происходили какие-то события, не останавливается и при отсутствии событий [Гуревич 1984: 165]

Уже на этом этапе изменение понимания времени существенно отразилось на коллективной психологии. Приняв христианскую концепцию конечности времени, отпущенного людям для коллективного духовного спасения, человек стал с тревогой ожидать будущего, грозного неизвестностью момента наступления обещанного Страшного Суда. Кроме того, получив средство точного измерения времени, люди с удивлением и страхом обнаружили, что время, отмеряемое часами, ощутимо ускорилось и приобрело слишком наглядную необратимость. То, что для современного человека является привычной банальностью восприятия, для людей конца Средневековья было непростым психологическим открытием.

Однако обновленная концепция времени вобрала в себя еще более специфичные культурные представления под давлением новых социально-экономических отношений, пришедших на смену феодальному хозяйственному укладу. Переход от феодализма к рыночной экономике капиталистического типа резко ускорил товарно-денежный обмен и, что еще важнее, превратил время в фактор конкурентной борьбы. Успеть совершить экономические действия раньше конкурента стало равнозначно нанесению ему экономического ущерба – вплоть до разорения. Время стало все меньше и меньше напоминать феномен, подлежащий пассивному созерцанию философского ума. Оно все больше и острее воспринималось как фактор, оказывающий психологическое давление на человека, заставляющий его думать и действовать сообразно новым правилам.

Примечательно то, что вместо попытки компенсировать негативные эффекты этого нового поведения времени, культура лишь усугубила психологический пресс внешних условий. Подтверждением этому служит возникновение новой смысловой трактовки времени протестантской этикой, оформившей идеологическую составляющую наступающего буржуазного строя.

В рамках протестантской доктрины оформляется и закрепляется понимание времени как ресурса, не просто подобного, но именно эквивалентного денежному ресурсу. Для нового буржуазного общества провозвестником этого уподобления стал американский идеолог экономической этики, один из «отцов-основателей» и один из авторов конституции США Бенджамин Франклин. В своей «Автобиографии» Франклин убежденно декларирует новое кредо рыночного мировоззрения, согласно которому между временем и деньгами концептуально ставится знак равенства: **«Remember that time is money. He that can earn ten shillings**

a day by his labour, and goes abroad, or sits idle one half of that day, though he spends but sixpence during his diversion or idleness, it ought not to be reckoned the only expence; he hath really spent or thrown away five shillings besides». Франклин убежден, что практический смысл времени для человека определяется непосредственной связью между расходом времени и расходом денежных ресурсов – с примечательным дополнением, что при экономически правильном поведении время способно обратиться в денежный прирост: «Тот, кто бесплодно растрчивает время стоимостью в 5 шиллингов, теряет 5 шиллингов и мог бы с тем же успехом бросить их в море. Тот, кто потерял 5 шиллингов, утратил не только эту сумму, но и всю прибыль, которая могла быть получена, если вложить эти деньги в дело, – что к тому времени, когда молодой человек состарится, могло бы обратиться в значительную сумму» [Вебер 2002: 71-73].

Следует отметить, что оформление образа времени как материально-денежного ресурса, является принципиально новым его осмыслением в коллективном сознании. Для сравнения можно обратиться к примерам базовых метафор предыдущей эпохи, закрепленных в культурно значимых текстах. Для добуржуазного мировоззрения наибольшим культурным авторитетом была, естественно, религия, выражением императивов которой был текст Библии. Библия как источник такой проверки важна и потому, что для протестантской этики она, очевидным образом тоже оставалась священным текстом, правда, с тем отличием, что протестантизм считал необходимым переосмысление важных элементов христианской доктрины. Глубоко религиозным человеком был и Бенджамин Франклин.

В этой связи примечательно то, что ресурсные метафоры времени в Библии весьма редки. Еще важнее то, что из этих метафор нельзя извлечь никаких импликаций по уподоблению времени платежному средству. Большая часть библейской образности времени основана на метафорике движения:

And it came to pass about this time, that Joseph went into the house to do his business.. (Genesis, 39)

In time to come your children might speak unto our children, (Joshua, 22)

Ye sought for David in times past to be king over you (Samuel, 3)

Then Jesus said unto them, My time is not yet come: but your time is always ready (John, 7).

В этом отношении библейские метафоры соответствуют выделенной Н.Д. Арутюновой модели Потока времени. Библейский поток времени величествен, последователен и упорядочен божественным соизволением. Время Библии может обращать свою власть на человека указанием на краткость срока, отпущенного людям. В этом случае оказываются задействованы типичные пространственные метафоры:

Remember how **short** my **time** is: wherefore hast thou made all men in vain? (Psalms, 90)

But this I say, brethren, the **time is short**... (Corinthians, 7)

Характерно также совершенно необходимое для религиозного идеологии оценочное отношение ко времени:

Therefore the prudent shall keep silence in that time; for it is an **evil time**. (Amos, 6)

But he will come when he shall have **convenient time**. (Corinthians, 16)

Примечательно использование в Библии вещественных метафор:

I said, Thou art my God. My **times are in thy hand**: deliver me from the hand of mine enemies, and from them that persecute me. (Psalms, 31)

And when I saw that ye delivered me not, I **put my life in my hands**,.. (Judges, 12)

Время в этом случае починается власти бога или власти человека. Библия показывает, что время своей жизни человек может держать под контролем, разумеется, через посредство божественной воли.

Редкие примеры ресурсных метафор используются Библией в значении расходования времени, но опять же с импликацией, что время дано человеку Богом для праведных дел. Такой смысл хорошо иллюстрируется, например, описанием апостольской миссии Павла, решающего, как правильно распорядиться временем для проповедования божественной истины:

For Paul had determined to sail by Ephesus, because he **would not spend the time** in Asia (Acts, 20)

And after he **had spent some time** there, he departed, and went over all the country of Galatia and Phrygia (Acts, 18)

Трата временного ресурса понапрасну в Библии соотносится с неумением или нежеланием внимать божьему слову и потому характерна для язычников: For all the Athenians, and strangers which were there, **spent their time** in nothing else, but either to tell or to hear some new thing (Acts, 17).

Понимание времени как ресурса в протестантском ключе резко и категорически смещается в материальную сторону. Это уже не каноническое библейское требование посвящения жизни приобщению к Богу, а деформированное коммерческим мышлением сведение существования к непрерывному накоплению материальных благ. В этой связи необходимо отметить, что идея обращенного к человеку требования направить дарованный Богом ресурс жизни на выполнение религиозного долга вовсе не была отброшена протестантизмом. Протестантизм просто вывел свою трактовку времени из весьма своеобразно понятого смысла этого долга. Как отмечает крупнейший исследователь идеологической основы рыночного мировоззрения Макс Вебер, работы основоположников протестантской этики пронизывает «настойчивая, подчас едва ли не

страстная проповедь упорного, постоянного физического или умственного *труда*. Именно труд служит специфической превентивной мерой против всех тех — достаточно серьезных — искушений, которые пуританизм объединяет понятием «unclean life». Однако труд выходит по своему значению за эти рамки, ибо он как таковой является поставленной Богом *целью* всей жизни человека» [Вебер 2002: 186]. Согласно протестантской этике, главным и самым тяжелым грехом является *бесполезная трата времени*. Жизнь человека «чрезвычайно коротка и драгоценна, и она должна быть использована для «подтверждения» своего призвания. Трата этого времени на светские развлечения, «пустую болтовню», роскошь, даже не превышающий необходимое время сон - не более шести, в крайнем случае восьми часов — морально совершенно недопустима» [Вебер 2002: 186].

Дальнейшая эволюция этих изначально чисто религиозных по своему духу положений концептуально объединила понятия «бесполезный» и «экономически неэффективный». Беспольным, как недвусмысленно заявлено Франклином, следует признать любое использование времени, не употребленное на заботу о получении экономической прибыли. Сила религиозной веры в греховность траты времени на что-либо, кроме труда, трансформировалась культурой буржуазного общества в деспотическую власть нерелигиозной веры в экономическую цену человеческого времени. Время, войдя в сферу товарно-денежных понятий, само приобрело для человека товарные свойства. К метафорической паре *lose\gain time* легко добавились эксплицитные номинации купли и продажи времени *buy\sell time* (также с метафорическим отражением, например в «*buy time*» - *delay an event temporarily so as to have longer to improve one's own position* [Oxford Dictionary]).

Для коллективного сознания, вынужденного ориентироваться на новые когнитивные критерии восприятия, этот процесс не мог не вызвать серьезных психологических последствий. Во-первых, время для человека субъективно еще более ускорилося. Драгоценный в экономическом плане ресурс времени стал требовать бережливости и эффективного расходования уже не дней и часов, а минут и секунд - *lose a minute, every second counts, time flies*. Разумеется, формула «*time flies*» не является открытием экономико-ориентированной трактовки времени. Технический прогресс, сокращение расстояний и сжатие времени скоростью современных процессов естественным образом создают и усиливают психологический эффект быстротечности времени. Но культурно-ценностные императивы современного образа времени несколько не стремятся ослабить психологическое давление этого ускорения. Напротив, они только подстегивают и подгоняют человека, настойчиво напоминая о

ценности ускользающих моментов закреплёнными в языковом сознании девизами: *time is at a premium, time is valuable, time is of the essence*.

Экономическое время породило специфический для культуры модерна социально-психологический феномен гонки со временем, внеся в языковую модель времени выражения *race against time, race the clock, overtake time*. Генезис этого соревновательного смысла не связан со спортом. Современное экономико-центрированное общество, формируясь, черпало идейное вдохновение отнюдь не в спорте, а в биологических аналогиях с дарвиновской борьбой за существование. Обгонять время надо так, как обгоняют конкурента, участника не спортивной, а экономической гонки за жизненно важными ресурсами. Семантика соперничества эксплицируется частотными сочетаниями с предлогом *against* (*against time - with utmost speed, so as to finish by a specified time* [Oxford Dictionary]) и лёгкостью синтаксических связок с глаголами *beat \ conquer [(the) time]*. Гонка со временем породила характерный для современной (западной и ориентированной на Запад) культуры синдром хронической спешки, навязчивого страха что-то упустить, куда-то опоздать. Социально значимым проявлением этого синдрома стал статистический рост невротических расстройств, фрустраций и депрессий, ассоциированных с состоянием, получившим название профессионального выгорания. Временной невроз с точки зрения психологии является реакцией на превышение психологических пределов давления времени.

Однако ещё более серьёзным психологическим последствием экономического переосмысления времени стал эффект отчуждения. Проблема отчуждения была сформулирована западноевропейской философской мыслью в конце 19 века. Эффект отчуждения проявил себя как результат агрессивного вторжения экономической логики в те сферы общественной и личной жизни, куда раньше они никогда не допускались культурой. Рыночное мировосприятие безжалостно навязывало смысл товара всему, в чем могло найти источник прибыли - науке, культуре, творчеству в целом, способностям человека и в итоге самому человеку. Рынок стал отчуждать от человека не только продукты труда, но и сам труд, саму сущность творчества, вдохновения, вообще какую-либо самостоятельную внеэкономическую ценность явлений. Ценность концептуально заменялась ее суррогатом – товарной стоимостью. По замечанию Э. Фромма «Конкретные связи одного индивида с другим утратили ясный человеческий смысл, приобрели характер манипуляций, где человек используется как средство. Во всех общественных и личных отношениях господствует закон рынка» [Фромм 2017: 198]. Антикапиталистическая философия марксизма объявила феномен отчуждения страшным бедствием для человечества, способным привести его к катастрофе.

Материально-экономическая трактовка времени порождает для временного восприятия совершенно аналогичный эффект отчуждения. Антропоцентризм культуры и языка, призванный адаптировать мир к человеку, в данном случае действует в прямо противоположном направлении, превращая время в соперника человека, во враждебную ему силу, навязывая времени смыслы бездушной и беспощадной утилитарности. Развиваемое культурной традицией умение почувствовать счастье в значимых моментах настоящего, способность ощутить глубину истории и бесконечность будущего становятся все менее доступными современному человечеству. Антропологически отчужденной моделью времени человек загоняет себя в когнитивную ловушку, теряя концептуального союзника там, где должен был бы найти его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин А. Исповедь. – М.: Азбука-классика, 2014. – 400 с.
2. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время/Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М., 1997.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Ист-Вью, 2002. – 352 с.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984
5. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2017. – 288 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
7. Oxford Dictionary *Oxford Dictionary of English, Revised Edition*, Oxford University Press, C. Soanes and A. Stevenson, Publication date: 2005.
8. The Holy Bible, Containing the Old and New Testaments, Translated out of the Original Tongues, Set forth in 1611 as the King James Version.

© Погорелко А.М., 2019 г.

УДК 811.512.161.

Х.В. Султанбаева (д.ф.н., проф. БашГУ, г. Уфа)
Г.М. Гимашева (асп. БашГУ, г. Уфа)

КОНЦЕПТОСФЕРА “ФАЙЛЭ” (“СЕМЬЯ”) В ТВОРЧЕСТВЕ МУСТАЯ КАРИМА

Языкознание XXI века – это далеко неисключительно метод языкового общения и познания, но и направление исследуемой национальной культуры. Непосредственно, язык как зеркало бытия народностей и действительности, формирует бесконечную связь культуры с историей прошлого и будущего: например, мировоззрения древних народов на действительность, окружающей среде и верованиям

принадлежит в число высоко нравственных ценностей, без которых не способен реализоваться национализм.

Ключевые слова. башкирское языкознание, концепт, концептосфера, культура, менталитет, национальность, лингвистика, менталитет, язык.

The linguistics of the XXI century is not only a method of language communication and cognition, but also a direction of the studied national culture. Directly, language as a mirror of being of nationalities and reality, forms an infinite connection of culture with the history of the past and the future: for example, the worldview of ancient peoples on reality, environment and beliefs belongs to the number of moral values, without which the nationality is not able to be realized.

Key Words: Bashkir linguistics, concept, conceptsphere, culture, mentality, nationality, linguistics, mentality, language.

В языковой картине мира этнокультурологическая особенность в процессе отражает лексико-семантическую окраску в образе героя или в языке одного человека. Притом понятие “концепт”, озадаченный с языковым личностью, возможно к глубокому осмыслению. Отражение ментальных единиц в языке является одним из главных фундаментальных отличий в семантической теории лингвокультурологии и языкознании. В конце XX века формировавшая наука лингвокультурология способствует к изучению языковой картины мира каждого народа. Понятие, концепт, взаимоотношения слов изучаются в рамках когнитивной семантики и остаются актуальной проблемой в науке.

В лингвистической литературе существуют разнообразные трактовки данного термина. Традиционно считается, что в отечественную лингвистику термин «концептосфера» был введен Д. С. Лихачёвым. Академик Д. С. Лихачев назвал концептосферу «catalogue raisonné» всего умственного духовного богатства нации, «живое духовно насыщенное пространство языка, непосредственно связанного со всем культурным опытом его носителей» [Лихачёв 1993: 14].

Как мы знаем, язык – важный компонент культуры, и именно язык и есть ключ в раскрытии ментального сознания. Каждый человек является представителем определенного общества, в его мировоззрении исторические компоненты порождают характерные особенности. Одним из этих особенностей – это концепт – лингвоментальная единица. Согласно лингвокультурологической концепции, слово – не только языковая единица, но и ментальный концепт, на этой основе исследуется языковая картина мира. Духовность и мировоззрение, быт народа и его многовековое сознание взаимосвязаны с историей и их происхождением.

Культурные, ментальные, экономические, философские, религиозные идеи народа основываются именно в этих источниках и из поколения в поколение непрерывно передаваясь сохранились до нашего времени.

Кроме того, носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Изучение языковой личности в отечественной лингвистике по праву связано с именем Ю.Н.Караулова, который под языковой личностью понимает "совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)" (Караулов, 1989, с.3).

Картина основных концептуальных понятий, определяющие концептосферу башкирского языка все еще не сформирована. Значительная работа в когнитивной лингвистике в области лингвокультурологии в процессе развития. Тем не менее, национальные особенности каждого языка в текстах художественной литературы и фольклора следует раскрыть, созданные на основе концептуальных понятий. Наука лингвокультурология – отрасль лингвистики, изучающая язык определенного народа на основе науки и культуры. Корень языка издавна существовавшего народа, его повседневной жизни, традиции, обычаи нашли отражение в литературе башкирских писателей и лингвистов. Для исследования языковых сокровищ башкирского народа труды лингвистов являются особым источником с точки зрения культуры, политики, науки, а также, его истории.

Рассматриваемое понятие допускает двойственную интерпретацию: статическую и динамическую. В первом случае мы принимаем индивида в качестве личности, т.е. субъекта социальных отношений, обладающего своим неповторимым набором личностных качеств. В какой мере эти качества релевантны для конкретных ситуаций общения? Очевидно, что для определенных ситуаций важны только некоторые характеристики личности, связанные, например, с выполнением определенной социальной роли [Карасик 2007:7]

Концептуализация и категоризация знания представляют собой взаимосвязанные виды классификационной деятельности человека и различаются по целям и результатам. Данные процессы нашли достаточное отражение в литературе по когнитивной лингвистике, однако почти не рассматривались с позиций лингвокультурологии [Токарев 2003: 16].

Творчество башкирского народного поэта Мустая Карима в первую очередь представляет собой достижение ментальных и художественных высот искусства слова на вышеполагающий уровень. Трагедия “В ночь лунного затмения” – сценическое произведение в формах монолога и

диалога на основе жизненных конфликтов и событий героев, посвященное к древности башкир, описываемая автором обычаев, традиций того времени, где господствовали беи и аксакалы – главные представители племени и юрт, и строго выполняемые всеми законы и требования. В трагедии с точки зрения языкознания, концептосфера “семья” очень разнообразна. На основе произведения семейные ценности, влияние всех канонов и их действие раскрывается через образ Акджигита – именно в нем М.Карим четко характеризует концепт “Ул” (Сын).

Образ Акджигита, то есть концепт “Ул” (Сын) – название уже говорит о чистоте души, правильности, духа джигита; против душевного рабства он борется за свою любовь, за свободу, и Акджигит из племени бесстрашных бойцов и является трагическим героем произведения. Мустай Карим на примере героя показывает храбрых образов, вступивших в бой против несправедливости и лжи, и жертв, оказавшиеся под влиянием канонов и обычаев и их бездействие. Акджигит и Зубаржат любят друг-друга, и мать Танкабика даже дала клятву их поженить, но из-за гибели старшего сына в сражении, по древним традициям Акджигит должен жениться к невестке старшего брата. Против решения аксакалов и биев Акджигит не только поднимает мятеж за любовь, вступает в битву с древними канонами против рабства:

Акъегет: Күрәзәгә, төрлө ырымға ғүмер буйы нык ышандың, әсәй. Кара, ана, бер ни үзгәрмәне. Кояш баяғыса ук балкый, үлэндәр баяғыса ук йәшелдәр. Шомло уйзарыңды ситкә ат, әсәй. Бөгөнгө кыуаныска күләгә төшөрмәйек. Һин фатиханды бирзең. Бер түгел, биш тустак түгелһә лә, хәзер һис ни булмаясак”,

“Тәнкәбикә: Якшы кунак үз ризығы менән йөрөр, ти. Бик уңайлы мәлгә тап булдың. Уртансы улымдың кәләше өсөн бөгөн генә калым түләп бөтөрзөм. Ак тирмәлә кисен мәжлес булыр. Түр башыма рәхим итерһең”,

“Әсәкәйем, хәләл һөтөн биреп,

Һөйөп үстөргәнһең улыңды,

Изге фатиханды бирсе, әсәй,

Башыбызға һал шәфкәт кулыңды.

Һин йорттамы, әсәй?”,

“Тәнкәбикә: (Дәрүишкә) Улым Акъегет менән булыр киленем Зөбәржәт ошо инде. Фатиханды бирсе, мосафир.

Тәнкәбикә: Васыят, йола, канун – беззең өсөн изге. Һез зә карата хыянатта булмағыз. (башта Зөбәржәттең башына уң кулын һала.) Күкрәк һөтөм биреп үстөрмәһәм дә һине, Зөбәржәт, күкрәгемә кысып, фатихамды бирәм. Минең ояма киләһең, балам булырһың. (Акъегеттең башына кулын һала.) Йәшермәйем, иң яраткан улым һин, Акъегет, ак бәхеттәр генә юлдашың булһын. Амин”h.б.

В трагедии “В ночь лунного затмения” концепт “Ул” (Сын) – основывается в образах сыновей Танкабики Юлмырза и Акджигит. Мать намереваясь передавать смену поколений сыновьям, остается в линии запрета, так как она – жертва древности. Такая смелая женщина и глава большой семьи Танкабика бессильна помочь своим детям, в итоге традиции отдаляют родственные отношения, даже связь матери и сына.

“Тәнкәбикә. Етер, улым, бауырымды телгеләмә. Барыбыздың да өмөт-шатлыктарыбызды үзе менән кара гүргә алып китте Юлмырза. Эй Юлмырза, Юлмырза!

“Тәнкәбикә. Ерҙә бәндәләр йәшәй. Бәндә булған ерҙә бары ла бар” һ.б.

Таким образом, в трагедии “В ночь лунного затмения” Мустая Карима сила несклоняемого духа, прилив эмоций, острота речи, афоризмы, переживания образов – все детали подтверждают могущество своего мастерства и любовь к родной земле и народу, богатой с историей и культурой, наивысшую степень башкирского народного поэта.

Концепт «Әбей» (Тетя) – самый яркий образ башкирского народа, основа концепта «семья». Башкирский народный поэт Мустай Карим в повести «Помилование» раскрывает концепт «Әбей» (Тетя) в образе тети Федоры. В произведении на пример концепт использованы лексемы, отражающие ее характер, взаимосвязи между литературными героями с Федорой, привыкшие к ее благословениям и молитвам. Например: «Кемдер кызың аркаһынан йомшак кына какты. Был күрше әбейе – әкиәт оҫтаһы, селтәр бәйләүсә, төрлө үлән менән им-том итеүсә яңғыз Федора ине. Бәләкәс кенә, сибек кенә Федораның уң аяғы байтакка кыскарак. Йырактан карағанда, уның йөрөшө велосипедта барған төслө күренә. Шулар аркала уны «Самокат Федора» йәки «Самокат» тип кенә йөрөтәләр. Кәмһетеп, мысқыллап түгел, былай яратып, үз күреп шулай тизәр. Әбейҙең быға иҫе китә лә китмәй. «Самокат» булғас, «Самокат» инде, тәғәрләй бирә. Ызғыш-кырылыш купкан ергә лә, туй уйнаған төбәккә лә, үлем-етем булған өйгә лә иң алдан Федора һылтыклап килеп етә. һәммә ерҙә уны ихлас кабул итәләр, сөнки ул һәр эштәң яйын, ғөрөф-йоланың рәтен белә. Сырхаузы дауалай, күңелә төшкәндә йыуата, хәсрәтленең хәсрәтен бүлешә...»

Федора в повести также известна как «исцелительница», несмотря на то, что она калека, уважают ее не за внешность, а за простату и за чистосердечность. Мустай Карим в повести описывает трудные и кровавые военные годы, в те времена, когда огромную тяжесть испытывали все до единого – выживали с начиная с новорожденных до пожилых. В том числе и главная героиня Мария Тереза несчастная девушка, переживающая и твердо верующая на встречу с возлюбленным. Именно поддержка Федоры и ее жизненный опыт помогли не поддаваться к мучениям. Когда-то и Федора провожала своего мужа и дождалась его благодаря терпению. Она

и «мама и бабушка», «хороший собеседник», «мудрая советчица» и т.д. Примеры: «Тыңла, тыңла... Ғишыҡ тотоп йәшәр өсөн бихисап түземлек, сабырлык кәрәк. Түземһез кеше ғишыҡ тотоп маташмаһын да ул...»; «Мария Тереза күршеһен уң кулы менән һүзһез генә қосақланы ла өйөнә инеп китте. Қыздың был қылығына үтә қыуанып қалды Федора қарсық. И мәрхәмәтле йән әйәһе!»; «Мария Тереза уны сабырлық менән көтәсәк. Федора әбей дәрәс әйтә: түземһез кеше ғишыҡ тотоп маташмаһын да ул. Сызап бөткәс, ана уның хәләле япон һуғышынан иҫән-һау қайтып төшкән бит»; «Қыз үзен шундай тыныс, бойондорәкһоз тотә, әйтерһең, ул бөтә нервы ептәрән бер йомғаққа сырмаған да усына қысқан. Быны күргәс, һизгер қарсықтың күңеләнә шом бәрәп инде, бауыры тартышып қуйзы. Әммә Федора һис кенә белдермәнә, қирәһенсә, йәнәһе, ғәмһез ихласлық менән һөйләнгән булды».

Федора понимает состояние Марии, она могла и с ней горевать, проклинать эту войну, приносящей много горя всем семьям, но она на стороне света – добры и милосердия. Для того, чтобы успокаивать ее, она начинает с себя – то есть она самой первой верит к лучшему и притягивает своей сопереживанием Марию и всю страну. Если бы вместо нее была другая пожилая женщина, она отругала бы и винила бы Марию, и наоборот упрекая ее духовно покаречила бы. Только Федора смогла ее защитить от зла и военного яда, погубивший жизни больше миллионов людей. Примеры: «Билдәһез хәтәр ғүмер башланыр. Бына шуны тойзо күрше қарсығы. Ләкин шик-шомдарын һаман әскәрәк йәшерергә тырышты ул: - Қатын кеше шулай гел қунақ көткән шикелле йәшәргә тейеш, - тине. - Хатта қытлық сакта ла. Мин үзем дә қунақ көтөп ғүмер һөрәм. Былай өмөтләрәк, ышаныслырак. Кемгәлер һинәң янған усағың, яқты сырайың қәрәк булыуы ихтимал. Бына бит һин дә һисек йыуынып-йыйынып қына тораһың»; «Қатын-қыз тәқдире – көтөү, өмөт итеү, балам»; «Әштәре менән ике араны күптән өзгән Самоқат Федора, иконаһыз, тәрәһез мөйөшкә боролоп, ашық-бошоқ суқынып алды, ауыз әсенән һимәлер бышылдап, көрһөнөп қуйзы. Баяғы «белмәмешкә һалышып» битлегә тамам юк булды»; «- Өгөтләп маташмайым. Барыбер қирә күндерәп булмаһ һин серәште. Фатихамды бирәм. Бар көзрәтем шул. Алданырак белгән булһам, юлыңа шифалы үләндәр зә әзәрләп қуйыр инем».

Мустай Карим на основании концепта «семья» во всех произведениях сумел отразить крепкие и дружные родственные отношения, душевное богатство башкирского народа в образах этого произведения, ставшей популярной среди читателей в международном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абишева А.К. О понятии «ценность» / А. К. Абишева // Вопросы философии. 2002. №3. – С. 139-146.

2. Гимашева Г.М. Репрезентация и категоризация концептосферы «Гаилә» (“Семья”) в башкирском языкознании // Вопросы духовной культуры народов Урало-Поволжья: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Уфа, РИЦ БашГУ, 2019. – С.68-70.
3. Гимашева Г.М., Султанбаева Х.В. Концептуальное исследование в современном башкирском языкознании // Заочная Международная молодежная научно-практическая конференция «Востоковедение: история и современность», посвященной 10-летию востоковедческого направления кафедры востоковедения и башкирского языкознания Башкирского государственного университета, 6 декабря 2018 года, БашГУ. – Уфа. – С. 199-103.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография. – Волгоград: «Перемена». 2003. – 213 с.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. Лит-ра и язык. 1993. Т. 52. № 1.
7. Янмурзина Р.Р. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия // Вестник Башкирского университета. 2014. Т.19. №1. – С. 126-128.

© Султанбаева Х.Д., Гимашева Г.М., 2019 г.

УДК 811.111

А.В. Уразметова (д.ф.н., проф. БашГУ, г. Уфа)

«СИНИЕ» ТОПОНИМЫ НА КАРТЕ США

Статья посвящена выявлению и исследованию особенностей образования и функционирования топонимий с цветокомпонентом “blue”. Проводится количественный анализ исследуемых единиц по типу именуемых объектов, в результате которого подтверждается выдвинутая гипотеза о преобладании цветообозначения “blue” в гидронимах. Выявляются два мотивирующих фактора «цветового» имяназвания: цветовые характеристики объекта (отражение объективной действительности) и символика цвета.

Ключевые слова: *топоним, топонимика, синий, колороним, цветообозначение, трансформация, категоризация*

The article is devoted to the identification and study of the features of the formation and functioning of toponyms with the color component “blue”. The quantitative analysis of the studied units based on the type of the named objects

is carried out, as a result of which the hypothesis about the predominance of the color "blue" in hydronyms is confirmed. Two motivating factors of "color" naming are revealed: color characteristics of the object (reflection of objective reality) and symbolism of color.

Key words: *toponym, toponymy, blue, colouronym, colour, transformation, categorization*

Данная статья представляет собой продолжение серии статей автора об изучении особенностей образования и функционирования топонимов с цветообозначениями [Уразметова 2018, 2019]. Ранее были исследованы топонимации с триадой базовых цветов, составляющих основу цветовой картины мира: «черный», «белый», «красный». Об универсальности так называемой примитивной хроматической триады «черный, белый, красный» в любом языке свидетельствуют исследования многих ученых, в том числе работы Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay 1969].

С этой точки зрения, синий цвет, представляющий интерес для данного исследования, является периферийным цветом в цветовой картине мира. Однако, согласно другой классификации цветов, так называемой «ньютоновской» цветовой системы, синий цвет входит в триаду основных цветов «красный, зеленый, синий».

Следует также отметить этноцентричность цветообозначений, поскольку каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации, отражая, тем самым, свою собственную национально-языковую картину мира. У разных народов наблюдаются различия в описании цветов синего спектра, например, в русском языке для обозначения синего цвета используются понятия *синий* и *голубой*, в английском языке употребляется термин *blue*, включающий в себя любые оттенки синего от самых светлых до самых темных тонов. Для уточнения интенсивности цвета в английском языке обычно добавляют определения *light, sky, bright, navy, dark, dirty, royal* и др. Для передачи более темного оттенка синего цвета в английском языке используются цветообозначения *indigo, denim, sapphire* и др. Таким образом, подтверждается концепция, что «различие образов, используемых для передачи одной и той же мысли указывает на различие картин мира представителей разных культур» [Федорцова 2013: 1060].

Люди издавна наделяли цвета символическим значением. В европейской культуре синий цвет представляет мудрость, уверенность, правосудие, совершенство, мир, спокойствие, постоянство и стабильность, преданность и верность, доблесть и превосходство. Во фразеологических единицах английского языка синий цвет может ассоциироваться с королевской властью и благородством происхождения (например, *blue blood* «аристократическое происхождение, «голубая» кровь»); синий также

может иметь значение страха, испуга и замешательства (например, *blue fear* «испуг, паника»); он может выражать сему неожиданности (например, выражение *out of the blue*, означающее неожиданное событие, используется как наречие «внезапно») или уныния (например, *to look blue* «выглядеть усталым, иметь унылый вид»; *to give somebody the blue* «наводить тоску на кого-либо»). В некоторых сочетаниях синий цвет имеет положительное значение (например, *the blue of the plum* «свежесть, прелесть, очарование молодости»; *blue-eyed boy* «любимчик»).

Цветовой маркер *blue* находит отражение и в топонимической лексике, которая «аккумулирует в себе определенные цветоощущения народа, населяющего ту или иную территорию» [Хамуркопаран 2013: 338].

Процесс топонимической номинации является сложным и противоречивым, а итог данного процесса (топоним) является результатом познавательной деятельности человека, направленной на установление признаков, отражающих свойства называемых реалий. «Выбор характеризующего признака в момент имянаращения осуществляется в рамках реально существующих особенностей географического объекта» [Хвесько 2019: 10]. В топонимациях с цветовым маркером именно цветовая характеристика выступает в качестве признака обозначаемой реалии. Данный признак фиксируется во внутренней форме наименования при помощи имеющихся в языке номинативных средств, передающих содержание признака.

Языковой материал для анализа (пять тысяч топонимических единиц с цветоэлементом) был получен из информационной системы географических названий (Geographic Names Information System, GNIS) [9] – базы данных, содержащей названия и информацию о расположении более чем двух миллионов физических и культурных объектов, находящихся в США и подконтрольных им территориях.

Колороним *blue* переходит в разряд топонимической лексики путем межкатегориальной трансформации либо целиком (простой топоним, однословная номинация) (на территории США зафиксировано 6 названий населенных пунктов с номинацией *Blue*), либо в качестве элемента производной топонимации (монокомпонентный и поликомпонентный топоним) (99,8% исследуемой лексики).

Синий цвет превалирует среди гидронимов (35%), что является вполне очевидным фактом, поскольку он является цветом всех водных объектов (например, *Big Blue River*, *Blue Bayou*, *Blue Creek*, *Blue Lake Swamp*, *Blue Monday Spring*, *Blue Pond*, *Blueberry Lake*, *Blue Glacier*, *Blue Hen Falls*, *Blue Bay*, *Blue Fiord*), а так как человек «получает ономастические знания в результате концептуализации и категоризации окружающей его действительности» [Щербак 2012: 78], при топонимическом имянаращении он отражает тот «цветовой мир», в

котором живёт, и, следовательно, цветовые характеристики водных объектов являются основной причиной возникновения топонимаций с колоронимом *blue*.

Второй по продуктивности группой топонимов с цветоэлементом *blue* являются урбанонимы – собственные имена любых внутригородских топографических объектов (27%) (например, *Blue Water Bridge, Blue Creek Lake Dam, Blue Bush Library, Blue Baptist Church, Blue Mountain Hospital, Blue Creek Post Office, Big Blue School, Bluewater Lookout Tower*). Как видно из приведенных примеров, большинство из них образуются путем метонимического переноса названия с одного географического объекта на другой, смежный с ним. Для обозначения этого явления употребляются различные термины: «контактный перенос, топонимическая метонимия, топотопоним, вторичный топоним, трансонимизация, транstopонимизация» [Уразметова 2017].

Значительное количество оронимов – собственных названий любого объекта рельефа земной поверхности: как выпуклого (гора, горный хребет, вершина, холм), так и вогнутого (долина, овраг, впадина, ущелье, котлован), также имеют цветовой маркер *blue* (15,3%) (например, *Blue Cliffs, Blue Mountains, Blue Ridge, Blue Hills, Blue Castle, Blue Valley, Blue Hole Point, Blue Rock, Blue Meadows*), который в названиях оронимических объектов указывает на их цветовую характеристику.

Также цветообозначение *blue* является компонентом следующих видов топонимов (в порядке убывания продуктивности): хоронимы (названия территорий, имеющих определенные границы), например, *Blue Ridge District, Blue Anchor, Blue Banks Landing* (11%); ойконимы (названия населенных пунктов), например, *Blue Diamond, Bluestone, True Blue* (8%); дримонимы (названия лесных массивов), например, *Blue Ridge Ranger District, Blue Bird Park*; инсулонимы (названия островов), например, *Blue Island* (0,7%).

Таким образом, процесс создания топонимической номинации начинается с выделения признака обозначаемой реалии. Маркер цвета, как элемент топонима, не только описывает, определяет и характеризует физико-географические свойства топографического объекта, но и отражает национально-культурные особенности явлений действительности в сознании говорящих. Очевидно, толкование подобных номинаций не может исчерпываться лишь собственно цветовой характеристикой. В некоторых случаях у колоронима в составе топонимической номинации проявляются дополнительные символические значения, например синий цвет может использоваться в рекламных целях и отражать символическое значение «мирный, тихий, спокойный», что

особенно актуально при номинации новых жилых районов и кварталов; в названии жилого комплекса *Blue Garden* цветовой маркер реализует значение «чистота и экологичность»; населенный пункт в штате Кентукки имеет номинацию *Blue Moon*, которая, возможно, намекает на его «уникальность и неповторимость», поскольку появление у Луны голубого оттенка является крайне редким явлением; название населенного пункта *True Blue* отражает сему «надежный, стабильный»; номинация города *Royal Blue* намекает на роскошную королевскую жизнь в нем. Следовательно, цвет является важным источником и транслятором культурной информации об объекте наименования. Он воспринимается как некий символ и важнейший фактор концептуализации ментальных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федорцова В.Н. Перевод авторских сравнений с английского языка на русский (по роману Дж. Оруэла «1984» и перевода В.Н. Голышева) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2013. – Т. 15. – № 2(4). – С. 1060-1062.
2. Хамуркопаран Дж. Семантика цвета в тюркской топонимике // Преподаватель XXI век. – М., 2013. – С. 338-344.
3. Хвесько Т.В. Номинация географических объектов: монография / Т. В. Хвесько. – Москва: Флинта, 2019. – 156 с.
4. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: монография. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – 319 с.
5. Уразметова А.В. Топонимическая система США: первичная и вторичная номинация: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 188 с.
6. Уразметова А.В. Символика цвета «красный» в топонимиях английского и русского языков // Экология языка и речи VI Международная научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения заслуженного работника высшей школы РФ, д. филол. наук, проф. В.Г. Руделёва (24-25 ноября 2017 г.). Тамбов 2018. – С 10-17.
7. Уразметова А.В. Символика колоронимов «белый» и «черный» в топонимиях английского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. – С. 123-127.
8. Berlin B., Kay P. Basic colour terms: Their universality and evolution. – Berkeley & Los Angeles, 1969. – V, 125 p.
9. GNIS – Geographic Names Information System [Электронный ресурс]. URL:<https://geonames.usgs.gov/apex/f?p=138:1:0> (дата обращения 10.11.2019)

© Уразметова А.В., 2019 г.

М.Г. Усманова (д.ф.н., проф. БГПУ им. М.Акмиллы),
Х.Ч. Алишина (д.ф.н., проф. ТюмГУ)

**ТЕРМИНОЛОГИЯ ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЙ В
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(на примере сибирско-татарского и башкирского языков)***

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
внутриузовского гранта

№ 1095 «Сложение пласта материальной лексики в тюркских и
монгольских языках» (на материале терминов одежды, обуви и
украшений)»

*Дивисься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и
подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное названье
еще драгоценнее самой вещи.*

Н.В. Гоголь.

Лексика материальной культуры занимает важное место в лексическом составе каждого языка. Он содержит в себе богатейшую информацию об этнических, культурных и языковых процессах. В статье представлены результаты исследования, проводимого в рамках проекта «Сложение пласта материальной лексики в тюркских и монгольских языках» (на материале терминов одежды, обуви и украшений)» (грант №1095). В частности, рассматривается терминология одежды и украшений на материале сибирско-татарского и башкирского языков в словообразовательном аспекте. С точки зрения структуры слов названия одежд и украшений делятся на две большие группы: непроеводные (или синтетические) и производные. Например, непроеводные названия: сиб.-тат., башк. тун – шуба; сиб.-тат. кесэ, башк. кеҗэ – карман; производные названия: сиб.-тат.: күбемэ – брюки, стеганые на вате; йапма (башк.: кызыл.) – оборка; бармақа (сиб.-тат.) – палец у варежки или перчатки; пилбау (сиб.-тат.), билбау (башк. яз.) – пояс.

Ключевые слова: лексика, диалект, говор, башкирский язык, сибирско-татарский язык, одежда, украшение.

The article reviews the results of the research conducted within the “Formation of the layer of material culture lexis in the Turkic and Mongolic languages” project (research grant № 1095). Clothing and adornment terminology is studied on the material of Siberian Tatar and Bashkir languages from the derivational point of view. According to their structure words denoting

clothing and adornment are divided into two major groups: non-derivatives (synthetic words) and derivatives. For example, non-derivatives: Sib.-Tat., Bashk. *тун* – fur coat; Sib.-Tat. *кесә*, . Bashk. *кеçә* – pocket; derivatives: Sib.-Tat. *күбемә* – cotton quilt trousers; *йанма* (Bashk.: *кызыл*.) – frill; *бармақца* (Sib.-Tat.) – mitten or glove finger part; *нилбай* (Sib.-Tat.), *билбай* (Bashk.) – belt.

Key Words: *lexis, dialect, patois, Bashkir language, Siberian Tatar language, clothes, adornment*

Одежда – необходимый элемент в жизни каждого человека. Некоторые предметы одежды, содержащие в себе национальные особенности, как и язык, представляют собой знаковую систему, передающую информацию о принадлежности человека к определенной нации.

С точки зрения структуры слов названия одежд и украшений делятся на две большие группы: *непроизводные* (или синтетические) и *производные*.

Непроизводные названия представляют собой корневые слова или слова, которые с точки зрения современного языка невозможно разложить на основу и словообразующий суффикс. Например: сиб.-тат., башк. *тун* – шуба; сиб.-тат. *кесә*, башк. *кеçә* – карман; сиб.-тат., башк. *итек* – сапог; сиб.-тат. *пүрек*, башк. *бүрек* – шапка; сиб.-тат., башк. *тел* – зубчик на кромке шали; сиб.-тат. *сакал*, *сырга*, башк. *яға*, *һакал* – украшение; башк. *һырга* – серьги; сиб.-тат. *ука*, башк. *ука* – позумент; сиб.-тат., башк. *тәңкә* – монета; сиб.-тат. *йөсек*, башк. *йөзөк* – перстень; сиб.-тат. *куныц*, башк. *куңыс* – голенище; сиб.-тат. *калпак*, башк. *калпак* – колпак; сиб.-тат. *уңер* – разрез платья, *гәүдә*, *буй* – верхняя часть платья, *калта* – оборка, *цәпә* – тряпка, *кама*, *кырту* – оторочка шапки, *куш* – покрывало, *сап* – дужка монеты, *йенце* – жемчуг, *турап* – сукно домашнего изготовления и др.

Производные слова. Как известно, образование названий осуществляется за счет внутренних ресурсов языка на основе определенных принципов и способов. При этом, как показали исследования последних лет в области татарской диалектной лексикологии, в разных лексико-семантических группах могут преобладать определенные способы и приемы словообразования. Такое явление можно наблюдать и в башкирском языке.

В частности, необходимо отметить то, что в составе названий одежды и украшений выделяется группа слов, образованных с помощью афф. - *тырык/-терек* (сиб.-тат.), -*дырык/-дерек*, -*тырак* (башк. диал.). Примеры: *сагалтырык* (сиб.-тат.), *һагалдырык* (башк. диал.), *сакалтырак* (башк.: сев.-зап. диал.), *сагылдырык* (башк.: гайнин., караид.) – подбородник уздечки, *түшелтерек* (сиб.-тат.), *түшелдерек* (башк.) – нагрудник,

украшенный разноцветной тесьмой, бархатом, позументом, надеваемый поверх платья. Данный аффикс в других лексико-семантических группах не встречается. Видимо, его можно рассматривать как специфичный способ словообразования в системе названий одежды и украшений.

Далее рассмотрим наиболее характерные типы словообразования в исследуемой нами лексико-семантической группе.

Большая часть названий одежды и украшений образована с помощью словообразовательных аффиксов.

1. Бросается в глаза активность имя образующего аффикса *-ма/-мә* от глаголов: *сапма* (сиб.-тат.), *каптырма* (сиб.-тат.), *каптырма* (башк.) – 1) название ювелирного украшения; 2) застежка, *гаптырма* (башк.: сред. диал.) – пряжка; *сырма* (сиб.-тат.), *һырма* (башк.диал.) – стеганая одежда, *тәймә* (сиб.-тат., башк.) – пуговица; *таҫма* (башк.), *тасма* (сиб.-тат.) – тесьма; *һырма*, (башк.), *ҫырма* (башк.: демск., караид.), *күпмә* (башк. диал.) – стеганка, фуфайка, телогрейка; *пөрмә* (сиб.-тат.), *бөрмә* (башк.) – сборки, сборчатый;

в сиб.-тат.: *күбемә* – брюки, стеганные на вате; *чалма* – (гл. *чалу* – обматывать) – чалма, тюрбан, *сукма* (гл. *сугу* – ткать) – самодельная, домотканная тесемка; *пәйләмә бау* – тесемка, лямка для завязывания;

в говорах башкирских диалектов: *тартма* (средн.) – бюстгальтер, *күпмә* (демск., средн.) – стеганка, *каптама* (кызыл.) – клапан; *һәптермә/һәптеркә* (сальют.), *һәпмә* (аргаяш.) – широкая нижняя оборка женского платья; *катлама* (нугуш., ток-соран.), *йапма* (кызыл.) – оборка; *бәйләмә* (средн.) – подвязка для суконных голенищ; *күтәртмә* (демск., средн.) – туфли на высоких каблуках; *йыкма йага* (кызыл., миасск., ик-сакм.) – отложной воротник; башк. лит. яз.: *тукыма* – материя, *ултырма яга* – стоячий воротник, *кайтарма яга* – отложной воротник, *тартма билбау* – пояс; *теркәмә* (демск., средн.) – косо надеваемое женское нагрудное украшение; *кырма* (или *кырыулы*) *бүрек* – а) шапка, отороченная длинным белым мехом; б) круглая шапка из меха, или из искусственного каракуля; *сасурма* (сальют.) – накосник.

2. Выделяется ряд названий, образованных с помощью аффикса *-ца/цә* (сиб.-тат.), *-са/сә*, *-һа* (башк.) от существительных, обозначающих части тела человека, вокруг или на которые надевается эта одежда или украшение: *күкрәқиә* (сиб.-тат.) – верхняя часть передника; *күкрәксә* (башк.) – женское нагрудное украшение сплошь из монет; *бармақа* (сиб.-тат.) – палец у варежки или перчатки; в диалектах башкирского языка зафиксированы следующие названия: *иләсә* (башк. гайнин., миасск.) – варежки; *күкрәксә* (сальют.) – душегрейка; *билдәмә* (башк.: ток-соран) – стеганка, *еңсә* – нарукавник, *колакса* (башк. гайнин.) – серьги-подвески, *колакһа* (башк. кызыл., миас.) – кисти старинного головного убора замужних женщин, *колакһа* (башк.: кызыл.) – гуж, *маңғайса* (башк.: сев.-

зап.) –налобное женское украшение из монет, *маңнайса* (башк.: сакм.), *маңдайса*, *маңгайса* (башк.: средн.), *маңкайса* (башк.: карайд.) –налобное женское украшение из монет, *муйынса*– 1, бусы; 2. женское украшение из монет, надеваема на шею; *муйынса* (башк.: демск., средн.) –*амайдек* (*косо надеваемое женское нагрудное украшение*); *муйса* (башк.: средн., урал), *муйса* (башк.: демск., айск.) –женское нагрудное украшение из серебряных монет и кораллов; *йаурынса* (башк.: кызыл., миас.) – заплечье зилана вышитый позументом; *эйәксә* (башк.: средн.-урал., айск.) –завязка у спаренного платка (*кушъяулыка*), *кыйыкса* (башк.: сев.-запад., средн.-урал. иргиз.) –косынка; *тамакһа*, *тамакса*–завязка у шеи женского нагрудного украшения (*амайдек*) и др.

3. -*уыч/-үеч*, -*(у)гыч/-(ү)геч* (сиб.-тат.); *төйрәвец* (гл. *төйрәү*–приколоть), *йапкыц/аляпкыц* – фартук и т.д;

-*уыс/-үес*; -*гыс/-гес*; -*мес* (башк. диал.): *төйрәүес*, *төйрәмес* (миас., иргиз.) –булавка; *сәсүрмес* (средн.) – накосник; *бәйзәмес* (кызыл., миас.) – косоппетка; *үрмес* (кызыл., средн., иргиз., ик-сакм.) –косоппетка с рублевой монетой; *сәсүргес* (аргаяш., миас.), *үргес* (средн.)–косоппетка, *үрмес*, *сәсүрмес* (кызыл.), *сәсүргес* (демск., карайд.) – накосник;

4. -*лык/-лек* (сиб.-тат.): *пашлык* (сиб.-тат.) – шапочка, чепчик, капюшон; *әнәлек* (сиб.-тат.) – булавка; брошка; *түшлек* – нагрудник, *йаулык* – платок; -*лык/-лек*, -*зык/-зек* (башк. диал.): *пашлык* – шапочка, *әнәлек* (гайнин.) – булавка; брошка; *түшлек* – нагрудник, *йаулык* – платок; *аркалык* (гайнин., сев.-зап.) – монетный накосник; *каралык* (миас., средн., айск.) – косоппетка; *сикалык* (икск.) –височники *кашмау* (*старинного головного убора замужних женщин*); *каралык* (кызыл., айск.) –монета, подвешенная к косоппетке; *сәсауырлык* (средн.) – накосник с рублевой монетой; *саскаралык* (аргаяш.)–косоппетка; *әмәйзек* - женское нагрудное украшение, надевается через левое плечо; *түшлек* (демск.)- женское нагрудное украшение из монет, кораллов и камней; *әмәйлек* (демск., средн.) – монетный ошейник (*женское украшение*); *йаузык сук* (миаск.) – монетные украшения кашмау (старинного головного убора замужних женщин)

5. -*к*, -*ык/-ек* /(сиб.-тат.): *итек* – сапог, *итәк* – подол, *йөсек* – перстень, *пүрек*– шапка, *калпак* (гл. *капла*) – колпак, *томак*– капюшон;

-*к/-к*, -*ык/-ек*, -*ок/-өк*, -*ак* (башк. диал.) *итек*– сапог, *итәк*– подол, *юбка*; *йөзөк* - перстень, *бүрек*– шапка, *калпак* - колпак, *сылтырак* (миас.) –накосник, *йағалак* (средн., ик-сакм.) – ожерелье сплошь из монет и др.;

6. -*мак/-мәк* (сиб.-тат.), -*мак/-мәк* (башк. диал.): *күлмәк* (сиб.-тат.), *күлдәк* (башк. яз) – платье, *пашмак* (сиб.-тат.), *башмак* (башк. яз.) – башмак, *үрмәк* - босоножки, *әрмәк* (сиб.-тат.) – армяк, *эцмәк* (сиб.-тат.) – рукавицы.

7. -*тай/-тәй* (сиб.-тат., башк. яз.): *түбәтәй* – тюбетейка;

8. -м, -ем: *кийем*(сиб.-тат.), *кейем* (башк.) – одежда, *кийем-салым*(сиб.-тат.), *кейем-һалым* (башк.) – одежда и другие принадлежности одеяния; *йышым* – чулки, носки.

9. -у / -ү:сиб.-тат.:*коршау* – узкая тесьма на подоле платья; *тышау* – пути, *коршау* – кушак и др.

10. -лэк (башк. диал.): *сэртлэк* (тук-соран.) – туфли без задников.

Названия одежды и украшений образованы также и путем словосложения.

1. Подавляющее большинство таких образований приходится на словосочетания типа «имя – имя», компоненты которых связаны безаффиксальным способом.

Приведем некоторые из них: *пилбау* (сиб.-тат.), *билбау* (башк. яз.) – пояс, *кулбау* (сиб.-тат.) – браслет из кораллов, *ашияулык* (сиб.-тат.), *ашъяулык* (башк.яз.) –салфетка для накрывания пищи на столе, *тэрэтиаулык* (сиб.-тат.) – салфетка для гигиены в туалете, *куйаулык*, *поронайулык* (сиб.-тат.), *кулъяулык* (башк. яз) – носовой платок, *сыргабау* – один из видов нагрудных украшений, и др.;*колакбау* (башк.: средн.) – серьги из бусинок; *йагатәп* (башк. гайнин.), *йагитәк* (башк. сев.-зап.) – женское нагрудное украшение сплошь из монет и др.

2. Парные слова, компоненты которых связаны лишь семантически: *өстөбаш* (сиб.-тат.), *өс-баш* (башк.), *кейем-салым*(сиб.-тат.), *кейем-һалым* (башк.) – одежда и др.

Большое количество терминов одежды, украшений и их деталей представляет собой составные названия, оформленные грамматически.

Первые компоненты таких составных названий могут обозначать:

1) материал, из которого произведена реалья: *капрон йаулык*(сиб.-тат.), *капрон яулык* (башк.) – капроновый платок, *йебэк күлмэк* (сиб.-тат.), *йебәккүлмәк* (башк.: демск., караид., тук-соран., средн. урал., сакм., айск.) – шелковое платье, *кинтер күлмэк* (сиб.-тат.), *киндер күлмэк* (башк. диал.) – холщевая рубашка;*сәхтиән итек* (*ситек*) (башк.) – сафьяновые сапожки (*сафьян*– кожа высшего качества); *һабитек* (башк.: сакм. гов. вост. диал) – сапоги из яловой кожи; *мамыгойок* (караид., сакм.) –хлопчатобумажный чулок; *кама бүрек* (башк.) – шапка, обшитая снаружи полоской из шкурки выдры; *каракул бүрек* (башк.) – каракулевая шапка; *куян бүрек* (башк.) – заячья шапка; *дебет шәл* (башк.: сакм.) – пуховый платок; *көмөшйеп*(средн.) – белый позумент,*көмөш безәлек* (кызыл., ик-сакм.) – серебряный браслет, *каралтын безәлек*(ик-сакм., кызыл.) – браслет из червонного золота и др.;

2) фасон или форму одежды: *кыйық итэк* (сиб.-тат.) – подол, ткань которого выкроен вкосу; *йалбақ пеләлек* (сиб.-тат.) – широкий браслет;

йоморобурк, тэгэс бүрек (башк.: средн.) – кубанка; *түгәрэк бүрек* (башк.: аргаяш.) – шапка с оторочкой; *ослобаи кәпәс* (кызыл.) — буденовка и др.

валенки с короткими голенищами в диалектах башкирского языка называются и так: *быйма галуш* (миас.), *калушабыйма* (миас., средн.),

калуша (демск.), *кейезгалуш* (иргизск.), *кейезгата* (сев.-зап.), *кийез калуш* (минзилинск., сев.-зап.) и др.;

узоры на пуховом платке: *айсык* (демск.) – в виде полумесяца, *дүрткелһалма*, *тукмасбизәк* (сакм.), *һалмаһыр* (демск.), *дүртһалма* (икск.), *һалма бизәк* (кызыл.), *һалмабөтөй* (сакм.), *өслө тукмас* (сакм.) – трехугольный узор (*һалма*, *тукмас* - лапша), *кәкәрсәк* (кызыл.) – зигзагообразный узор, *сылбыр* (средн.) – узор в форме цепочки, *туғызлы бизәк* (сакм.), *шоморт сәсәге* (сакм.) – узор похожий на лист черемухи, *кикәрек* (демск., караид., сред.-урал) – зигзаги на краю шали, *киртмәсте ука* (средн.) – позумент с зигзагообразными краями, *кыйа изеу* (кызыл., миас.) – амайдек (*женское нагрудное украшение продолговатой формы, надеваемое через левое плечо под правую руку во всю грудь, разукрашенное серебряными монетами, драгоценными камнями и кораллами*) и др.

3) отделку одежды: *көллөшәл* (сиб.-тат.) – цветастая тонкая шаль с бахромой; *кузалы итек* – женские сапоги с свинцовыми узорами. [БРС 1996: 357]; *сәмсәле итек* – женские кожаные сапоги, вышитые цветными нитками узоры в виде улиток [БРС 1996: 570];

4) назначение одежды: в сибирско-татарском яз.: *сый гәйләк* – платье на праздник; *сый күлмәк* – платье на выход, *паи йаулык* – головной платок; *кул йаулык* – салфетка; *аана шәл* – шаль, которой накрываются поверх одежды, когда зимой едут куда-н.; *тышкы бийәләй* (сиб.-тат.), *тыш бейәләй* (башк.) – рукавица, надеваемая поверх обычной рукавицы; *көрәгә йаулык* (башк.; средн.) – платки, раздаваемые насвадьбе со стороны гостей в знак уважения к преподнесенному угощению хозяев и др.

5) способ производства изделия: в сибирско-татарском языке: *пәйләмә гәйләк* – трикотажное платье (досл. вязаное платье); *пер инә ойоқ* – чулок, вязанный крючком, *икинә шәл* – шаль, вязаная вручную двумя спицами; *йасакай* (башк.: сакм.) – самодельное украшение; *борма йөзөк* (аргаяш.) – витой перстень, *шәмәле безәлек* (кызыл) – витой браслет; *сыңгалы балдак*, *сылтылдакты балдак* (кызыл.), *сылтыракты балдак* (миас.), *сылтыракты йөзөк* (средн.), *сылтырлак балдак* (сакм.), *сылтыракты балдак* (миас., айск.), *сылтырмакты балдак* (демск.) – звенящее кольцо с мелкими монетами; *фарыуанташ балдак* (айск.) – кольцо с бриллиантом; *кашты безәлек* (ик-сакм.) – браслет с камнем; *сулпылы беләзек* (кызыл.), *кылдыракты безәлек* (миас.) и др.

6) характеристику реалии по отдельным деталям: *куслепеләлек* (сиб.-тат.) – браслет с камнями, *сынныбишмәт* (сиб.-тат.) – бешмет со сборками;

камалыбүрек(сиб.-тат) – шапка с оторочкой; сыңгалы безәлек (башк.: кызыл., мias.) – браслеты со звенящими монетами и др.

7) место производства изделия: *кәшмиришәл* (сиб.-тат.), *кәзәмерйәулык, кизимир, кеземир, кизимир* (ик-сакм.) – кашемировый платок (большой цветастый хлопчатобумажный платок с крупной красной расцветкой). *Кашмир* – название города в Индии; *фырансуз йәулык* (гайнин., кизил., средн.-урал., айск.) – азиатский цветастый платок; камсат бүрек – *шапка-камчатка* (из *камчатского бобра*);

Составные словосочетания, состоящие из трех или более компонентов: *сарылыалацакүлмәк* (сиб.-тат.) – домотканная рубашка, пестрядь которой содержит и желтый цвет; *йыланпашлыпеләлек* (сиб.-тат.) – браслет, концы которого по форме напоминают голову змеи; *алтын укалыкамсул* (сиб.-тат.) – камзол с позолоченной канителью и т.п.

Таковы краткие наблюдения над названиями одежды, украшений и их деталей в языке сибирских татар башкирского языков в словообразовательном аспекте.

Многие предметы одежды уже вышли из употребления, однако их названия сохранились в диалектах и в литературных произведениях. Исследование названий одежды в текстах башкирских, татарских и русских классиков позволяет восстановить давно забытые смыслы и символы, модные тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алишина Х.Ч. Говоры сибирских татар юга Тюменской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06: Тюркские языки. Казань, 1992. – 19, [3] с.
2. Bhh – Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә. Көнъяк диалект. (Словарь башкирских говоров. Южный диалект). II том. – Өфө: ИИЯЛ БФАН СССР, 1970. – 326 б.
3. БРС – Башкирско-русский словарь. – М.: Издательство “ДИГОРА”, “Русский язык”, 1996. – 866 с.
4. БТДһ – Башкорт теленәң диалекттары һүзлегә (Диалектологический словарь башкирского языка). – Өфө: Китап, 2002. – 430 с.
5. БТһ – Башкорттеленәңһүзлегә (Словарь башкирского языка). 2 томда. I том. – М.: “Русский язык”, 1993. – 861 б.
6. БТһ – Башкорттеленәңһүзлегә (Словарь башкирского языка). 2 томда. II том. – М.: “Русский язык”, 1993. – 815 б.

Принятые сокращения

Названия языков, диалектов, говоров

башк. – башкирский

гайнин. – гайнинский говор башкирского языка

демск. – демский говор башкирского языка

икск. – икский говор башкирского языка
ик-сакм. – ик-сакмарский говор башкирского языка
иргиз. – иргизский говор башкирского языка
караид. – караидельский говор башкирского языка
кызыл. – кызылский говор башкирского языка
мензел. – мензелинский говор башкирского языка,
миас. – миасский говор башкирского языка
сакм. – сакмарский говор башкирского языка
сальют. – сальютский говор башкирского языка
сев.-зап. – северо-западный диалект башкирского языка
сиб.-тат. – сибирско-татарский язык
средн. – средний говор башкирского языка
средн. урал. – средне-уральский говор башкирского языка
ток-соран. – ток-соранский говор башкирского языка

©Усманова М.Г., Алишина Х.Ч., 2019 г.

УДК 81'373.613

*А.Н. Шиманович (к.ф.н., доц. ИИФ КФУ
им. В.И.Вернадского, г. Симферополь),
И.С. Пилипчук (студ. 3 к. магистратуры)*

ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВА ОБОГАЩЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В предлагаемой статье рассматривается формирование медицинской терминологии как основы образования неологизмов на основе существующих лексических единиц и морфем сквозь призму истории и культуры.

Ключевые слова: язык, медицина, термин, неологизм, словообразование.

This article discusses the formation of medical terminology as the basis for the formation of neologisms based on existing lexical units and morphemes.

Key words: language, medicine, term, neologism, word formation.

Новые номинации в области медицины являются отражением происходящих изменений в данной сфере, а также важным аспектом в постижении объективной реальности, так как связаны непосредственно с когнитивно-дискурсивным процессом. Также здесь присутствует момент открытия в предмете или явлении познания его сущностных свойств.

Актуальность данной статьи определяется с одной стороны, возникновением новых языковых понятий, связанных с высокотехнологическими изменениями в медицинском мире. С другой стороны, необходимым является исследование медицинского аспекта, как одного из экстралингвистических факторов, влияющих на развитие лексической системы современного английского.

Целью исследования является изучение образования номинаций медицинской сферы как средства обогащения английского языка в культурно-исторической перспективе.

Методы исследования включают: метод структурно-семантического анализа, метод выборки, метод дефинитивного анализа.

Материалом исследования послужили современные лексикографические источники английского языка Oxford Concise Medical Dictionary, Concise Dictionary of Modern Medicine by Joseph C. Segen.

У каждой профессии есть собственный язык. Этот язык, часто непонятный непосвященным, продиктован необходимостью общаться быстро и эффективно. В медицине это особенно примечательно, т.к. «для медицинского дискурса специфичными» являются, например, краткость, точность и лаконичность [Астафурова 2007: 15].

История формирования медицинского языка простирается «от греческой гегемонии до появления национальных медицинских языков» [Фор 2010: 74]. Первые письменные источники медицины принадлежат греческому врачу Гиппократу. Период между пятым и четвертым веками до нашей эры знаменует начало греческой научной гегемонии, которая простирается за пределы римского завоевания. У римлян нет никаких лекарств как таковых, поэтому их импортируют из Греции. Искусство исцеления в Римской империи в данный период мало ценится и предоставлено пленным рабам-врачам. В дальнейшем большинство врачей Римской империи являются приезжими греками (Асклепиад Вифинский, Фессалос Эфесский, Соранос Эфесский).

В результате лексическая система английского и русского языков получила греческие медицинские термины, например:

- *pathology*, патология (гр. *pathos* страдание + *logos* слово, понятие, учение) – 1) раздел медицины, изучающий болезни, болезненные процессы и состояния в живом организме; 2) отклонение от нормы, уродливая ненормальность;

- *oncology*, онкология (гр. *onkos* вздутость + *logos* слово, понятие, учение) – медико-биологическая наука. Изучает причины возникновения опухолей, их происхождение, развитие, предупреждение и лечение их;

- *sclera*, склера (гр. *sklēra* твердая) – непрозрачная часть наружной оболочки глазного яблока, переходящая на его передней поверхности в роговицу.

Также для образования новых медицинских терминов активно используются только аффиксы греческого языка:

– *дис-*, *диз-* (греч. dys) – приставка, обозначающая разделение, отделение, отрицание, например, *dyshydrosis* (греч. dys + греч. hīdrōs пот) – «образование мелких пузырьков в основном на ладонях и подошвах» или *dysentery* (греч. dys + греч. ênteron кишка);

– *гем-* / *гемат-* / *гемато-* / *гемо-* (греч. haima, haimatos «кровь») – составная часть сложных слов, означающая «относящийся к крови»: *hemophilia*, (haima + греч. philia склонность) – «заболевание, которое передается по наследству, обусловлено недостаточностью свертывания крови, проявляется симптомами повышенной кровоточивости»;

– *пат-* (гр. pathos страдание) – первая часть составного слова: *pathology* – патология, *pathogenesis* – патогенез, *pathogenic* – патогенный, *pathological* – патологический, *pathologist* – патологоанатом;

– *кардия-/кардия* (греч. kardia «сердце») – первая или вторая составная часть сложных слов, связанных с сердечными заболеваниями: *cardiologist* – кардиолог;

– *-логия* (гр. logos «слово, понятие, учение») – вторая составная часть сложных слов. Соответствует по значению словам «наука», «знание» – *cosmetology*, *psychology* – косметология, психология.

Адекватность профессиональной терминологии в обоих языках удобна для обмена специалистами информацией о новых достижениях в медицине: *Transthoracic echocardiography is the most commonly used method to determine the visualization of cardiac hemodynamic* – *Трансторакальная эхокардиография является наиболее часто используемым методом диагностики для визуализации сердечной гемодинамики* [Gratsianskaya 2017: 36]; ... *in individuals undergoing treatments in non-core hospitals regarding gastroenterological, endocrine and other pathologies* – ... *у лиц, находящихся на лечении в непрофильных стационарах по поводу гастроэнтерологической, эндокринной или другой патологии* [Okrugin 2017: 59].

В начале I века Н.э., в то время как греческий язык по-прежнему является лингвистической основой медицины, римский аристократ из Нарбонны, Аул Корнелиус Цельс, прозванный латинским Гиппократом, написал «Де Медичину». Его медицинская энциклопедия написана на латыни, но греческие термины еще не имеют эквивалентов на латинском языке. Поэтому он:

1) использует определенные греческие лексемы, как например, *carcinogen* – канцероген (лат. cancer + гр. genes генез) – вещество, способствующее возникновению злокачественных опухолей;

2) латинизирует другие, добавляя им латинское окончание, например, *stomāchi* – *stomachum* (stomach – желудок).

3) остальное он переводит буквально, сохраняя изображения и морфемы: *podagra*. В итоге мы получили греко-латинские интернационализмы, например: глюко-, паты-, теле- и другие.

В средние века на медицинскую терминологию начинает влиять арабский язык. Арабские ученые вносят вклад в медицинскую литературу, так, Авиценна и его Канон, который на протяжении веков оставался «библией практикующих» [Фор 2010: 74]. Например:

– *alchemy/chemistry*, алхимия/химия – الكيمياء *al-kīmiyā* (переведен на латинский в 1140 году);

– *alcohol*, алкоголь – الكحل *al-kohl* (переведен на латинский в XIII веке, в XVIII веке появляется в английском словаре);

– *massage*, массаж – مَسَّ *mass* (прикасаться, приходит во французский язык в 1779 году);

– *sugar*, сахар – سكر *sukkar*;

– *elixir*, эликсир – الإكسير *al-‘iksīr*,

Эпоха Возрождения отмечается очень точными наблюдениями и описаниями анатомов (Андреас Весалиус). Так как греческий язык все меньше и меньше используется для коммуникации, в медицине начинается латинский период. Термины, заимствованные английским языком, как и многими другими, не потеряли своих значений при употреблении:

– *botulism*, ботулизм (лат. *botulus*) – острая инфекционная болезнь из группы кишечных, вызываемая токсином бактерии *Clostridium botulinum*;

– *furuncle*, фурункул (лат. *furunkulus* прыщ) – «гнойное воспаление волосяного мешочка и связанной с ним сальной железы»;

– *manually*, мануальный (лат. *manualis* ручной) – «производимый с помощью рук».

В последующие столетия основные труды по медицине систематически переводятся на латынь. Возникновение наблюдательной медицины, называемой «клинической медициной», где пациент находится в центре внимания «благодаря комбинированным методам аускультации, пальпации и перкуссии», появилась необходимость в упрощении медицинского языка [Маджаева 2010: 75]. При этом постепенно язык каждой страны получает приоритет над латынью. Например, в русском языке ассимилировались следующие заимствования:

– курорт (нем. *Kur* лечение + *Ort* место) – «местность, обладающая природными лечебными средствами»;

– фельдшер (нем. *Feld* поле + *scheren* брить) – «полевой брандмейстер, который на поле боя может помочь раненому»;

– *migraine/megrim*, мигрень (фр. *migraine*) – «головная боль»;

– марля (фр. *marli* кисея) – «тонкая хлопчатобумажная ткань, употребляется как перевязочный материал»;

– шок (англ. *shock* «удар, толчок»).

Однако, следует отметить, что, например, датские врачи пишут свои наблюдения на латинском языке до 1953 года, а британские с конца 80-х прошлого столетия «используют латинский язык узкопрофильно» [Фор 2010: 75]. Во Франции медицинское образование стало преподаваться на французском языке только в период Первой Империи (с 1804 по 1815 год).

В последние десятилетия, учитывая гегемонию США в медицинских исследованиях, на медицинский дискурс в значительной степени влияет английский язык, что нашло отражение в языке через заимствование номинаций медицинской сферы путем калькирования:

- шунтирование (англ. shunt – «ответвление») – создание дополнительного пути в обход пораженного участка какого-либо сосуда или органа с помощью полостной пластической моделирующей операции;
- лифтинг (англ. lifting «подъем, поднятие») – устранение внешних признаков старения кожи лица и шеи с помощью хирургического вмешательства, специальных кремов и т. п.

Термины, используемые в медицинской сфере столетиями, не исчезают, потому что они продолжают описывать существующие предметы или явления, например: *Optimization of specific therapy for pulmonary arterial hypertension* – оптимизация специфической **тепанну** легочной **артериальной гипертензии** [Martynyuk 2017: 20]; *All patients go ... biochemical blood analysis ...* - *Всем пациентам выполнялся ... биохимический анализ крови ...* [Medvedeva 2017: 23]. Однако, вышеназванные примеры медицинского терминологии уже не воспринимаются как новообразованные слова, т.к. уже сумели утвердиться в языке, и включены в словари. Одна из причин их «жизнеспособности» – различные способы словообразования, например:

- 1) словосложение: *Criteria from exclusion in the study: cardiogenic shock, patients with post infarction cardiosclerosis, ischemic cardiopathy* – *Критерии исключения из исследования: кардиогенный шок, больные с постинфарктным кардиосклерозом, ишемической кардиопатией* [Chazymova 2017: 81];
- 2) префиксация: *The paroxysm of ventricular tachycardia was registered in 2 patients (3,8%)* – *У 2 (3,8) пациентов зарегистрированы пароксизмы желудочковой тахикардии* [Medvedeva 2017: 23];
- 3) суффиксация: *In the cardiogram during the second year of monitoring, complications occurred in 6 (11,3%) patients* – *в кардиограмме за второй год наблюдения осложнения развились у 6 (11,3%) пациентов* [Medvedeva 2017: 23].

Язык находится в постоянном движении, в нем возникают новые слова, выражающие то, чего раньше не было, или потому, что они в определенный момент становятся необходимыми и актуальными. В предлагаемой работе мы понимаем под неологизмом новое слово или

словосочетание, которые были недавно созданы для номинации «новых или синтеза ранее существовавших понятий», а также для того, чтобы сделать старую терминологию более современной [Кубрякова 1997: 12]. Феномен неологизма существует во всех живых языках. Это объясняется тем, что язык должен отвечать все новым требованиям и номинировать новые понятия. Номенклатура медицинских средств и услуг все время расширяется. Это объясняется тем, что в медицине для диагностики и лечения используются достижения науки и техники. В связи с этим появляются новые методы диагностики, новые медицинские специальности и технические средства. Так, например, в связи с использованием достижений атомной физики появились радиоизотопные методы диагностики, лучевая терапия, в связи с достижениями радиоэлектроники – электродиагностики и электротерапия, ультразвуковая диагностика и терапия и др. Новые лекарства, инструментарий, оборудование, технологии в медицине нуждаются в номинации, поэтому в языке возникают неологизмы.

Наиболее продуктивными способами словообразования лексических единиц медицинской сферы являются:

- заимствования: *Jukusui-Kun* («робот-подушка для людей, страдающих синдромом апноэ сна»);
- словосложение: *Robocast* («робот, призванный помочь нейрохирургам во время операций по трепанации мозга»);
- аффиксация: *undernourishment* – «истощение, гипотрофия»; *downer* – «вещество-депрессант»;
- калькирование: *Argus II* (устройство, которое способно частично восстановить зрение незрячим); *Normotensives* – нормотоники, по аналогии с существительными *hypertensives* – «гипертоники» и *hypotensives* – «гипотоники»;
- сокращения и аббревиатуры: *Ubot-5* («робот, помогающий людям пережить последствия инсульта»); *ARES* («робот для проведения операций без разреза кожных покровов»); *TB* – tuberculosis.

Таким образом, история возникновения медицинского языка насчитывает более двух тысячелетий. Греческая медицинская терминология была сначала заимствована латинским языком, затем заменена или вытеснена им полностью. Позже коммуникативные запросы медицины содействовали обогащению медицинского языка национальными языками. Возникновение медицинского языка обязано развитием медицины при активизации познавательной деятельности человека в постижении существующей реальности. Постоянное движение языка характеризуется возникновением новых слов – неологизмов, номинирующих новые предметы и феномены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафурова Т.Н. Англосфера как инновационный потенциал современной науки / Т. Астафурова, А. В. Олянич // Рос. эксперт. Обозрение. – 2007. – № 3. С. 15-18.
2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 237 с.
3. Маджаева С.И. Неологизмы в медицинской терминологии – когнитивный аспект (на материале предметных областей медицины «СПИД» и «Диабет») / С. И. Маджаева // Вестник Челябинского государственного университета. Филология, выпуск 46. – 2010. – № 22 (203). – С. 63-68.
4. Фор П. Медицинский дискурс и его уникальные и универсальные вариации / П. Фор // La revue du GERAS Asp. – 2010. – № 58. – С. 73-86
5. Chazymova Z.M. The process of combined myocardial infarction with transient arterial hypotension / Z. M. Chazymova // Евразийский кардиологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 80-85.
6. Gratsianskaya S. Ye. Clinical features of pulmonary arterial hypertension associated with congenital systemic-to-pulmonary shunts / S. Ye. Gratsianskaya // Евразийский кардиологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 34-39.
7. Martynyuk T.V. Optimization of specific therapy for pulmonary arterial hypertension / T. V. Martynyuk // Евразийский кардиологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 20-27.
8. Medvedeva E.A. The prevention of cardiovascular complications after coronary stenting in patients with unstable angina / E.A. Medvedeva // Евразийский кардиологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 22-27.
9. Okrugin S.A. Clinical and medical history features of acute myocardial infarction in patients with diabetes mellitus / S. A. Okrugin // Евразийский кардиологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 58-61.
10. Joseph C. Segen. Concise Dictionary of Modern Medicine. Режим доступа: <https://www.goodreads.com/-concise-dictionary-of-modern-medicine>.
11. Oxford Concise Medical Dictionary. Режим доступа: <https://www.oxfordreference.com/view/>.

© Шиманович А.Н., Пилипчук И.С., 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СЕКЦИЯ 1. ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРС	8
Бакиев А.Г. Моделирование метафоры в свете теории концептуальной интеграции.....	8
Бен Шушан А.А. Речевой акт предложения (помощи) в ситуации траура.....	12
Биктимирова М.М. Актуализация метафорических конструкций в художественном тексте (на материале романов Н. Готорна).....	17
Валеева Р.А. Экспрессия рекламного текста сквозь призму языковой культуры.....	21
Гаврикова О.А. Навязывание пресуппозиции в кликбейт- заголовках и лингвополитическое моделирование реальности в медиадискурсе.....	27
Газизов Р.А., Мурясов Р.З. Функционирование директивных речевых актов в немецком радиодискурсе.....	33
Гладких О.И., Джемакулова С.В. Особенности концепта «Время» в русской и английской лингвокультурах.....	39
Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Отношение британского общества к мусульманскому населению (по материалам романа Надима Аслама «Карты для заблудившихся любовников»).....	45
Джамбаева Ж.А., Самотик Л.Г. Структурно-семантические особенности паремий в художественном дискурсе.....	50
Дильмухаметова А.В. Тактика поведения манипулируемого в процессе коммуникации.....	56
Закирьянов К.З. Активный билингвизм: лингвокультурологический аспект.....	60
Кошеварова Ю.А., Калимуллина А.Ф. Некоторые модели манипулирования с позиции коммуникативно-прагматического подхода.....	65
Кудряшева Ф.С. Прагматический потенциал паралингвистических средств в художественном тексте.....	69
Курашкина Н.А. Новые ориентиры зарубежной эколлингвистики в XXI веке (по материалам сборника «The Routledge Handbook Of Ecolinguistics»).....	76
Моисеева А.В. Элементы языковой игры в тексте русских журналов для женщин.....	81

Мячин К.А. Обобщающий анализ лингвосемантических и структурно-синтаксических характеристик авторского текста (по материалам произведений Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer» и «Nothing Ever Dies»)	87
Пешкова Н.П. Вторичность как свойство текста и признак гипертекстуальности	99
Пожидаева Е.В., Ремарк А.А. К вопросу о межкультурном взаимопонимании при интерпретации символов в иноязычном художественном тексте	103
Салимова Г.Н. Коммуникативные табу в аспекте этикета поведения	108
Салимова Р.М. Модальный аспект в текстах актовой речи	112
Таюпова О.И., Равилова Р.Р., Салимьянова Г.Р. Структурные и языковые особенности кулинарных рецептов в ракурсе межкультурной коммуникации (на материале текстов немецких кулинарных рецептов)	121
Титлова А.С. Жанровая принадлежность микроблога в рамках Интернет-дискурса	127
Фёдорова А.Л. <i>Небось</i> и <i>неужели</i> как дискурсивные маркеры косвенного неодобрения	133
Щербakov С.В. Психологические особенности понимания Жестов	138
Якина Я.И. Аудиовизуальные и иконнографические средства представления продукта в рекламном слогане	142
Ясакова Ю.С. Лингвосинергетический подход к изучению языковой игры (на примере американского политического дискурса)	146
СЕКЦИЯ 2. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	152
Абдюкова З.А. Объемно-пространственный фрейм во французском языке: пространственное осмысление непространственных концептов	152
Абукаева Л.А. Паремииологическая репрезентация концепта <i>Юмо</i> 'Бог'	158
Безменова Л.Э., Санжаровская К.Ю. Антропонимы в сказках Роальда Даля: особенности семантики и функционирования	163
Гафарова Г.В. Об истории создания функционально-когнитивного словаря	168

Имамутдинова Ф.Р. Когнитивный образ иноязычного слова при овладении иностранным языком.....	178
Исмагилова Х.Н., Хакимова Г.Ф. Объекты чувственного восприятия как взаимосвязь между образами внешнего мира и общим процессом жизнедеятельности человека.....	184
Касымова О.П. О когнитивном единстве семантической и словообразовательной структуры слова.....	193
Кочнова К.А. Полевое моделирование языковой картины мира в паремиологии.....	197
Краснова Т.И. Когнитивно-прагматические аспекты функционирования коннектора <i>не только ... но и</i> в медиатекстах....	202
Нуртдинова Л.Р. Фразеоматизмы как разряд идиоматичных единиц языка.....	211
Погорелко А.М. Психологические эффекты культурно-языкового восприятия времени.....	217
Султанбаева Х.В., Гимашева Г.М. концептосфера “Ғаилә” (“Семья”) в творчестве Мустая Карима.....	224
Уразметова А.В. «Синие» топонимы на карте США.....	230
Усманова М.Г., Алишина Х.Ч. Терминология одежды и украшений в словообразовательном аспекте (на примере сибирско-татарского и башкирского языков).....	235
Шиманович А.Н., Пилипчук И.С. Формирование медицинской терминологии как средства обогащения лексической системы современного английского языка.....	242

Научное издание

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ
В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ**

Сборник материалов

*Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвященной 80-летию со дня рождения
доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля
науки Республики Башкортостан, Почетного работника высшего
профессионального образования Российской Федерации
Кильдибековой Танзили Асхатовны
(г. Уфа, 26 ноября 2019 г.)*

Том I

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.

Подписано в печать 05.12.2019 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 14,49. Уч.-изд. л. 15,12.
Изд. № 132. Заказ 528.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32*